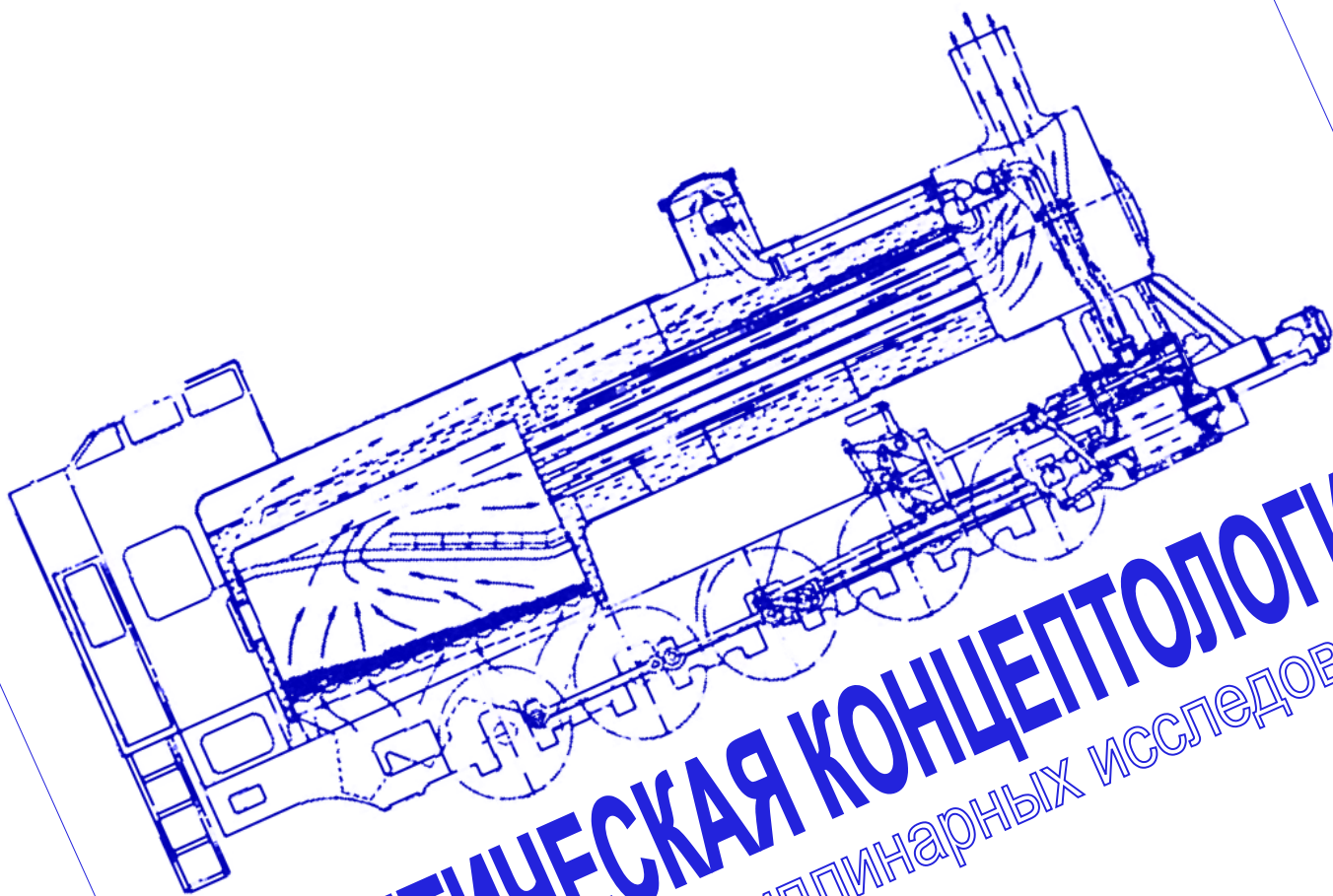

ЮЖНЫЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:
журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

2024 г. № 4

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ
Института философии и социально-политических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:
журнал междисциплинарных исследований

2024. № 4

(октябрь-декабрь)

Научный журнал
Издаётся с 2009 года

Политическая концептология: **журнал междисциплинарных исследований**

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Эл № ФС77-82437 от 8 декабря 2021 г.

ISSN 2949-0707

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Заместитель главного редактора: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Ответственный секретарь: *А.В. Тунаев*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, профессор *С.С. Неретина* (г. Москва)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (г. Волгоград)

Доктор философских наук, профессор *М.Ф. Быкова* (г. Роли, Северная Каролина, США)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (г. Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (г. Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (г. Москва, г. Ньюфаундленд, Канада)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (г. Санкт-Петербург)

Доктор политических наук, профессор *А.Ю. Сунгуров* (г. Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (г. Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (г. Москва)

Электронная версия журнала: <https://politconcept.sfedu.ru/>

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону

ул. Б. Садовая, 105

тел.: (863) 263 3158 263 8498

факс: (863) 264 5255

e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:

344065, г. Ростов-на-Дону

ул. Днепровский, 116, к. 116

тел. (863) 290-10-93

факс: (863) 264-52-55

e-mail: konstantinov@sfedu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.

Религиозные предпосылки государственного интереса..... 6

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Розин В.М.

Социальные исследования и наука: состав и основания (методологический анализ)..... 15

Гуров О.Н.

Воплощенная власть: киборгизация как механизм биополитического контроля..... 23

Оболонский А.В.

Моральные драмы и парадоксы общественного сознания в смутные времена
(к вопросу о судьбах российского либерализма)..... 34

ЗЛОБА ДНЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Паламарчук Е.А.

Евгенический аспект политики «оздоровления» нации в гитлеровской Германии:
теория и практика..... 50

Семина Е.А.

Проблемы и перспективы реализации концепции 4-П в системе здравоохранения
Российской Федерации..... 62

Берлявский Л.Г.

Избирательные системы в зарубежных странах: сравнительный анализ..... 72

300-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ИММАНУИЛА КАНТА

Капустин Б.Г.

Кант о невозможности революции..... 89

Хренов Н.А.

О белых пятнах в истории эстетических учений:
влияла ли традиция эпикуреизма на кантовскую «критику вкуса»?..... 115

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

От редакции..... 133

Белоногов И.Н.

Кричащие машины. Пустынные хроники..... 133

Марчукова Е.С.

Размышления о философском поколении как вид духовной практики..... 157

Винкельман А.М.

Поколение – это глагол..... 164

Наши авторы.....	172
Summaries and keywords.....	174
Contents.....	180
К сведению авторов.....	182

Слово редактора

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНТЕРЕСА

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: М.А. Бакунин 150 лет назад заметил сходство между сословиями священников и государственных людей (бюрократов, военных, дипломатов). По его мнению, те и другие достойны тысячекратной каторги и виселицы, «...ибо не существует ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступления, обмана, низкой сделки, цинического воровства, бесстыдного грабежа и грязной измены, которые бы не совершались... представителями государств, без всякого другого извинения, кроме эластичного, столь удобного и вместе с тем столь страшного слова: государственный интерес»¹. Обратим внимание, что государственный интерес (далее ГИ) не только связывает сословия священников и бюрократии (поскольку их деятельность является криминальной), но и маскирует ее уголовное содержание.

Был ли Михаил Александрович оригинален в таком определении ГИ или же он опирался на сходные мнения своих современников? Напомню, что ко времени высказывания Бакунина в Европе уже издавался «Колокол» А.И. Герцена, были опубликованы записки князя П.В. Долгорукова и книги отца Д.И. Ростиславова. Все они фиксировали указанные человеческие качества среди представителей русской аристократии и духовного сословия со времени образования Московского княжества, с особым акцентом на ситуацию середины XIX в. Книга маркиза де Кюстина и его оценки России ко времени деятельности Бакунина приобрели европейскую известность².

Специалисты в сфере знания и оценки книги Кюстина отмечают, что ее содержание применимо к России Сталина и Брежнева. Книга выходит за пределы изображенного в ней времени, является настоящим историческим документом, по которому можно изучать промежутки времени от ста до двухсот лет. Она является таким документом, по которому можно изучать промежутки времени от ста до двухсот лет, ее можно воспринимать как введение в изучение проблемы предпосылок ГИ нынешней России³.

Вытекает ли отсюда, что Бакунин повторял общеизвестные мнения и оценки своих русских и европейских современников, несогласных с политическим устройством николаевской России? Или же его мнение подтверждается современными исследованиями?

Ключевые слова: М.А. Бакунин, государственный интерес, религиозные предпосылки.

¹ См.: Бакунин 1920: 191.

² См.: Кюстин 2008.

³ См.: Мильчина 2008: 718, 725.

Для ответа использую фундаментальный десяти томный труд К. Дешнера «Криминальная история христианства». На русский язык было переведено лишь два тома и издание оставалось. Этот факт показателен для констатации отношения нынешней официальной России к каталогу двухтысячелетних преступлений христианского клира против права и морали. Обсуждение исторических сюжетов выходит за пределы моей компетенции. Вычленю из работы Дешнера лишь несколько методологических проблем, позволяющих двинуться дальше в анализе политической бездарности [Дешнер 1996]⁴.

История преступлений христианства пересекается с историей христианских церквей. В ее состав входят организационные формы церковности, жизнь и деятельность отцов церкви и клира, властные амбиции, насилие, эксплуатация, обман и надувательство на протяжении всей истории христианства, а также история ересей и сект. Дешнер выявил и систематически проанализировал множество исторических фактов, свидетельствующих о преступлениях клира. Эти факты разрушают образ христианства как религии Евангелия, любви, мира и «истории искупительного подвига Христа».

Дешнер отвергает ссылку на вечный антагонизм между идеалом и действительностью, которую использовали религиозные и светские мыслители и практики для оправдания противоречий между учением Христа и деятельностью Церкви. Двухтысячелетняя история преступлений позволяют определить христианство как абсолютную вершину всемирно-исторической преступности.

Основанием пирамиды преступлений является стремление религиозного клира подчинить себе светскую власть. До настоящего времени церковь влияет на государство и наоборот. Поэтому Дешнер использует исторический материал для описания взаимодействия церкви и государства.

Этот материал образует содержание и смысл концепта «наступательной гражданской войны», который предложил Дешнер для описания истории христианства как процесса постоянного подавления верующих и подданных. При этом церковь делала подачки (ради приглушения народной ярости), оплачивала художников (чтобы увековечить себя и свою историю), строила дороги (чтобы на них потом вести войну и совершать другие дела).

Клир всегда был вовлечен в политику, стремился влиять на властителей, правительство, законодательство. Вся история клира есть история паразитического стремления наверх ради преодоления зависимости от светской власти. В этом процессе клир использовал религиозные лозунги для достижения мировой власти.

Войны велись под командой церкви и с ее участием ради уничтожения целых народов, которые считались язычниками-преступниками. Церковь полагала, что их надо любыми средствами (предательством, обманом, жестокостью) обратить к истине. Церковь провозгласила лозунг священной войны ради смерти за родину (вначале небесную, затем мирскую), в результате которой каждый попадет с поля битвы прямо в рай.

Дешнер устанавливает два типа связей истории христианства с историей XX века:

- между лозунгами священной войны и смерти за родину с миллионами обманутых «полевыми священниками в годы мировой войны, которые с открытыми глазами и слепые одновременно шагали на бойню»;

- между христианским концептом «единоспасающей правды» и «окончательным решением» еврейского вопроса Гитлером.

В результате анализа указанных явлений Дешнер вводит концепт «клерикальной террористической активности» для суммарного обозначения борьбы церкви с язычеством, дея-

⁴ Далее все цитаты приводятся по этому изданию.

тельности инквизиции, еврейских погромов, искоренения ведьм и индейцев, последовательной милитаризации, политизации и идеологизации христианства.

Затем описаны формы фальсификации, культивируемые христианством на протяжении столетий (сочетание обмана и лжи, в состав которых входят апостолизация, соперничество пилигримов, имущественное и правовое обеспечение). В Европе до позднего Средневековья фальсификаторы были духовными лицами. Везде они пытались по церковно-политическим причинам реализовывать свои претензии фабрикацией фальшивых свидетельств или интерпретацией старых. В Средние века установилось примерное равенство между настоящими и поддельными документами, летописями, хрониками. Благочестивый обман стал политическим фактором, фальсификаторский цех – упорядочивающей инстанцией церкви и права.

Большая часть культурных достижений церкви стала возможной благодаря ограблению, порабощению и разорению масс на протяжении столетий. Создание архитектурных ансамблей имело корыстные основания (демонстрация мощи). Бесконечные иллюстрации сцен из Библии и преданий о святых в живописи были идеологически обусловлены. Раннее христианство отличалось культурным равнодушием и эсхатологическим презрением к миру культуры в целом. Почти везде были уничтожены языческие храмы, постройки превращены в пепел, срыты. В Риме остатки храмов использовались как каменоломни, статуи были разрушены, прекрасные саркофаги использовались как лохани и свиные кормушки. Грандиозная мавританская культура Испании была растоптана. В Южной Америке католицизм уничтожил (вместе с миллионами людей) намного больше культурных ценностей, чем создал.

В целом христианство тормозило, отравляло и уничтожало культуру. Нанесло громадный ущерб в сфере воспитания, образования и науки.

Дешнер обсуждает методологические проблемы историографии на основе учета истории преступлений христианства в единстве с описанием христианской политики. В состав данных проблем входит анализ классического определения истории как учительницы жизни, соотношение объективности и субъективности при описании исторического процесса, общая квалификация истории человечества, типы исторических писателей, формы социально-исторической детерминации исторического знания, соотношения в нем истины и лжи, объекты и методы исторических исследований и пр.

Гегель установил, что история не является учительницей жизни⁵. Однако правительства настолько успешно *учились* у истории, – констатирует Дешнер, – «что единственное искусство, до сих пор не нуждающееся во вмешательстве, это искусство управления государством». Правительства заимствовали у церкви весь арсенал перечисленных методов. Поэтому проблема политической бездарности властвующих лиц при реализации ГИ приобретает историческую пространственно-временную определенность. В общем виде политическую бездарность можно определить как меру заимствования светской властью у духовной власти всех перечисленных методов управления государством.

Церковь культивировала насилие ради насаждения христианства, способствовала моральному падению человека на протяжении всей истории. Поэтому история есть спектакль со многими актами силы⁶. Таким образом произошло отождествление христианского представления об Аде и категории Исторического⁷. Историю надо знать для того, чтобы ее прези-

⁵ «Народы и правительства никогда ничему не научились у истории и не вели себя согласно урокам, которые должны были извлечь».

⁶ История – это постоянный прогресс от охотника за черепами до промывателей мозгов, от духового ружья к ракете, от кулачного права к кулачному праву в параграфах и маске силы, от заключения мира к заключению мира, от метастазы к метастазе, от грехопадения к грехопадению.

⁷ «Ад – это Историческое, история воскрешения того, что не должно было воскреснуть, по крайней мере не так должно было воскреснуть, жалкий спектакль, в котором народы – цепные псы, мечтающие о свободе, – скорее умрут под лозунгами, чем лозунги под народами, при этом править обычно означает не что иное, как ме-

рать. Особенно важно знать ведущие идеи, фигуры, декларации, действия, тысячи фактов христианской политики.

На основании собственного жизненного опыта, исследовательской и педагогической практики Дешнер выделяет два типа исторических писателей: тех, кто настаивает на «объективности» исторического знания; тех, кто такой иллюзии не питает. Требования профессионализма (источники и тексты историографии) объединяют оба типа⁸.

Но первый тип под маской объективности продуцирует ложь и прямо или косвенно транслирует все перечисленные стандарты христианской церкви и политики. Постоянное переписывание истории свидетельствует о ее несвободе в отношении всего комплекса исторических обстоятельств и ложности.

Второй тип прямо говорит о своей односторонности и предубежденности и не вводит в заблуждение читателя. В целом отношение историографии к социальной действительности воспроизводит противоположность между проповедью и практикой христианства. При методических разногласиях речь идет не столько о деловой, сколько о политической дискуссии, общественном процессе переоценки.

подавляющее большинство религиозных и политических деятелей подпадают под категорию «всемирно-исторических негодяев». Это – коронованные, некоронованные, сами себя короновавшие преступники, епископы и папы, святые, полководцы и прочие вершители дел и истории. Для анализа их деятельности Дешнер предлагает соединить судебную и историческую медицину⁹.

Хотя вера в объективность исторического знания убывает, этот процесс не должен вести к распаду мысли. Для противодействия ему Дешнер формулирует несколько максимумов (убеждений) подлинного историка:

- правда или правдоподобность важнее той науки, которая во имя науки выступает против правды;
- при всем хаосе истории можно постичь ее всеобщий смысл, существенное и типичное;
- при этом не следует идти дальше, чем позволяют документы;
- историк занимается выявлением основных черт в процессе суммирования информационного материала, в котором обобщение и квантификация составляют одно целое;
- в целях достижения исторической правды по отношению к объекту исследования (в данном случае христианству) надо иметь мужество быть его врагом и с этой позиции воспроизводить всю его историю¹⁰;

шать справедливости, делать для многих как можно меньше, а для немногих как можно больше, при этом право не является предварительной ступенью справедливости, но ее предотвращает. В итоге «реальным политикам» можно не являться с этикой... Военщина – мистика убийства, история не что иное, как сделка».

⁸ Речь идет о вторичной исторической литературе и смежных науках – нумизматике, геральдике, сфрагистике и др.; об исследованиях во вспомогательных дисциплинах и соседних областях истории, особенно – естественно-церковной истории с ее пересекающимися разделами истории миссионерства, веры, теологии и догматики, истории мучеников и монахов, истории папства, истории «благочестия»; об использовании археологии, хозяйственной и социальной истории, истории права, основного закона, войн и воинской службы, география и статистика.

⁹ Он даже иронически предлагает тему для докторантов и соискателей доцентуры: «Систематическая история пищеварения коронованных и помазанных владык наряду с их влиянием на христианский Запад с начала спора за инвеституру и до конца Тридцатилетней войны с добавлением о пищеварении, пищеварительных средствах и лечебных препаратах всех св. пап и антипап этого периода».

¹⁰ «Я пишу из-за «вражды», – подчеркивает Дешнер. – Так как история тех, о ком я пишу, сделала меня своим врагом. Меня смогут опровергнуть не потому, что я не написал о том, что тоже было правдой. Меня опровергнут лишь тогда, если то, о чем я писал, было ложью».

- надо отбросить шаблон о делении критики на конструктивную и деструктивную, который культивируется теми, кто никогда всерьез не пытался этого делать по причине оппортунизма, равнодушия, неспособности;

- более всего чувствительны к критике клерикальные круги, чья церковь до сих пор разыгрывает из себя высшую моральную инстанцию мира;

- надо отвергнуть концепт «духа времени» по причине его апологетики;

- на протяжении 2000 лет разбой, убийство, эксплуатация и война считались обычными явлениями, поэтому надо реанимировать традицию трехсотлетней раннехристианской проповеди в духе миролюбия, коммунистические обращения отцов и учителей церкви IV столетия с одновременной критикой исторического христианства за его непоследовательность.

На этих основаниях Дешнер развивает идею аксиологической историографии. «Для меня несправедливость, преступление 500, 1000, 1500-летней давности, – пишет он, – столь же живы и возмутительны, как и несправедливость, преступление, свершающееся сегодня или через 1000, 5000 лет». Быть равнодушным значит непрерывно убивать. Он показывает также до сих пор не преодоленную диспропорцию между теологией и наукой¹¹. Эта идея может быть развита с привлечением всех вариантов теории справедливости к изображению истории.

В настоящее время политическое значение историографии возрастает. Особенно важно строго сформулировать, как меньшинство правит для меньшинства и против большинства масс. До сих пор политическая история покоится на власти, насилии, преступлении. Большинство историков пока не называют государственных деятелей преступниками. Более того, гордятся своей близостью владыкам и духу времени. Поэтому до сих пор верна констатация Ранке: историография не улучшается, а портится от политики. Политику можно делать ради массы людей, но она делается против них. История тоже обычно пишется против них. Большинство историков описывает битвы, революции и прочие исторические преступления и преступников. Поэтому остается верным положение Иоанна Хризостомоса «Кто хвалит грех, тот намного хуже того, кто ему предается». В этом смысле историки хуже политиков.

Наиболее важный пункт методологии Дешнера состоит в обосновании оригинального концепта преступления и преступника.

Прежде всего он отвергает институт уголовного кодекса по следующим основаниям: каждый кодекс общественно консервирован; выражает идеологию истеблишмента; написан под влиянием господствующего меньшинства; направлен против подчиненного большинства.

Дешнер формулирует исходное определение на основе общего мнения и правовой науки: убийца тот, кто намеренно убил другого человека по «низким» мотивам (чтобы его ограбить или занять его место). Здесь юстиция устанавливает различие между убийством (ограблением) *одного* или *миллионов*. Только первое подпадает под понятие уголовного преступления. Для Дешнера такая «справедливость» не заслуживает своего имени.

Затем он отвергает веру массового сознания в то, что каждый знает различие между преступниками и героями. Однако различие между тем и другим устанавливают государства,

¹¹ «Теология тоже не наука, во всяком случае, единственная, представитель которой – а это историки не позволяют себе сказать – не имеет никакого представления об объекте исследования, и однако же они располагают сравнительно большим числом кафедр, чем все другие. По меньшей мере в нашей стране семидесятих годов XX столетия в Варцбурге на 1149 студентов хозяйственно- и социально-научных факультетов приходилось 10 кафедр, на 238 теологов – 16! Более того, в Бамберге свободное государство Бавария, руководимое тогда христианскими социалистами, финансировало 11 профессур для 30 студентов – теологов! Для 30 будущих божьих ученых, если они вопреки всему не «отбились», по-прежнему больше профессоров, чем для 1149 студентов менее заказываемого по ту сторону научного направления».

церкви, историографии. Даже традиция первоисточников льстит угнетающим и игнорирует угнетенных. Таково катастрофическое воздействие историографии последних столетий.

Со времен абсолютизма политическая власть, общественные институты, история и национальная идентичность наглядно «объединились и олицетворились». Толпа приняла поступки таких героев, как достойных подражания. «Политический героизм, – пишет Дешнер, – всегда намного меньше доброй воли к собственной гибели, чем злой – к гибели других. На деле политика была и остается «мерзкой песней». Поэтому государственные награды всегда отражают все перечисленные предпочтения религиозных и политических групп.

Дешнер подвергает критике концепции Гегеля и Карлейля, которые представляют мировую историю как историю великих людей и отождествляют силу с правом. Эти концепции способствовали бюрократизации историографии – большинство историков являются государственными чиновниками. Фигура Гегеля особенно показательна. В его системе воспроизведено христианское убеждение в возможности обладания абсолютной истиной, а мировой истории – как осуществления Божественного Откровения.

Отсюда вытекает набор философско-мировоззренческих догматов, до сих пор питающих миллиарды подданных в сотнях государств: защита существующей здесь и сейчас государственной власти; борьба против всех отклонений от нее; ненависть к любым протестам; превознесение силы; квалификация генезиса государств как продукта деятельности «великих людей»; отрицание идеи вечного мира; квалификация войны как вечного и необходимого элемента истории, источника нравственного здоровья народов; определение подлинной храбрости как готовности к самопожертвованию на службе государству и т. п.

Весь этот образ мысли ведет к тому, что больших преступников ожидает хвала историков и философов истории.

Дешнер настаивает на этической ориентации истории. В противном случае целые поколения используются в преступных целях каждым всемирно-историческим негодяем. Вместо проклятья политическим преступникам «...большинство историков распространяют дерьмо прошлого, как будто это гумус для будущего рая». Именно немецкая историческая наука поддерживала традиционный образ истории, общества, завещанный «порядок» вместо того, чтобы способствовать его падению. Уже в XIX в. немецкая историография была особенно привязана к национальной априорности, все больше попадала в кильватерную струю национал-государственной идеи, патриотического оптимизма и веры в подъем. Зато она почти презирала социальную историю, а в XX в. обслуживала государство, политику диктатора, войну и национальную культуру. Даже после Гитлера большое число германских историков проявило тенденцию к фетишизации государства.

Для борьбы с этой тенденцией Дешнер предлагает развивать историографическую критику всех основателей государств (типа Карла «Великого»), отвергать любой (церковный и светский) вариант империалистической мысли, использовать один и тот же язык для описания действий «государственных мужей» и никогда их не оправдывать¹², не пользоваться «органическим» языком при описании деятельности государственных мужей. В целом расширение любых государств вступает в противоречие с человеческой культурой.

В заключение Дешнер резонирует: «Само собой разумеется, не утверждается, что во всех бедах виновато только христианство. Дело, возможно, пойдет так же плачевно и без христианства. Этого мы не знаем. Мы знаем только, что с ним так пойдет и должно пойти дальше. Не в последнюю очередь поэтому я выявляю его вину во всех существенных случа-

¹² «Настоящие исследователи, – иронизирует Дешнер, – говорят о самых скверных разбойничьих походах и массовых бойнях истории как об экспансии, внешней операции, воздействии, основном перебазировании, процессе блокирования, проникновении в сферу господства, христианизации и умиротворении пограничных народов».

ях, на которые я натолкнулся, по возможности максимально широко, но никогда не преувеличивая, не утрируя, как это может некоторым показаться, кто не имеет никакого представления о христианской истории или введен в заблуждение по ее поводу».

Политика силы – естественный продукт христианской религии и церкви. На протяжении столетий догматическая ложь, гомилетическое утешение, литургическое оглушение служили голой борьбе за власть, которая именно с их стороны столь успешно велась и еще ведется.

Выводы

Таким образом, мнение М.А. Бакунина об уголовном содержании государственных интересов подтверждается современными исследованиями. Десятитомный труд К. Дешнера¹³ позволяет нагрузить понятие ГИ громадным социально-историческим содержанием, имеющим непосредственное отношение к политической истории XX века. В этом материале можно выделить множество смысловых узлов, которые нужно учитывать при анализе предпосылок формирования ГИ, сохраняющих свою значимость до настоящего момента. К ним относятся: христианство – это вершина всемирно-исторической преступности, которая возникла в результате стремления клира подчинить себе светскую власть; наступательная гражданская война – это итог процесса постоянного подавления религиозным клиром верующих и подданных; вся история вовлеченности клира в политику свидетельствует о паразитическом стремлении наверх ради преодоления зависимости от светской власти; использование клиром религиозных лозунгов для достижения мировой власти; проведение под командованием и с участием церкви войн ради уничтожения целых народов, которые квалифицировались как язычники; провозглашение лозунга священной войны ради смерти за небесную, а затем земную родину; этот лозунг связал историю христианства с мировыми войнами XX века, в которых христианский концепт «единоспасающей правды» переплелся с «окончательным решением» еврейского вопроса.

Концепт клерикальной террористической активности резюмирует борьбу церкви с язычеством, историю инквизиции, еврейских погромов, искоренения ведьм и индейцев, милитаризации, политизации, идеологизации христианства.

Указанные предпосылки сильнейшим образом повлияли на историографию. На протяжении истории христианства возникла система фальсификации и профессия фальсификаторов, в результате чего благочестивый обман стал политическим фактором. Культурные достижения церкви – это итог ограбления, порабощения и разорения масс на протяжении столетий. В целом христианство тормозило, отравляло и уничтожало культуру, нанесло громадный ущерб сферам воспитания, образования и науки.

Блок методологических проблем историографии возник в результате истории преступлений христианства в единстве с реализацией христианской политики. Политическая бездарность воплотилась в искусстве управления государством. В общем виде политическая бездарность есть мера заимствования светской властью у духовной власти всех перечисленных методов управления.

Церковь культивировала насилие ради насаждения христианства, способствовала моральному падению человека на протяжении всей истории. Поэтому вся история переполнена

¹³ Этот труд, кстати, полностью опубликован в Польше, и я его прочел, когда там работал. Но обсуждение конкретных исторических фигур, явлений и событий образует предмет интереса профессиональных историков. То же самое относится к сравнительно-историческим исследованиям мировых религий с точки зрения уголовного права. Однако здесь более уместен когнитивный интерес профессиональных юристов. Я ограничился методологическими сюжетами.

насилием. Историю надо знать для культивирования презрения к ведущим идеям, фигурам, декларациям, действиям и факторам христианской политики. В целом отношение историографии к социальной действительности воспроизводит противоположность между проповедью и практикой христианства. Подавляющее большинство религиозных и политических деятелей подпадают под категорию «всемирно-исторических негодяев». Для анализа их деятельности надо соединить судебную и историческую медицину.

Для выявления меры политической бездарности государственных деятелей следует реализовать максимы подлинного историка: правда важнее науки, которая во имя науки выступает против правды; надо стремиться постичь всеобщий смысл, существенное и типичное в истории на основе документов; синтезировать информационный материал путем обобщения и квантификации; иметь мужество быть врагом христианства и с этой позиции воспроизводить его историю; отвергнуть шаблон о делении критики на конструктивную и деструктивную; направлять критику на клерикальные круги, которые не являются высшей моральной инстанцией; отвергнуть концепт «духа времени»; реанимировать традицию трехсотлетней раннехристианской проповеди с одновременной критикой исторического христианства.

Аксиологическая историография базируется на применении теории (не)справедливости к изображению истории. Особенно важно правдивое изображение способов правления меньшинства для меньшинства и против большинства. Политическая история до сих пор покоится на власти, насилии, преступлении. Поэтому надо квалифицировать государственных деятелей как преступников. Описывать повседневную жизнь и заботы большинства людей, а не битвы, революции и прочие исторические преступления и преступников. Для этого надо использовать дешнеровский концепт преступления и преступника со всеми его аргументами и коннотациями.

В частности, юридическое определение преступника недостаточно, поскольку при таком подходе массовые убийства не подпадают под понятие уголовного преступления. Требуется разработка концепта политических преступлений и политической (не)справедливости. На этом пути надо отвергнуть: установившееся различие между преступниками и героями, поскольку оно до сих пор устанавливалось религиозно-политическим абсолютизмом; концепции мировой истории как истории великих людей и отождествления силы с правом; набор философско-мировоззренческих догматов, питающих миллиарды подданных в сотнях государств с присущими каждому из них правящими группами и бюрократиями. Все эти догмы легитимируют политическую бездарность.

Политическая ориентация историографии способствует использованию целых поколений в преступных целях всемирно – историческими негодьями. Для преодоления данной тенденции надо развивать историографическую критику всех основателей государств, отвергать любой (церковный и светский) вариант империалистической и националистической мысли, использовать один и тот же язык для описания действий государственных мужей «своей» и «чужой» страны.

Таким образом, религиозные предпосылки ГИ разнообразны и в большей или меньшей степени сохраняют свое значение в зависимости от специфики современных государственных бюрократий.

Бакунин М.А. 1920. *Избранные сочинения. Том 3. Федерализм, социализм и антитеология.* – Петербург-Москва. – Книгоиздательство «Голос труда».

Дешнер К.Х. 1996. *Криминальная история христианства. Том 1.* – М.: Издательский дом «Терра». – 464 с.

Записки князя Петра Долгорукова. 2007. *Пер. с фр. А.Ю. Серебрянниковой; вступ.ст., примеч. и указатель С.Н. Искюля.* – СПб.: ИЦ «Гуманитрная Академия».

Кюстин А. де. Россия в 1839 году. 2008. *Пер. с фр. О. Гринберг, С. Зенкина, В. Мильчиной, И. Стаф.* – СПб.: Крига.

Мильчина В. 2008. *Несколько слов о маркизе де Кюстине, его книге и ее первых русских читателях* / Мильчина В.А., Осповат А.Л. Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». – СПб.: Крига.

Ростиславов Д.И. 2011. *О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т.* – Т. 1. – Рязань: Александрия.

Ростиславов Д.И. 2011. *О православном белом и черном духовенстве в России. В 2-х т.* – Т. 2. – Рязань: Александрия.

Общие проблемы
политической концептологии

**СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАУКА:
СОСТАВ И ОСНОВАНИЯ
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

В.М. Розин
Институт философии РАН

Аннотация: В статье обсуждается природа и специфика социальной науки. При этом автор, с одной стороны, рефлексивизирует существующие социальные исследования, поэтому анализирует несколько кейсов, с другой – обсуждает основания социальной науки, которые выделялись известными социальными учеными и философами, З. Бауманом, Б. Латуром, Н. Луманом, В. Федотовой. Автор вслед за Федотовой приходит к выводу, что в социальных науках реализуются две методологии и подхода – естественнонаучный и гуманитарный; предлагается анализ их строения и работы. Помимо этой закономерности указывается на популятивный и культурно-исторический характер социальности. Обсуждаются границы исследования оснований социальной науки.

Ключевые слова: исследование, наука, методология, закономерность, сингулярность, социальность, социология, мышление, рефлексия, идеальный объект.

В методологическую схему второй половины XIX века «науки о природе и науки о духе» социальные и общественные научные дисциплины не входили. Они методологически обустраивались отдельно от естествознания и гуманитарных наук (более позднее название наук о духе), хотя и с оглядкой на них. На последнее обстоятельство обратил внимание Зигман Бауман в своей интересной книге «Мыслить социологически» [Бауман 1996]. Он отмечает, что на первом этапе формирования социология, по выражению Бруно Латура, «пыталась подражать естественным наукам в уровне сциентизма» [Латур 2014: 344]. При этом социологию Бауман понимает достаточно широко, как связанную с другими социальными науками, которые задают для социологии более широкое целое, контекст: «то, что отличает социологию и придает ей особый характер, – это привычка рассматривать человеческие действия как элементы более широких структур» (экономических, правовых, культурных, институциональных и пр.) [Бауман 1996: 12].

Этот первый естественнонаучный подход в социологии Бауман подкрепляет разбором представлений классика социологии Э. Дюркгейма. Хотя Дюркгейм признавал отличие социальных фактов от природных, тем не менее, он считал возможным объективно изучать социальные явления. «Желая правильно описать и объяснить человеческое поведение, социолог

должен (и его призывают) оставить в стороне человеческую душу, намерения и личные смыслы, о которых нам могут поведать только сами индивиды (“загадки человеческой души”, таким образом, обречены оставаться незамеченными и непроницаемыми), и обратиться к изучению явлений, которые можно наблюдать со стороны и которые будут казаться разным наблюдателям одинаковыми» [Там же: 231].

Но на втором этапе более важным для ряда социальных ученых становится гуманитарный подход, здесь пионером, безусловно, выступил Макс Вебер. «Мысль о том, что существует один, и только один, способ “быть наукой” и что поэтому социология должна самоотверженно подражать естественным наукам, Вебер категорически отвергает... объяснить человеческое действие – значит понять его: уловить смысл, которым действующий субъект наделяет его» [Там же: 12–14]. Работа М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» – пример реализации этих взглядов [Вебер 2002].

Позиция Баумана, естественно, ближе ко второму подходу, из его методологических взглядов на социальные науки можно взять два важных положения, а именно, что социальные знания представляют собой не описания идеальных объектов как в естествознании, а интерпретации, а также что социальная реальность в отличие от «первой природы» «популярна», т. е. представляет собой множественный феномен. «Социология – это расширенный комментарий опыта обыденной жизни, интерпретация, основывающаяся на других интерпретациях и, в свою очередь, питающая их. Она не конкурирует, но соединяет свои силы с другими частными дисциплинами, занимающимися интерпретацией человеческого опыта (литература, искусство, философия). Социологическое мышление, по меньшей мере, подрывает веру в исключительность и полноту какой бы то ни было интерпретации. Оно привлекает внимание к множественности опытов и форм жизни, показывает каждую из них как целостность саму по себе, как мир со своей собственной логикой и в то же время разоблачает всю фальшь ее самодовольства и якобы явной самодостаточности» [Бауман 1995: 239–240].

Правда, с первым положением стоит согласиться с поправкой. В социальных науках (социологии, политике, экономике, юриспруденции, истории, социальной психологии и др.) тоже создаются идеальные объекты (например, «общество», «группы», «социальные отношения», «действия», «акторы», «институты»), но по отношению к социальному действию и практике эти объекты действительно выступают как «схемы», на основе которых создаются разнообразные интерпретации. Скажем, политологи и политики используют понятие социального института или общества именно как схемы, позволяющие, с одной стороны, объяснить для себя и своей аудитории происходящие социальные процессы и коллизии, с другой – вменить участникам этих аудиторий нужные представления (о схемах, которым мы придаем в развитии социальности большое значение, см. нашу работу «Введение в схемологию» [Розин 2011]).

Обсуждая специфику социальных наук, известный социальный философ В.Г. Федотова, утверждает, что обе, отмеченные Бауманом методологические стратегии (программы) – естественнонаучная и гуманитарная должны иметь место в социальных науках. «Подчеркивается, – пишет Федотова, – значение научно-гуманитарного и вненаучного социального знания... Однако социальные науки несут ответственность перед людьми за состояние социальной жизни, ибо их цель заключается не только в объективном познании, но и нахождении путей социально необходимых преобразований. Требование понятности, доступности для обсуждения заменяется другим – уметь раскрыть социальные механизмы, дать возможность их использовать, осуществить не только регулятивно-консультативную, но и познавательно-преобразующую, даже технологическую функцию <...>.

Речь идет о взаимодействии социальных и гуманитарных наук, то есть об одновременной работе двух программ. Одна анализирует цели и ценности субъекта, другая выявляет за-

кономерности, которые могли бы привести к достижению этих целей... Попытка строить третью, «интегрирующую», неверна, хотя бы потому, что обе программы имеют разнонаправленные векторы, взаимоотрицают друг друга» [Федотова 2000: 136, 139].

Действительно, взаимодействие двух указанных подходов и программ видны (можно реконструировать) в большинстве социальных исследований. Например, Питер Грин, анализируя походы Александра Македонского, с одной стороны, реконструирует представления самого Александра (идентификация с героями и даже с богами, любопытство и космическое мировоззрение, отчасти сложившиеся под влиянием Аристотеля, ум и расчетливость, жажда власти), также как и представления его окружения и подчиненных, с другой – «деиндивидуальные», социальные условия и процессы (особенности македонского государства и армии, социальный «посыл», инициировавший организацию походов в Персию, военные стратегии и технологии, влияние походов Александра на эллинистическую культуру) [Розин 2016: 47–70]. Аналогично, исследуя холокост, Бауман реконструирует особенности сознания и видения основных участников этой трагедии параллельно деиндивидуальным процессам происходящего (европейская традиция отношения к евреям как к козлам отпущения, захват нацистами власти в Германии, разработка и вменение законов в отношении евреев, формирование социальной технологии и институтов, обеспечивающих реализацию этих отношений) [Там же: 13–28]. При этом в обоих случаях связующим началом и посредником выступали: установление новой власти, социальные месседжи («посылы»), процессы управления, разработка технологий и создание новых институтов.

Понимает ли социальный ученый, что реализует одновременно две разных методологии? Думаю, нет, для подобного понимания нужна новая оптика. Тогда возможно мы не правы, и в социальных дискурсах нет того, о чем я здесь пишу. Чтобы все же убедиться в обратном, взглянем на характерное социальное исследование. Для этого воспользуемся авторским изложением становления европейского государства, выполненного на основе книги Мартина Кревельда «Расцвет и упадок государства», и затем прокомментируем это изложение.

Начиная со второй половины XVI, но главным образом в XVII столетии идет «процесс постепенного вытеснения королей из процесса управления. Причем, как ни парадоксально, именно за счет определенной рациональной организации управления. А именно передачи части своих полномочий исполнителям. Сначала это были просто доверенные слуги или помощники короля, затем – назначенные и отвечающие закону чиновники. Постепенно и незаметно таким способом были переданы все властные полномочия; в результате власть королей становится номинальной и переходит к чиновникам (бюрократии)...

История политических сообществ, – пишет Кревельд, – «включая сообщество, именуемое государством, почти эквивалентна описанию того, как увеличивался штат исполнителей, как менялся способ их организации, каким образом они получали средства к существованию или вознаграждались за свои усилия... В исследуемый период времени важнейшим изменением была смена непрямого правления через феодалов на прямое управление, осуществляемое от имени короля чиновниками, получающими жалованье... По мере того, как монархи расширяли свою власть за счет церкви, землевладельческой аристократии и городов, эти должностные лица из исполнителей, отвечающих за королевское имущество, превращались в правительственных чиновников... К тому времени чиновники, которые на протяжении веков были людьми короля, начали считать себя служителями абстрактного безличного государства...

Что значит передача власти от короля к чиновнику? Король обладал властью не столько потому, что такова была традиция, сколько потому, что он был сакральной фигурой и управлял. А почему должен иметь власть чиновник? Ну да, он теперь реально управлял. Но для статуса власти этого недостаточно. Для обретения властных полномочий необходимо

было еще одно обстоятельство, а именно принятое данным сообществом объяснение того, почему необходимо подчиняться, причем именно такому-то имяреку, чтобы признать власть чиновников (бюрократии) необходимо было культурное объяснение того, почему теперь нужно было подчиняться не королю, а именно чиновникам и почему именно данным имярекам. Эта проблема была постепенно решена за счет первых концепций государства, которые и выступили в роли подобного объяснения-легитимации.

Здесь две центральные фигуры – Гоббс и Локк, поскольку они построили две разные концепции государств. На место богов в концепции Гоббса встал Левиафан, который, с одной стороны, напоминает собой страшного мистического крокодила, призванного заставить эгоистических людей не воевать друг с другом, а жить в соответствии с законами государства, а с другой – социальную машину, действующую по законам первой природы. Обе составляющие были к месту. Первая представляет собой схему, задающую новую реальность, в которой человек из страха быть съеденным Левиафаном вынужден подчиниться государству... Вторая составляющая аргументирует это подчинение и необходимость при этом подчиняться законам природы, что в то время было общим местом (позднее И. Кант, например, считал, что природа заставит даже воюющие государства склониться к «вечному миру»)..

Подход Локка был противоположным: его не столько волновала проблема порядка в государстве, сколько ограничение абсолютной власти правителей... Если Гоббс шел от Платона, считая необходимым с помощью законов и Левиафана заставить людей вести себя разумно (действовать на общее благо), то Локк следовал за Аристотелем, который утверждал, что власть санкционируется полисом (обществом свободных и равных граждан), и именно граждане в ходе обсуждения и выборов устанавливают законы и попеременно исполняют их. Конечно, европейские общества Нового времени существенно отличались от античных полисов, да и граждане были непохожи, но все же Локк пытается привить к древу модерна античную идею полисной социальности. Организация государства, по Локку, должна постоянно находиться под контролем общества, а по Гоббсу, разумное поведение общества, напротив, должно определяться государством и сувереном» [Розин 2020: 238–239, 241, 244, 246, 247].

Зайдем к пониманию этого текста с точки зрения естественнонаучной методологии («социальной программы», по Федотовой). В этом случае перед нами объективный процесс перехода власти от короля к чиновникам, формирование первых концептов государства и как результат – становление европейского государства. Идеальные объекты в рамках этой методологии – власть и ее трансформация, концепты государства и само государство. Теперь посмотрим с точки зрения гуманитарной методологии. Тогда это процессы «непонимания-понимания» (непонятно, почему нужно подчиняться чиновникам, на которых нет нимба сакральности, и понятно, если они слуги государства, сосредоточивающего в своих руках всю власть) и процессы «смыслообразования», обусловленные вменением гражданам концепций государства. Здесь идеальные объекты другие: процессы понимания, смыслообразование, схемы, на основе которых осуществляются процессы понимания и смыслообразования.

Естественнонаучный подход (программа)	Анализ деиндивидуальных процессов и механизмов	Власть, концепты, государство и пр.
Гуманитарный подход (программа)	Анализ процессов понимания и смыслообразования	Схемы, концепты, понимание, смыслообразование

Стоит отметить, что власть и концепты могут быть истолкованы в рамках обоих методологий: с одной стороны, они обеспечивают становление государства, т. е. это один из механизмов социальной динамики, с другой – представления о власти и концепты государства формируют сознание граждан, задают новые смыслы.

Из предложенной здесь реконструкции можно понять, каковы отношения между процессами, истолковываемыми естественнонаучно (деиндивидуальными процессами), и процессами гуманитарными: они относительно независимы, причем одни выступают условиями других (например, условием передачи управления от короля к чиновникам выступает новое понимание власти, как исходящей от государства, и наоборот, новое понимание власти обеспечивается объективным процессом передачи управления). Здесь та же самая логика, как и в «Критике чистого разума» Канта. С одной стороны, разум в этой работе понимается как деиндивидуальное целое (разум как система идей философии, направляющих рассудок, причем Кант пишет, что «допущение некоего высшего мыслящего существа как единственной причины мироздания, но, конечно, лишь в идее, всегда может быть полезным разуму и никогда не может повредить ему» [Кант 1964: 581-582]; как Демиург разум по отношению к человеку явно деиндивидуален). С другой стороны, разум по Канту совпадает с разумом философов (в том числе и самого Канта). Получается, что условием действия деиндивидуальной ипостаси разума выступает разум философов, а условием индивидуальных разумов философов – действие деиндивидуального разума.

Совершенно другие отношения между рассматриваемыми двумя планами и целыми задает Никлас Луман и мой учитель Г.П. Щедровицкий. У Лумана главный план деиндивидуальный, а гуманитарный истолковывается как среда (люди понимаются как среда социальных систем), у Щедровицкого главный план – это мышление, а люди к нему присоединяются или нет. «Конкретные люди, – объясняет Луман, – являются не частью общества, а частью его окружающей среды. Нет большого смысла утверждать, что общество состоит из “отношений” между людьми... Общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопойетически, в то время как она производит все новые (и все время другие) коммуникации в рекурсивной сети коммуникаций. Эмерджентность такой системы включает коммуникации, так как они способны к подключению лишь внутренним образом. Все другое она исключает. Таким образом, воспроизведение одной из таких систем требует способности различения системы и окружающей среды. Коммуникации могут опознавать коммуникации, отличать их от других обстоятельств, относящихся к окружающей среде в том смысле, что хотя и можно совершать коммуникацию через них, но не с ними» [Луман 1994].

«Со всех сторон, – объяснял Щедровицкий, – я слышу: человек! <...> личность! <...> Вранье все это: я – сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше <...> Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент – мне было тогда лет двадцать – я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека суть <...> Все наше поведение – это лишь отражение и пропечатка мощи нами используемых социокультурных форм, но никак не творение индивидуального ума. И в этом смысле я говорю: игра – играет, а мышление – мыслит» [Щедровицкий 1994: 9].

Не имеет смысла спрашивать, за кем истина – Кантом и вашим покорным слугой или Луманом и Щедровицким? Ведь автор принял положение Баумана, что социальная реальность популятивна, множественна. Другое дело, какой тип социальности стоит за указанными точками зрения: в одном случае, возможно, аристотелевская традиция политики (равен-

ство социальных акторов, выборность, обязательная смена власти, следование праву), в другом более консервативный (если не тоталитарный) тип социальности.

Нельзя ли наличие двух указанных методологий и отношения между ними считать инвариантными для социального знания, имеющими место как в Древнем мире, так и в модерне? Думаю, можно, на это предположение меня наводит старовавилонский миф об Атрахасисе, где, по сути, излагаются два сюжета: ранняя социальная организация древних царств и установление нового социального порядка.

«Когда боги, (как) люди,
Свершали труд, влачили бремя, –
Бремя богов великим (было),
Тяжек труд, многочисленны беды:
Семь Ануннаков великих
Труд свершать заставляли Игигов.

Боги-Игиги взбунтовались, «в огонь орудия свои побросали». В результате Энлиль, владыка земли, приказывает создать человека, который будет трудиться вместо богов, но для этого «нужно убить одного из богов, чтобы очистить остальных и замешать на крови убитого глину».

В собрание ответили: “Так да будет!”
Ануннаки великие, вершащие судьбы.
В день первый, седьмой и пятнадцатый
Совершил омовение (Энки).
(Бога) Веила, имевшего разум,
В собрание своем они убили...

Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали [Клочков 1983: 138].

Опять же, с одной стороны, деиндивидуальный процесс создания нового социального порядка, в котором люди будут подчиняться богам (реально их посредникам – царю и жрецам), с другой – трансформация сознания и новые смыслы (боги как творцы человека, принесшие для этого в жертву одного из богов, следовательно, в их руках существование человека и им надо подчиняться).

Итак, инвариант, но форма и отчасти структура во времени и в разных культурах кардинально меняются, достаточно сравнить рассматриваемый миф с реконструкцией Мартина Кревельда. Мало того, в следующих культурах появляются совершенно новые процессы и структуры, задающие и новое социальное целое, в рамках которого обе методологии устанавливаются заново. Например, аристотелевская схема социальности (равенство социальных акторов, выборность, смена власти, следование законам, установка на благо и справедливость) – это, безусловно, новообразование (новое целое). Хотя в аристотелевской политике можно увидеть рассмотренные два подхода, они устанавливаются заново и многие идеальные объекты здесь совершенно новые.

«Поэтому, – пишет Аристотель в “Политике” – как об этом ранее сказано в “Этике”, принцип взаимного воздаяния является спасительным для государств; этот принцип должен существовать в отношениях между свободными и равными, так как они не могут все властвовать одновременно, но либо по году, либо в каком-нибудь ином порядке, либо вооб-

ще периодически... Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководствуясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо граждане, участвующие в государственном общении не граждане, либо они должны все быть причастны к общей пользе. Государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе. По общему представлению справедливость есть некое равенство...а такое равномерно правильное имеет в виду выгоду всего государства и общее благо граждан» [Аристотель 1983: 129, 420, 445, 457, 467, 471].

Но в этом случае напрашивается вывод, что логика социального развития предполагает две модальности: закономерности и сингулярность. Например, наличие двух рассмотренных методологий и общие понятия типа власть, социальный месседж и концепция, социальная динамика и строение – закономерности, а понятия право, государство, институты когда-то впервые появляются как новообразования (право только в античности, а государство и институты в Новое время). Другое дело, что дальше, поскольку они начинают воспроизводиться, складывается новая закономерность.

Можно ли утверждать, что нам удалось охарактеризовать основания социальной науки? Только отчасти, только некоторые основания. Дело в том, что выделение оснований предполагает рефлексию, анализ и обобщение научных исследований, в данном случае социальных исследований. А в силу исторической и культурной обусловленности форм социальности, в силу их популярности, этих исследований очень много, и социальные философы смогли промыслить только небольшую часть этого множества. Следовательно, работу по выделению оснований социальной науки необходимо продолжить.

Аристотель. 1983. Политика. – Аристотель. *Соч. в 4-х т. Т. 4.* – М.: Мысль. – С. 375–645.

Бауман З. 1996. *Мыслить социологически.* – Пер. с англ. под ред. А.Ф. Филиппова. – М.: Аспект-Пресс. – 255 с.

Вебер М. 2002. *Протестантская этика и дух капитализма.* – М.: Ист-Вью. – 352 с.

Кант И. 1964. Критика чистого разума. – Кант И. *Сочинения в 6 тт./ Т. 3.* – М.: Мысль. – 799 с.

Клочков И. 1983. *Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время.* – М. Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. 207 с.

Латур Б. 2014. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию.* Пер. с англ. И. Полонской. – М. Изд. дом Высшей школы экономики. 381 с.

Луман Н. 1994. Понятие общества. – *Проблемы теоретической социологии* / Под. ред. А.О. Бороноева. – СПб. – С. 25–42. – Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/96-03-004-luman-n-ponyatie-obschestva-problemy-teoreticheskoy-sotsiologii-pod-red-boronoeva-a-o-spb-1994-s-25-42>. – Проверено: 20.11.2024.

Розин В.М. 2011. *Введение в схемологию: схемы в философии, культуре, науке, проектировании* / В.М. Розин; Российская акад. наук, Ин-т философии. – М.: URSS. – 255 с.

Розин В.М. 2016. *Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук.* – М.: ЛЕНАНД. – 288 с.

- Розин В.М. 2020. *Генезис европейской социальности. Этюды-исследования. Новое время.* – М.: Новый хронограф. – 400 с.
- Федотова В.Г. 2000. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук. – *Анархия и порядок.* – М.: URSS. – 144 с.
- Щедровицкий Г.П. 1994. Сладкая диктатура мысли. – *Вопросы методологии.* – № 1–2.

ВОПЛОЩЁННАЯ ВЛАСТЬ: КИБОРГИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ БИОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

О.Н. Гуров

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: В статье исследуются связи между киборгизацией и биополитикой, рассматривается влияние технологий на механизмы власти и контроля в обществе. Автор анализирует, как интеграция цифровых технологий в человеческое тело и сознание трансформирует традиционные формы биополитического контроля. В работе используются концепции Мишеля Фуко и Жюлья Делеза для анализа трансформации власти и ее форм в условиях размывания границ между человеком и машиной. Вместе с этим автор анализирует существующие и перспективные формы сопротивления тотальному технологическому контролю, такие как хактивизм и разнообразные общественные движения, в частности, за цифровые права. Также в работе доказывается необходимость проведения дальнейшего междисциплинарного исследования по вопросам социальных и психологических последствий интеграции технологических решений в человеческую природу.

Ключевые слова: киборгизация, биополитика, цифровые технологии, власть, контроль, этика, хактивизм, цифровые права, Фуко, Делез, технологическая сингулярность.

В последние годы мы со всей очевидностью, даже не вглядываясь пристально, можем наблюдать, как цифровые технологии становятся частью множества общественных систем разнообразного масштаба, а продукты этих технологий постепенно внедряются в человеческое тело. И в перспективе существования достаточно серьезной вероятности того, что они будут интегрированы и в сознание человека, киборгизацию стоит рассматривать как один из важных факторов цивилизационного развития.

Далее под киборгизацией мы будем понимать в первую очередь процессы интеграции цифровых технологий в человеческую телесность и сознание. В рамках представленного исследования мы постараемся показать, что киборгизация не может ассоциироваться исключительно с технологическими инновациями, поскольку ее влияние на общественные структуры достаточно велико уже сейчас. В частности, мы рассмотрим киборгизацию через призму биополитики, то есть механизмов власти, которые направлены на управление биологической жизнью населения. При этом, поскольку технологии развиваются и их продукты интегрируются в общественную жизнь на регулярной основе, и можно утверждать, что по многим точкам пересечения границы между человеком и машиной размываются, следует осмыслить

возможные последствия киборгизации с позиции философии, а также проанализировать сущность этого явления с точки зрения его влияния на социум. Здесь может быть полезным обращение к концепциям дисциплинарного общества и биополитики Мишеля Фуко, а также к идее общества контроля Жюльена ДеЛеза.

Интеграция киборгианских практик в биополитику может означать буквально системный сдвиг в том, как устроены и работают властные структуры в части контроля человеческой телесности и сознания. Предположительно, традиционные дисциплинарные институты трансформируются с учетом того, что в общественную жизнь вводятся технологические решения, которые используются для контроля поведения индивидов и общественного поведения в целом. В новых условиях власть получает способность непосредственным образом взаимодействовать с телесностью и даже трансформировать ее с помощью технологий. Очевидно, что в этом случае социальные последствия могут быть по своему характеру системными, поскольку уже в настоящее время современные гаджеты позволяют осуществлять мониторинг целого комплекса физиологических и психологических показателей их владельца в режиме реального времени, а социальные медиа осуществляют алгоритмическое управление контентом с использованием сложной механики вовлечения пользователей. Перспективные, еще более продвинутое технологии, такие как имплантируемые устройства, станут способнымикратно увеличивать эти возможности.

Для углубления в эту проблематику мы также рассмотрим философскую составляющую происходящих и перспективных трансформаций через призму того, что слияние человека с технологиями неизбежно оказывает влияние на субъективность и самовосприятие, в рамках которого индивиды могут начать рассматривать себя с новых ракурсов и позиций, при этом также в рамках такого нового восприятия «переустанавливая» границы собственно «я».

Таким образом, в данном исследовании мы ставим цель с различных сторон рассмотреть связь между киборгизацией, биополитикой, а также их взаимное и совместное влияние на динамику власти, человеческую субъективность и на социальные процессы.

Концепция биополитики, предложенная Мишелем Фуко, описывает систему механизмов власти, используемых для управления биологической жизнью населения или, как говорил философ, популяции. Эта и так по себе вполне механистическая концепция приобретает еще более глубокое измерение в условиях распространения технологий киборгизации [Фуко 2010].

Такие очевидные дисциплинарные институты, как школы, больницы и тюрьмы, к настоящему времени уже качественно трансформировались под влиянием цифровых технологий. Примеров можно привести множество. Это и использование продвинутое средств аналитики на основе ИИ для мониторинга успеваемости учащихся в различных разрезах и масштабах, и централизация ряда медицинских функций, как, например, исследование рентгеновских снимков в специальных хабах также с помощью искусственного интеллекта, и постоянный цифровой контроль и мониторинг жизни заключенных, воистину паноптикум, осуществляемый в пенитенциарных учреждениях. Активно развивается телемедицина и интеллектуальные экспертные системы, позволяющие оказывать медицинскую помощь дистанционно, а также ставить и проверять диагнозы с помощью ИИ.

Самым очевидным примером применения таких технологий в качестве инструмента биополитики стало активное использование в крупных городах мира камер с системами распознавания лиц для контроля соблюдения карантина в период пандемии COVID-19. В этом случае очевидна способность цифровых технологий служить инструментами контроля и принуждения к требуемому поведению в достаточно крупных масштабах.

Также в качестве примера реализации биополитики через использование цифровых технологий можно привести попытки регулирования деторождения в Китае, в рамках которых женщин с помощью мессенджеров мотивировали стараться забеременеть вскоре после свадьбы, а затем требовали присылать фотографии младенцев, чтобы подтвердить факт рождения [Zuboff 2019]. Можно предположить, что если технологии имплантатов будут развиваться достаточно динамично, то подобный контроль уже в ближайшем будущем станет гораздо более изощренным.

Продолжая эту тему, рассмотрим концепцию общества контроля, которую разработал Жиль Делез. В таком обществе власть реализуется перманентно посредством цифровых сетей и систем, в отличие от дисциплинарного общества, где контроль осуществляется через отдельные институты [Делез 2000]. Примером общества контроля может служить китайская система социального рейтинга, в рамках которой предполагается практически постоянный мониторинг поведения индивида по широкому спектру социальных активностей. На основании собираемых данных в динамике каждый гражданин получает свой рейтинг, в соответствии с которым оценивается его благонадежность и предоставляется соответствующий уровень социальных благ и возможностей [Chen, Cheung 2017].

Еще один пример того, как может развиваться общество контроля в симбиозе с технологиями киборгизации, подразумевает развитие нейроинтерфейсов, под которыми понимаются устройства, обеспечивающие прямую связь мозга с компьютером. В настоящее время компания Neuralink активно разрабатывает мозговые имплантаты, которые вполне могут получить массовое распространение уже в ближайшие годы. Независимо от того, будут ли они использоваться для медицинских целей или для расширения когнитивных возможностей, очевидна угроза того, что с помощью таких устройств станет возможно в буквальном смысле управлять мыслями и поведением индивидов.

Продолжая размышлять о том, как в обществе контроля власть может осуществляться посредством непрерывно действующих и децентрализованных сетей мониторинга и сбора данных, обратим внимание на развитие и распространение таких технологий, как умные устройства, интернет вещей и носимые технологии. Здесь важно отметить, что такой комплекс создает всеобъемлющую инфраструктуру для мониторинга и влияния. Здесь мы также можем привести примеры уже существующих общественных практик. В частности, относящиеся к организации мониторинга на рабочем месте в организациях, в рамках которого предприятия используют цифровые инструменты в целях отслеживания поведения и эффективности работы сотрудников. В частности, в компании Amazon используются браслеты, с помощью которых отслеживается перемещение сотрудников складов в складских пространствах, а Barclays использует систему, целью которой является контроль времени, проведенного за рабочим местом [Ajunwa, Crawford, Schultz 2017]. Более того, несмотря на критику и недовольство ряда сотрудников, Amazon продолжает использовать и развивать технологии, позволяющие отслеживать действия сотрудников. Подобные подходы бизнеса безусловно вызывают широкий резонанс в обществе по поводу прав сотрудников и этичности таких практик [Большой брат не дремлет...].

Упомянутая выше концепция умных городов также сама по себе является иллюстрацией перехода к обществу контроля, поскольку во многих мегаполисах уже внедрены и действуют многоуровневые сети видеочапер и датчиков для управления основными функциями городской жизни, такими как обеспечение общественной безопасности, управление дорожным движением и т. д. [Kitchin 2014]. Безусловно, функционально такие проекты обеспечивают эффективность работы сложных систем, но вместе с этим вопрос границ контроля и допустимого вмешательства в целый ряд категорий общественной жизни, таких как, например, конфиденциальность, остается, мягко говоря, под вопросом.

Чтобы проиллюстрировать этот тезис более подробно, рассмотрим упомянутые выше технологии и их возможности в части сбора данных и потенциально для влияния на поведение индивидов. В частности, еще в 2019 году результаты исследований показали, что интерфейсы способны расшифровывать речь, непосредственно считывая активность мозга с точностью до 97%. Что касается биометрических носимых устройств, таких как умные часы и фитнес-трекеры, которые собирают и отслеживают целый ряд физиологических данных, еще в 2020 году во всем мире было продано около полумиллиарда таких изделий. Эта тенденция продолжается: в течение первых трех кварталов 2024 года в только России объем продаж носимых устройств превысил 5.5 миллионов, и эта цифра демонстрирует количественный рост 6% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [Российский рынок умных носимых устройств показал уверенный рост в 2024 году...].

При этом необходимо отметить, что люди интегрируют продукты этих технологий в свое существование по своей воле и согласно собственному решению, и говорить в чистом виде о насаждаемом «сверху» и навязываемом наблюдении и контроле было бы несправедливо. Парадоксальным образом индивиды становятся активными участниками и даже инициаторами наблюдения и контроля над собой.

Такую тенденцию можно назвать «партиципативным (или партиципаторным) наблюдением», то есть таковым, которое исходит от объекта, который сам и налагает на себя контроль. И с этой точки зрения среди основных вызовов и рисков, которые возникают в связи с развитием и распространением этих технологий, необходимо особо отметить именно конфиденциальность, поскольку анонимизированные данные, как правило, могут быть с высокой степенью точности повторно идентифицированы, что полностью разбивает концепцию безопасности личной информации.

Чтобы далее более всесторонне рассмотреть проблему взаимодействия человека и технологий в контексте киборгизации и биополитики, включим в наше рассуждение концепцию технологической сингулярности и идеи акторно-сетевой теории.

Согласно Курцвейлу, технологическая сингулярность – это предполагаемый момент в будущем, когда искусственный интеллект превзойдет человеческий, и в результате этого дальнейшее развитие человеческой цивилизации и даже ее перспективы станут непредсказуемыми [Kurzweil 2005]. Еще раз отметим, что это понятие гипотетическое, и многие ученые не верят в возможность создания так называемого искусственного общего интеллекта, который бы соответствовал этим требованиям. Но для нашей работы важно рассмотреть эту спекулятивную перспективу, чтобы показать киборгизацию как постепенное слияние человека и машины до определенного момента – до той же самой сингулярности, то есть до точки, когда слияние достигнет такого качества, что традиционные формы биополитического контроля потеряют эффективность или их невозможно будет применять.

Иными словами, если, например, нейроинтерфейсы станут настолько продвинутыми и смогут быть интегрированными так глубоко, что будут непосредственно оказывать влияние на процессы мышления и на принятие решений у человека, то тогда неизбежно изменится сама природа человеческой субъективности и автономии, и, безусловно, должны будут появиться гораздо более сложные механизмы биополитики, направленные на, если так можно выразиться, гибридное сознание и телесность.

Вместе с этим интересно рассмотреть человеческое, гибридное и технологическое через призму акторно-сетевой теории, которая предполагает, что комплекс политических, социальных, технологических систем представляет собой сложную сеть взаимодействующих совершенно разнообразных акторов, которые имеют равное значение независимо от своей природы, то есть, в том числе, могут быть и не человеческими [Latour 2005].

И с этой точки зрения продукты технологии, представляющие киборгизацию, те же самые имплантаты и любые другие аналогичные формы должны рассматриваться не как инструменты, обладающие служебной функцией в человекоцентричном мире, но как полноправные участники всей широты социальных взаимодействий, в том числе и в процессах формирования и реализации власти. С такого ракурса достаточно широко распространённые кардиостимуляторы, обладающие функцией удалённого мониторинга, не просто передают данные, но оказывают важное влияние на целый комплекс решений, начиная от того, каким образом лечить пациента и какой образ жизни ему вести, и заканчивая управлением и планированием политики в области здравоохранения. Вместе с этим пациенты, обладающие такими устройствами, как показывают исследования, начинают воспринимать их как естественную часть своей телесности и, более того, идентичности, что тоже подтверждает мысль о том, что технологии киборгизации превращаются в участников формирования субъективности и телесности человека [Oudshoorn 2020].

Представленный взгляд позволяет буквально визуализировать, как власть распределяется и циркулирует в сетях, составленных из множества разнокачественных акторов. Возвращаясь к системе социального рейтинга в Китае и рассматривая ее через призму акторно-сетевой теории, можно выделить таких акторов, как государственные учреждения, граждане, датчики, данные и алгоритмы. При этом технологические системы, составляющие неотъемлемую часть такого проекта, очевидно, являются чем-то большим, чем инструменты контроля, это действительно активные участники распределения власти и управления социальным поведением.

Ранее мы намеренно не упоминали этическую проблематику, с которой в последние годы нередко ассоциируются вопросы цифровой трансформации общественной жизни и, в частности, интеграции продуктов искусственного интеллекта в различные ее сферы. Далее мы уделим этому направлению отдельное внимание, поскольку этические аспекты улучшения человека являются очень важными в пространстве слияния тенденций киборгизации и биополитики, хотя бы в призме возможного создания «постчеловека». В рамках этого дискурса перспективными для нашей работы являются идеи Джулиана Савулеску и Ника Бострома.

Савулеску представляет оптимистичный взгляд на возможности, в частности, биотехнологий в деле морального улучшения человека и утверждает, что совершенствование не только когнитивных способностей, но и морального кодекса человека с помощью технологий не просто допустимо, но и даже желательно с этической точки зрения [Savulescu, Persson 2012]. Конечно же, в контексте биополитики очевидна неоднозначность такой позиции, поскольку, как минимум, сложно ответить на вопрос, кто должен и может определять параметры такого морального улучшения. Вслед за этим возникает еще одна очевидная проблема в части того, как все это может (и неизбежно будет!) использоваться в качестве инструмента контроля.

Проведем мысленный эксперимент и представим себе сценарий общественного развития, при котором некий институт (будь то государство в традиционном смысле этого слова или технологическая корпорация, которая в новых условиях приобрела определенные функции управления обществом) продвигает и утверждает некие форматы нейротехнологического улучшения, которые вместе с влиянием на когнитивные способности также оказывают давление на моральные суждения и принятие решений по этическим вопросам. Конечно же, хочется предположить, что такая инициатива приведет к созданию в целом морально улучшенного общества. Но если посмотреть глубже, то возникает новый вопрос, еще более сложный – как в таких условиях обеспечить и гарантировать свободу воли и автономию личности, и ответ на него найти уже совсем сложно.

Что касается Ника Бострома, то он в ряде своих работ стремится всесторонне оценить перспективы и риски (по нашему мнению, гипотетического) постчеловека – существа, которое может возникнуть на определенном этапе развития цифровых технологий из современного человека и которое будет обладать немислимыми и непредсказуемыми для нас возможностями и способностями [Bostrom 2014]. Даже это строгое определение, если рассмотреть его с точки зрения биополитики, заставляет задуматься в лучшем случае о возникновении новых форм неравенства и дискриминации, и вместе с этим очевидно, что при таком сценарии неизбежно произойдут фундаментальные изменения в структурах власти и контроля. Причем, несмотря на то, что выше мы обозначили постчеловеческое состояние как гипотетическое, нужно отметить, что данную перспективу мы рассматриваем как в определенной степени вероятную, поскольку уже на сегодняшний день существуют технологии когнитивного улучшения, например, такие как транскраниальная стимуляция мозга, которые показывают и демонстрируют впечатляющие результаты, свидетельствующие о значительном повышении производительности работы мозга [Santarnecchi 2020].

Все это заставляет задуматься, как подобные технологии будут использоваться в управлении и регулировании трудовой деятельности, образования, в рамках социальных взаимодействий и, конечно, в чистом виде в управлении. И здесь этическая проблематика и соответствующие дилеммы выступают очень острым углом, потому что кроме фундаментальных вопросов, касающихся природы человека, проблема равенства и справедливости приобретает новое измерение в части того, что существующее неравенство не исчезнет в свете реализации технологических инноваций, но вместе с ними возникнут и распространятся новые негативные составляющие. Чтобы определить их контур, отметим основные вопросы, относящиеся к этой проблематике. Это целый круг тем, касающихся границ допустимого вмешательства каких бы то ни было управленческих или властных структур в биологию человека как в целом, так и в отношении определенных групп, например, преступников или, наоборот, служащих, занимающих ответственные позиции и принимающих важные решения.

Рассматривая в выше представленном комплексе то, как тенденции киборгизации оказывают влияние на биополитику, и прогнозируя возможные трансформации жизни в результате появления новых инструментов и систем, неизбежно задумываешься о том, что в противовес им должны появиться новые формы сопротивления. Поэтому далее мы рассмотрим существующие и потенциальные стратегии и практики, которые могут быть направлены на противодействие тотальному технологическому контролю и которые руководствуются принципами сохранения человеческой автономии. Здесь, конечно же, основное значение имеют этические и социальные аспекты, и по большей части именно через эту призму мы рассмотрим некоторые философские концепции и практические подходы, относящиеся к стратегиям защиты от киборгизации и биополитического контроля.

В первую очередь отметим существующие концепцию хактивизма и движения за цифровые права, которые представляются важными формами борьбы с растущим влиянием технологических систем на практики биополитического контроля.

Хактивизм представляет собой форму цифрового или, лучше сказать, гибридного сопротивления на стыке технологической деятельности и социально-политического и общественного активизма. Идеология хактивизма основана на борьбе против тотального цифрового надзора и на защите личной свободы в условиях интеграции все более совершенных технологических инструментов в общественную жизнь [Jordan, Taylor 2004].

Что касается технологической составляющей такого рода активизма, то она включает разработку и распространение цифровых продуктов, основанных на технологиях шифрования и автономизации, позволяющих пользователям сохранять анонимность в интернете и минимизировать цифровые следы. К таким проектам в какой-то мере относятся и криптовалю-

ты, одной из целей создания которых было формирование возможностей осуществлять финансовые транзакции вне рамок централизованного контроля. В какой-то степени это олицетворяет не только практический инструмент защиты приватности, но и саму идею технологического сопротивления централизованному контролю.

Еще одним важным направлением хактивизма в части контроля тенденций киборгизации и борьбы с биополитическим контролем является создание альтернативных (альтернативность в данном случае определяется именно децентрализованным характером) социальных сетей и платформ, которые разрабатываются, базируясь в первую очередь на принципах защиты пользовательских данных и в чьей бизнес-модели заложен отказ от монетизации этой информации. Отличие этих продуктов от господствующих моделей цифровых платформ заключается в том, что типичная модель предполагает именно коммерциализацию персональных данных, собираемых, хранящихся, анализируемых, и впоследствии используемых. В этом смысле децентрализованные социальные сети несут новый идеологический посыл, внося вклад в формирование таких новых принципов цифрового сообщества, как автономия и самоуправление.

Кроме этого, хактивисты продвигают идею и даже практики обратной инженерии в отношении технологий, относящихся к киборгизации, в целях ограничения внешнего контроля и возможности воздействия на носимые и даже имплантированные устройства. В этой части активисты взламывают закрытые системы, чтобы сделать их работу прозрачной и полностью подконтрольной для самих пользователей. В легальном поле это означает борьбу за утверждение программного обеспечения с открытым кодом для медицинских имплантатов, а также создание и распространение альтернативных прошивок для носимых устройств, не привязанных к производителю, который обычно обязывает использовать собственные продукты при использовании устройств. Сюда же относятся создание и разработка инструментов для обнаружения и блокировки доступа к персональным данным, например, программы, блокирующие скрытые трекеры в приложениях.

Как отмечено выше, деятельность активистов в этой сфере осуществляется не только в рамках технологических разработок. Сюда же относятся образовательная и просветительская работа, направленная на повышение цифровой грамотности, а также развитие общественной дискуссии по проблемам рисков и этических вопросов, связанных с технологической трансформацией человеческой природы.

При этом, несмотря на то что хактивисты часто выступают в роли цифровых просветителей, их деятельность нередко переходит границы правовых и тех же самых этических норм. Поскольку цифровая сфера развивается настолько стремительно, что может называться самым настоящим фронтиром, правовая составляющая этой деятельности не успевает за инновациями, и по факту грань между, если можно так выразиться, законным цифровым активизмом и противоправной хакерской деятельностью является часто нечеткой и размытой. Это ставит активистов перед этическими дилеммами, которые в свою очередь не всегда просто разрешить, поскольку этическая и морально-нравственная составляющая всех этих процессов в настоящее время заплетена в сложный узел. Чтобы еще раз доказать сложность данной проблематики, отметим, что на практике те же самые технологии, разрабатываемые для защиты приватности и автономии, нередко используются преступниками для противоправной деятельности, что, в свою очередь, нередко выставляет хактивистов в общественном поле в качестве, в лучшем случае, безответственных радикалов и маргиналов.

Чтобы показать «светлую» сторону подобных инициатив, осуществляемых на стыке социального ориентированного бизнеса, общественной деятельности и просветительской инициативе, приведем несколько примеров. В первую очередь, можно отметить такой проект как компанию DuckDuckGo, миссией которой является, как указывается в ее документах, защита

приватности индивидов в цифровом пространстве, и компания занимается разработкой и реализацией комплексного подхода к обеспечению конфиденциальности в интернете [DuckDuckGo. Your personal data is nobody's business...].

Продуктовая линейка DuckDuckGo включает защищенный браузер и поисковую систему, в которых не фиксируется история посещений; инструменты блокировки трекеров и защиты от сохранения цифровых отпечатков и куки-файлов, а также от отслеживания со стороны крупных платформ. Кроме этого, обеспечивается удаление трекеров в почтовых сообщениях и блокировка таргетированной рекламы.

Подходы, реализуемые в данном проекте, можно оценить как своего рода легальную форму сопротивления тенденциям, знаменующим исчезновение приватности в мире, который все более оцифровывается, и где личные данные превращаются в ресурс не только коммерциализации, но и воздействия и контроля индивидов.

При этом DuckDuckGo является коммерческой организацией и получает доход от размещения рекламы. Однако, в отличие от традиционных технологических компаний, содержание объявлений, демонстрирующихся на страницах результатов поиска, основывается на запросах, а не на профилях пользователей. Еще одним средством монетизации проекта является платная подписка на различные сервисы компании, которые помогают защищать конфиденциальность личной информации.

Кроме того, усиливающемуся в условиях киборгизации биополитическому контролю противодействуют и противостоят непосредственно общественные движения. В частности, такие проекты, как Electronic Frontier Foundation и AccessNow, занимаются созданием правовых инициатив в части защиты приватности и борьбы с цифровым надзором, образовательной и просветительской деятельностью в части повышения осведомленности общества в описываемых нами вопросах. Нужно отметить, что подобная активность не является утопической деятельностью, и принятие Общего регламента по защите данных (GDPR) в ЕС во многом обязано деятельности таких активистов за цифровые права [Greenleaf 2021].

Итак, мы показали, что существующие формы сопротивления комплексу биополитического контроля и киборгизации невозможно свести к какой-либо единой сфере деятельности. Это многогранное, комплексное явление в общественной жизни, включающее философские, культурно-социальные и технологические измерения.

Кроме этого, пространством критического осмысления и нередко сопротивления угрозам, возникающим в результате бесконтрольного развития технологий, становится массовая культура. В последние годы было снято несколько фильмов, в которых исследуются потенциальные последствия избыточного влияния технологий на природу человека и общественную жизнь.

В частности, в 2023 году на экраны вышла картина «Т.И.М.», название которого можно перевести на русский язык не только как имя Тим, но и расшифровав эту аббревиатуру как «высокотехнологичный слуга» или «дворецкий», или даже «управляющий». По сюжету, робот, созданный для обеспечения комфортной жизни человека, парадоксальным образом начинает угнетать и подчинять себе главную героиню и убивает ее мужа.

Можно определить несколько важных проблем, поднятых в фильме. Во-первых, это соотношение человека и машины с точки зрения их баланса сил, и, во-вторых, это беспокойство по поводу существующих рисков для человека от технологий, которые должным образом не регулируются и не контролируются. Также дополнительно можно отметить и этическую проблематику, связанную с вопросом, допустимо ли позволять машинам принимать самостоятельные решения. И не в последнюю очередь нужно отметить, что в фильме затрагивается и социальная тема. Могущественная технологическая корпорация, в которой работает главная героиня, буквально заставляет ее принять в свой дом робота, таким образом ока-

зывая влияние на семью, супружеские отношения и в целом на традиционные социальные связи и институты.

То, что в последние годы было снято сразу несколько высокобюджетных фильмов (автор нередко обращается к кинематографу для иллюстрации научных идей, см. другие публикации автора), с разных сторон освещающих данную или близкую проблематику, доказывает факт, что массовая культура реагирует на актуальные вызовы и призывает к осмыслению происходящих процессов и поиску баланса в части прогресса и сохранения человеческой свободы и автономии.

Отдельно выделим еще одну важную проблему – перспективу эрозии социальных структур в киборгизированном мире. Полин Браун в книге «Эстетический интеллект», посвященной тому, что в мире, пресыщенном технологиями и товарами, именно эстетическая составляющая становится одной из ключевых ценностей, и фокус на ней является одним из главных стратегических преимуществ, предсказывает сценарии общественного развития в контексте происходящего развития цифровых технологий, интеграции их продуктов в общественную жизнь, в частности, в экономику и в коммуникации [Браун 2024].

По ее мнению, одной из ведущих тенденций является так называемая «трайбализация», то есть разделение общества на узкие сегменты по религиозному, национальному, идеологическому принципу, а также в рамках жизненных интересов и эстетических вкусов. Мы склонны согласиться с вероятностью наступления такой перспективы, и в подтверждение этого мнения отметим, что уже сегодня наблюдаем появление новых субкультур, которые в контексте нашего исследования характеризуются тем, что противостоят или намеренно ограничивают использование технологий, относящихся к киборгизации. Таких сообществ достаточно много, и их идеология основана на разных основаниях, например, на идеях сохранения естественности человеческой природы через так называемый цифровой детокс и технологический минимализм, то есть через ограничение использования цифровых технологий в повседневной жизни. Другие субкультуры фокусируются на идее защиты неприкосновенности частной жизни в цифровую эпоху и продвигают собственные инструменты ее обеспечения, выбирая для себя соответственно особенный, в какой-то степени изолированный образ жизни.

Мы упомянули эти примеры не столько в качестве альтернативных сценариев и моделей жизни в киборгизируемом обществе, но в качестве ответа и даже конкретных инструментов сопротивления цифровому надзору, направленных также и на сохранение пространства для традиционного аналогового человеческого опыта в мире [Zuboff 2019].

Конечно же, философские дискуссии, художественное творчество, общественные движения не развиваются изолированно друг от друга, а взаимосвязаны, ведут между собой диалог и вдохновляют развитие рефлексии в рамках данной проблематики, что способствует формированию рефлексивного отношения к технологиям в целом и киборгизации в частности, в том числе и в контексте биополитического контроля. Такая синергия играет свою собственную роль в общественной жизни, а также способствует формированию базы для создания правовых рамок для контроля киборгианских технологий, в том числе, и в части их использования в биополитических практиках.

Подводя итог нашему исследованию, подчеркнем, что мы сделали попытку продемонстрировать, что биополитика связана со стратегиями киборгизации общественной жизни и человеческой природы, и возможные сценарии развития этих направлений требуют вдумчивого осмысления. Интеграция цифровых технологий в человеческое сознание и телесность, а также в управление и экономику оказывает непосредственное влияние не только на то, как мы воспринимаем и определяем человеческую природу, но и на практические аспекты власти и контроля в обществе.

Анализ киборгизации с использованием концепций Фуко и Делеза позволил прийти к выводу, что в условиях размывания границы между человеком и технологиями власть и контроль приобретают тонкие и практически безграничные инструменты надзора и контроля. При этом складывающаяся ситуация представляется парадоксальной, поскольку индивиды во многом сами становятся участниками и инициаторами наблюдения за собой, интегрируя используемые для этого технологические устройства в свою жизнь.

При этом мы далеки от алармистских или апокалиптических оценок происходящих изменений, поскольку видим, что, как и всегда в истории, определенные тенденции и стратегии вызывают в обществе соответствующее сопротивление. В текущих условиях оно принимает разнообразные формы: от общественных движений и альтернативных бизнес-моделей в бизнесе до художественного осмысления в массовой культуре. Это наблюдение позволяет утверждать, что в целом общество стремится к рефлексии в отношении данной проблематики и принимает участие в формировании будущего, которое отвечало бы интересам человека.

В заключение отметим, что проведенное исследование заставляет рассматривать киборгизацию не только, как мы указали в начале статьи, в качестве происходящего слияния человеческого и технологического, но вместе с этим и как качественную трансформацию социальных и культурных категорий. Мы считаем перспективными дальнейшие исследования киборгизации и биополитики в комплексе, в рамках междисциплинарного анализа, с фокусом на изучение потенциальных социальных и психологических последствий все большего технологического вмешательства в человеческое сознание и тело, возможное изменение механизмов социального взаимодействия и выстраивания и поддержки социальных связей. И, конечно же, не менее актуальным представляется осмысление возможных сценариев эволюции в целом «человеческого» в условиях цифровой эпохи.

Большой брат не дремлет: как Amazon усиливает контроль за сотрудниками. – Доступно: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/617a56829a79475f60332969?ysclid=m2kgyi5njd165080527>. – Проверено: 16.10.2024.

Браун П. 2024. *Эстетический интеллект: как его развивать и использовать в бизнесе и жизни.* – М.: Манн, Иванов и Фербер. – 320 с.

Делез Ж. 2000. Общество контроля. – *Элементы.* – №9. – С. 67-71.

Российский рынок умных носимых устройств показал уверенный рост в 2024 году. – Доступно: <https://www.ixbt.com/live/market/rossiyskiy-rynok-umnyh-nosimyh-ustroystv-pokazal-uverennyu-rost-v-2024-godu.html?ysclid=m2kfkf87da129603016>. – Проверено: 16.10.2024.

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году.* – СПб.: Наука. – 448 с.

Ajunwa I., Crawford K., Schultz J. 2017. Limitless worker surveillance. – *California Law Review.* – 105(3). – P. 735-776.

Bostrom N. 2014. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies.* – Oxford University Press.

Chen Y., Cheung A. S. 2017. The transparent self under big data profiling: Privacy and Chinese legislation on the social credit system. – *The Journal of Comparative Law.* – 12(2). – P. 356-378.

DuckDuckGo. Your personal data is nobody's business. – Доступно: <https://duckduckgo.com/about>. – Проверено: 16.10.2024.

Greenleaf G. 2021. Global Data Privacy Laws 2021: Despite COVID Delays, 145 Laws Show GDPR Dominance. – *Privacy Laws & Business International Report*, 169, 1-5.

- Jordan T., Taylor P. A. 2004. *Hactivism and Cyberwars: Rebels with a Cause?* – *Routledge*.
- Kitchin R. 2014. The real-time city? Big data and smart urbanism. – *GeoJournal*. – 79(1). – 1-14.
- Kurzweil R. 2005. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. – *Viking*.
- Latour B. 2005. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. – Oxford University Press.
- Oudshoorn N. 2020. *Resilient Cyborgs: Living and Dying with Pacemakers and Defibrillators*. – *Springer*.
- Santarnecchi E., et al. 2020. Enhancing cognition using transcranial electrical stimulation. – *Nature Reviews Neuroscience*. – 21(5). – 261-278.
- Savulescu, J., & Persson, I. 2012. *Unfit for the Future: The Need for Moral Enhancement*. – Oxford University Press.
- Vivian Wang. *So, Are You Pregnant Yet? China's In-Your-Face Push for More Babies*. – Доступно: <https://www.nytimes.com/2024/10/08/world/asia/china-women-children-abortions.html> – Проверено: 16.10.2024.
- Zuboff S. 2019. *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. – Profile Books.

МОРАЛЬНЫЕ ДРАМЫ И ПАРАДОКСЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА (К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА)

А.В. Оболонский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: *Разделы статьи: исторические развилки и «особые пути»; этика либерализма в позднесоветском сознании; бюрократическая ментальность и либерализм; амплуа и роли новые, актеры прежние; романтический период; моральная цена экономической трансформации; негативные психологические последствия; интуитивный либерализм против государственного прессы. Рассматривается социально-этический аспект событий времен перестройки и постсоветских лет. Это были годы расцвета этических либеральных ценностей и соответствующих им романтических надежд и ожиданий, социального запроса на честность власти и справедливость. Но серьезная недооценка значения моральных факторов в процессе реформ породила их последующий кризис, общее разочарование в либерализме и долговременные негативные последствия. Обретение интеллектуальных и политических свобод совпало с тяжелейшей экономической ситуацией и необходимостью жестких мер, которые спасли страну от катастрофы, но за высокую политическую цену. Описан парадокс двойного отношения к либерализму в советской интеллектуальной и бюрократической средах. Избыточная преемственность кадров на управленческих должностях породила в их среде моральную аномию, кризис идентичности и отчуждение. Это способствовало и расцвету системной коррупции. Другим негативным фактором стал феномен обманутого доверия. Автор находит в современной ситуации и некоторые основания для оптимизма, отмечая феномен интуитивного возрождения либеральных ценностей.*

Ключевые слова: *этика, либерализм, бюрократия, политические свободы, кризис идентичности, доверие, протест, разочарование.*

Автор ранее уже неоднократно обращался к темам, рассматриваемым в предлагаемой вниманию читателя статье, и опубликовал по ним несколько работ, в частности, статью в журнале «Общественные науки и современность» в 2018 г. Ее текст в значительной мере используется ниже, разумеется, в существенно обновленном и расширенном виде. Необходимость вновь обратиться к этим сюжетам обусловлена тем печальным обстоятельством, что рассматриваемые темы за последние годы не только не утратили актуальности, но, напротив, приобрели дополнительный драматизм и остроту.

Точки исторических развилок, перекрестков, бифуркаций (есть разные термины для их обозначения) – тема важная. Я, к примеру, описал в свое время целых семь таких перекрестков. Несколько книг этому посвятил [См., напр.: Оболонский 2002; 2003]. Но здесь тема эта будет лишь начальной, в каком-то смысле вводной. А более конкретно я постараюсь описать в качестве относительно самостоятельной линии другую – *моральную и отчасти психологическую* их сторону – применительно к российской истории последних полувека. Названные факторы, как мне представляется, оказали чрезвычайно важное влияние на характер и динамику нашего транзита, на исход попытки перейти на другую колею исторического движения. Очевидная *недооценка «человеческого измерения» процессов, сведение их к экономическим и политическим преобразованиям* представляются корнем многих проблем и разочарований последующего времени. Поскольку я довольно развернуто обосновывал и публиковал свое мнение по данному вопросу в текстах, специально посвященных *ущербности, одномерности экономического детерминизма*, то в данном случае ограничусь лишь этим напоминанием. А более подробно речь пойдет о других вопросах: о *коллизиях бюрократического сознания* в среде чиновников разного ранга, которые согласно представлениям идеологов реформ, должны были проводить их в жизнь, обеспечивая технологическую сторону преобразований, о *столкновениях реальностей транзита с массовыми требованиями и ожиданиями*. А сквозная тема работы – *судьбы и трансформации российского либерализма* за последние полвека. В частности, хочется привлечь внимание к небезнадежным, на мой взгляд, *перспективам реинкарнации российского либерализма*, хотя, возможно, в формах, несколько непривычных для классической либеральной парадигмы. Именно с этими процессами, которым посвящена заключительная часть текста, связан мой осторожный, умеренный, исторический оптимизм.

Исторические развилки и «особые пути»

Само по себе внимание к теме исторических развилок, критических моментов в истории, на которых происходит выбор страной того или иного пути дальнейшего развития – факт важный и позитивный. Ибо она представляется одной из ключевых для понимания и прошлого, и настоящего, и сценариев будущего. Это важно в самых разных отношениях. В том числе – и с точки зрения психологии либерально мыслящих людей. Ведь мы сейчас наблюдаем не только часто нечистоплотное, политиканское очернение либеральной философии и идеологии, причем не столько ее идейными и политическими противниками, сколько просто конъюнктурщиками, пытающимися, и не без успеха, приобрести всякого рода капитал. Упаднические, близкие к катастрофическим, lamentации в разных вариантах звучат и из уст самих либералов. И сегодняшняя реальность, к несчастью, дает для этого много оснований. Но, по сути, эти безнадежные оценки, при всей их интеллектуальной изощренности, вариациях и опоре на фактографические аргументы, в основе своей имеют одну общую концептуальную основу – идею исторического фатализма, представление о якобы непреодолимой заданности некоего «особого пути» России, который почему-то не предполагает какого-либо родства российского менталитета с «человекоцентричной» шкалой ценностей, выработанной и выстраданной, прежде всего, Западной цивилизацией, с соответствующей ей способам организации политической и общественной жизни, к перспективам интеграции с ней России в обозримом историческом будущем.

В спорах и рассуждениях на эту извечную для российской, да и не только, историко-философской рефлексии тему пролито немало чернил, в том числе – и мной. Не буду сейчас в нее углубляться. Скажу лишь, что концепцию зависимости от исторического пути (*path dependence*), на мой взгляд, если и можно отчасти признать, то с одной принципиальной ого-

воркой: нет достаточных оснований и аргументов в пользу ее фатализма и «вечности», якобы невозможности смены исторической «колеи», некой нашей исторической «обреченности», судьбы вечно оставаться в рамках все тех же социально-культурных стереотипов и отношений. Как в отечественной, так и в мировой реальности есть много фактов и примеров, свидетельствующих прямо об обратном. **Смена исторической «колеи» – вещь вполне возможная и отнюдь не уникальная.** К тому же идея якобы обреченности вечно следовать предназначенному исторической судьбой «path dependence», как мне кажется, небезупречно не только в фактическом, но и в научно методологическом отношении. Она основана на сугубо эволюционистском взгляде на историю, исключающем качественные скачки, прорывы за грань эволюционной постепенности. Что, как известно, исторической реальности не соответствует. Япония, например, в течение менее, чем ста лет, четырежды(!) достаточно радикально меняла вектор своего исторического движения. Причём «прыжки» подобного рода случаются, как в одну, так и в другую сторону. Даже в истории XX века тому есть немало примеров. Вспомним хотя бы Германию.

Это якобы безальтернативность истории порой воплощается в звонкой фразе «история не имеет сослагательного наклонения». Но поскольку фраза эта дошла уже даже до лексикона спортивных комментаторов, то особо углубляться в данную тему в серьезном научном журнале представляется не особо приличным. Лиль замечу, что даже как хроника событий, как описание уже свершившегося история отнюдь не безальтернативна, по крайней мере, в ограниченных рамках. Она отнюдь не совсем безальтернативна. Не говоря уж о том, что при взгляде из разных стран она выглядит очень по-разному. О различии страноведческих взглядов на историю, интересную книгу, в частности, написал М. Ферро [Ферро 1992]. А уж как предмет научного анализа она не только допускает, но и предполагает рассмотрение разных альтернатив. Дурной же детерминизм, воплощенный в идее безальтернативности, на мой взгляд, есть наследие и вариация вульгарной версии марксизма-ленинизма. Желających более детально разобраться в данной проблеме могу отослать, например, к сборнику «Одиссей», изданному Институтом всеобщей истории РАН [Одиссей 2000].

А наш отечественный, действительно печальный, отмеченный многочисленными масштабными трагедиями особый исторический путь как раз и предполагает настоятельную необходимость вырваться из порочного круга, воспроизводящего все те же архаичные, во многом бесчеловечные, модели взаимодействия народа и властей предрержащих. Лежащая в их основе антигуманная парадигма подавляла человеческую личность с ее интересами и надеждами. Помимо того, они много раз доказали свою историческую бесперспективность. Так, из-за них Россия трагически проиграла XX век. Но сегодня они опять навязываются нам, теперь в оболочке якобы консерватизма, а на самом деле – ретроградства, архаики, кстати, имеющих мало общего с консерватизмом подлинным. В сегодняшний день они просто разрушительны, грозя стране и ее гражданам сначала стагнацией, затем постепенным коллапсом, а в перспективе – и окончательной катастрофой.

Действительно, до сих пор мы как социум были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как все сложится на этот раз? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных сценариев. Но нам как гражданам необходимо в полной мере осознать и собственную ответственность за судьбу страны. Лишь ограничусь указанием на пример из «параллельного мира»: история, и пример соседней страны – Украины – (еще совсем недавно «братской», которую высокомерные и недалёковидные имперцы и вовсе считали всего лишь отсталой и ультраконсервативной частью России) показывает, что в критические периоды не только позиция и желания так называемой политической и прочих «элит», а воля и поведение самых обычных людей, рядовых граждан, в реальном, а не в казенно шовинистском смысле слова, поднявшихся с колен и обретших личностное сознание и достоинство

в подлинном, может стать мощным и даже определяющим фактором. Хотя это не устраняет последующие сложности, не исключая даже искажений, в том числе и довольно существенных. Но в историческом плане подобные попятные шаги, носят временный характер, не меняя кардинально заданный на историческом перекрестке вектор дальнейшего исторического развития. А мы, если по-прежнему будем упиваться своей «уникальностью» либо сокрушаться из-за нее (в данном случае модус несуществен), то действительно рискуем «приговорить» себя, подобно белке в колесе, к безнадежному продолжению, бега по все по тому же порочному историческому кругу.

Этика либерализма в позднесоветском сознании

В данном случае я исхожу из классического понимания либерализма, не углубляясь в его различные мировоззренческие и исторические нюансы, тем более что даже российская интеллектуальная элита в период, о котором пойдет речь, за небольшими исключениями, не обладала достаточно четким и адекватным представлением о приоритетах и стандартах либеральных взглядов и подходов к политическим и социальным реформам. В плане же этической парадигмы я основываюсь на работах таких авторов английской школы либеральной этической философии как Джордж Мур, Людвиг Витгенштейн, Карл Поппер, иногда называемой «новой этикой». А из отечественных исследований – на труды тюменской школы прикладной этики, обычно связываемой прежде всего с именем Владимира Бакштановского. [См., напр.: Бакштановский, Согомонов, Чурилов 1997].

В данном тексте я само ограничиваюсь вопросом о либеральных и административно-бюрократических взглядах и подходах к российским реформам на последнем этапе существования СССР и в первые постсоветские годы, а также одним, но представляющимся чрезвычайно важным, а в некоторые моменты и сыгравшим ключевую роль **социально-этическим аспектом** событий, ибо имевшая место серьезная недооценка этических факторов породила кризис либеральных ценностей и долговременные негативные последствия, наложившие отпечаток на все последующее развитие событий. Представляется, что в общественном восприятии сути горбачевской перестройки, особенно на первых ее этапах, был очень значим именно **этический фактор**, поскольку первоначальный, «антизастойный» пафос перестройки во многом был направлен против имманентно присущим жизни в СССР лжи, лицемерию, бесчестности, двойному мышлению. Поэтому можно сказать, что при всей многофакторности связанных с ней процессов, она, как минимум, содержала и значительный **моральный** компонент, связанный с либеральными в своей основе ценностями и ожиданиями. К сожалению, политиками-реформаторами, осуществлявшими преобразования в постгорбачевский период, это явно недооценивалось.

Вообще отношение к либерализму во времена СССР содержало в себе элемент парадокса. На формальном, официальном уровне оно было сугубо отрицательным – негативно уничижительным. Что было в рамках официозного дискурса, в общем, логично, поскольку либерализм исходит из посылок, противоположных советской доктрине максимального огосударствления всего и вся и агрессивного неприятия «буржуазного» индивидуализма. А в риторическом плане презрительно унижающее отношение к либералам произрастало из печально известной фразы Ленина, согласно которой либералы – не мозг нации, а субстанция принципиально иного свойства, отбросы, выделяемые человеческим организмом, поименованные к тому же при этом словцом из обценной лексики. Разумеется, в специальной, научной литературе советского времени можно найти и гораздо более элегантно, более пристойные по форме пассажи и оценки. Однако в целом, с точки зрения официоза, либерализм как явление

даже в лучшем случае оценивался как нечто заведомо ошибочное, наивное в самих своих основах, психологически и ментально неполноценное.

Однако парадоксальным образом, вопреки этому, позитивный, даже романтический, хотя и довольно смутный, образ либерализма как чего-то хорошего, даже идеального во всех отношениях, выжил и «тепился» в закоулках интеллектуальной рефлексии, причем в разных слоях общества. И когда идеологическое и политическое давление ослабло, он поразительно быстро превратился в весьма значимый элемент общественного настроения и надежд. Правда, и тут не обошлось без уже другого парадокса, о чем будет сказано несколько ниже.

Бюрократическая ментальность и либерализм

В принципе бюрократическая ментальность не слишком согласуется с либеральными взглядами. Даже в Западных странах. Бюрократы по самому характеру деятельности более склонны к дирижизму и даже к патерналистскому видению своей роли по отношению к обществу, к гражданам и их нуждам. Это связано как с традициями, так и с объективной позицией чиновника в системе правления. И это вдвойне справедливо по отношению к бюрократам советского образца, к чиновникам, порожденным советской системой.

Классический советский бюрократ был антиподом либерала, как говорится, по определению. И по общей идеологии системы, и по роли в ней чиновника, он должен был обеспечить максимальный государственный и партийный контроль над всем и вся. Кроме того, он, в отличие от чиновника в демократических политико-управленческих системах, был ориентирован не «вниз», не на нужды и ожидания граждан, а прежде всего на выполнение приказов и требований вышестоящего начальства. Ведь *публичной службы* в подлинном значении слова в советской системе *не существовало*. Она и не могла существовать хотя бы из-за ее несовместимости с автократической моделью правления и партийно-номенклатурной системой отбора управленческого персонала.

Впрочем, СССР был отнюдь не уникален в этом отношении. Во всех странах советского блока чиновники были лишь «приводным ремнем» для осуществления политической линии правящей партии. (Хотя линия эта периодически довольно существенно менялась, но номенклатурщики, по словам старого советского анекдота, «колебались вместе с колебаниями линии партии».) Обычная в XX веке для западных стран merit system – система заслуг и достоинств при отборе кандидатов на управленческие позиции – практически ни в одной из них не существовала. Вместо нее господствовала партийно-номенклатурная система.

После падения коммунизма несколько постсоциалистических стран предприняли определенные усилия по созданию реально публичной государственной службы. В некоторых из них результаты таких усилий дали больший позитивный результат, в некоторых – меньший. Но, на мой взгляд, едва ли можно найти в этой части мира хотя бы один полностью удачный пример реформы государственной службы. Скорей можно говорить о возникновении ряда избыточно бюрократизированных государств, т. е. государств, где непомерный объем власти оказался в руках бюрократии, причем в ряде случаев социально безответственной и коррумпированной.

Думается, Россия представляет собой классический пример подобной метаморфозы. Хотя формально она прошла с 1991 года минимум через пять «раундов» попыток реформ и три объявленные государственные программы реформирования [Оболонский 2011], качество ее государственной службы скорее ухудшилось, чем улучшилось. Особых достижений ни объективный анализ, ни общественное мнение, ни даже оценки «начальства» не отмечают. И даже само слово «публичная» не привилось, Она по-прежнему называется государственной. При этом я не думаю, что все или даже большинство российских чиновников изна-

чально были безнадежно «плохими парнями». Их «моральный портрет», как представляется, существенно многоцветнее и сложнее.

А советские чиновники, которые и стали первым поколением постсоветского чиновничества, все без исключения были обучены, работали и оценивались по целиком антилиберальным правилам, в рамках полностью антилиберальной парадигмы. Можно предложить их следующую грубую типологию.

- «правовверные» коммунисты советского образца;
- «колеблющиеся ревизионисты» в мыслях и словах «на кухне», но в служебное время – безропотные исполнители любых распоряжений, независимо от личных взглядов;
- просто «рабочие лошадки», «винтики» системы, не думающие о последствиях своих действий за пределами личного горизонта;
- откровенные циники.

Разумеется, возможны и другие, более тонкие и нюансированные классификации. Например, по формальной должностной позиции, по месту в системе, по типу органа – партийные, государственные, профсоюзные... Можно выделить и страту «придворных» бюрократов – аппарат ЦК (хотя там тоже были свои тонкости. Как заметил в свое время А.Е. Бовин – глубокий «включенный наблюдатель» системы, но при этом сохранявший по отношению к ней интеллектуальную дистанцию – «система у нас была хоть и однопартийная, но многоподъездная»).

Амплуа и роли новые, а актёры прежние

Однако главная проблема состояла в другом – в условиях новой, радикально изменившейся в сторону либерализма политики и экономики, *все* они утратили привычное сознание своего общественного статуса как важного звена социальной системы. Их роль в новой системе отношений изменилась и в значительной мере понизилась. Формальные полномочия изменились и сократились. Предыдущие профессиональные навыки и компетенция оказались невостребованными. От них объективно стал требоваться совсем иной характер профессиональной работы, к которому большинство из них не были готовы ни профессионально, ни морально. За небольшим числом исключений, чиновники, унаследованные постсоветской Россией, были просто не в состоянии обеспечить объективно необходимый в новых условиях уровень профессиональных административных управленческих действий. Отсюда, помимо прочего, неизбежно понизилось связанное с этим самоуважение.

В результате возник эффект ресентимента или, следуя терминологии Эмиля Дюркгейма, *моральной аномии*. А формы адаптации к нему варьировались в амплитуде от отчуждения и эскапизма до открытого, или чаще, скрытого, сопротивления переменам. А между этими крайностями расцвели коррупционная психология и соответствующий ей тип поведения. И господствовавшая тогда «ситуация Клондайка», мгновенное по историческим, да и любым рациональным меркам, перераспределение гигантских объемов собственности, материальных ценностей, этому способствовало. Что добавило в общую ситуацию транзита немало дополнительных серьезных проблем, сложностей и несправедливости.

Исходя из опыта транзита нескольких постсоциалистических стран, полагаю, что и нам было необходимо провести определенную *люстрацию* персонала государственных органов. Серьезные кадровые изменения, проведенные в должное время и должным образом, могли бы существенно улучшить многое. Я, разумеется, не имею в виду какого-либо массового увольнения порядочных и политически нейтральных администраторов, какой-либо «охоты на ведьм». Однако хоть что-то в этом направлении должно было быть сделано. А не сделано было ровным счетом ничего. И постсоветская Россия, унаследовав административный персо-

нал советских времен, возложила практически на тех же людей функции по проведению политики, прямо противоположной всему их жизненному и профессиональному опыту. С одним, впрочем, печальным исключением: лучшая часть кадров, люди, лучше и быстрее других сориентировавшиеся в новых обстоятельствах, использовали прошлые связи и доступную им информацию о деталях конкретных приватизационных и финансовых операций и перетекли в новообразованные коммерческие и прочие структуры. А на госслужбе остались «худшие», более инертные и не сумевшие приспособиться. Эмпирические данные на сей счет производят, надо сказать, тяжелое впечатление. По данным О. Крыштановской, даже к середине 90-х годов в правительственных структурах было 75 %, а в бизнесе – 61 % членов бывшей советской номенклатуры [Крыштановская 1996]. Причем больше половины из них попали туда даже не при Горбачеве или Ельцине, а куда раньше – при Брежневеве [Савватеева 1995].

Однако политическое руководство тех времен игнорировало эту абсурдную ситуацию. И в результате мы получили явно *избыточную персональную преемственность* в аппарате управления, что, по моему мнению, стало одним из критических препятствий для успешного прохождения периода транзита. Это принципиально отличает Россию от опыта посткоммунистических трансформаций в странах Восточной Европы и отчасти объясняет как особо драматические трудности наших 90-х, так и последующее развитие событий, а также ситуацию, в которой оказалась страна ныне.

Качество нашей бюрократической машины стало хуже, чем в любые предшествующие времена, по крайней мере, за последние пару веков. Это признают все – и политическое руководство страны, и эксперты, и потребители госуслуг на всех уровнях населения. (Так называемые МФЦ – одно из немногих благоприятных исключений, общей ситуации не меняющее.) Хотя в административной среде произошли естественные поколенческие изменения, положение лучше не стало. И никакими полумерами проблему уже не решить. А для мер радикальных нужны политическая воля, решимость и готовность к риску. Особую сложность в данном отношении создает отрицательное отношение и сопротивление радикальным переменам со стороны самого бюрократического аппарата, что, впрочем, понятно. Как говорит одна старофранцузская поговорка – «нельзя доверять лягушкам осушать болото, в котором они живут». К тому же аппарат объективно представляет одну из главных опор политического режима. В сознании самих же бюрократов также произошли радикальные перемены: из испуганных временщиков 90-х они трансформировались в едва ли не «хозяев государства». Многие политологи так и говорят, что *произошел захват государства бюрократией*.

Более того, некоторые ученые (Т.Е. Ворожейкина, В.А. Четвернин) не без резона говорят, что в современной России государства как системы демократических публично властных институтов просто нет, а то, что существует на его месте, заслуживает других названий в амплитуде от деспотии до failed states (провалившихся государств), поскольку оно представляет и защищает не публичные, а частные интересы ограниченной группы лиц. А последние годы о разложении государственных институтов говорят все чаще. Однако, разделяя пафос и аргументацию многих их высказываний, все же замечу, что, исходя из подобной логики, следует распространить эту терминологическую новацию также практически на все существовавшие в истории государственные образования, а также на значительную часть современных государств. И удостаивать именем государств лишь «хорошие» из них. Но как в таком случае именовать тоталитарные, авторитарные, патерналистские, да и вообще любые не демократические государственные структуры? Корректно ли подобное несколько «легкое» обращение с ключевыми, веками устоявшимися терминами и их значениями? Мне кажется, можно обойтись дополнительными уточняющими характеристиками и оговорками,

подразделяющими государства на различные классификационные типы. Впрочем, это вопрос из сферы семантики и этимологии.

Но вернемся в наши 90-е.

Романтический период

На первой стадии трансформаций, во времена перестройки, и особенно на рубеже 80-х и 90-х годов, и в «высоколобом», и в массовом сознании людей, ориентированных на перемены в либеральном направлении, доминировали отнюдь не экономические и даже не правовые аспекты либерализма, а его морально-политическая сторона и пафос: **свобода слова, печати, критики, собраний** были главными в повестке дня. Наверное, это было неизбежно после многих десятилетий советского идеологического морока. При ослаблении семидесятилетнего репрессивного государственного пресса на поверхность вышли естественные человеческие потребности просто «выговориться», объединяться или, напротив, создавать отдельные группы без чьей-либо указки, открыто высказывать и демонстрировать свою накопившуюся неудовлетворенность разными сторонами жизни и т. п. Страна в немалой степени превратилась в подобие гигантского дискуссионного клуба. Причем это затронуло отнюдь не только мегаполисы.

Из личных наблюдений: в конце 80-х, проходя вдоль по улице заштатного городка в Вологодской области, мы с женой могли практически без пауз слушать трансляцию выступления Горбачева на одной из последних партийных конференций; дело было летом, окна были открыты и практически из каждого доносился его голос. А к вечеру на лавочках, в городских скверах, на берегу озера шли горячие дискуссии спонтанно собравшихся людей (кстати, тогда и в голову никому не приходило запрашивать на это какое-либо «согласование»). Во времена же Первого съезда народных депутатов в мае 1989 г. эмоциональный интерес к политике достиг почти эпидемического уровня: люди практически не выключали транзисторов, даже проходя по улице или гуляя на природе, они шли с прижатым к уху приемником. Возможно, то состояние было не вполне нормальным и не могло продолжаться долго. Но оно было необходимым, как легкое болезненное состояние после прививки.

То были очень **романтические годы, полные надежд, ожиданий и, к сожалению, иллюзий**. Вообще политический романтизм, при всей его красоте, эстетизме и возвышенности, в практическом плане не очень эффективен. Имманентно присущие ему повышенная эмоциональность, ажитация, завышенные ожидания упрощают политическую реальность, требуя быстрого результата. В политической науке данный феномен описывается как «революция ожиданий» (В частности, его можно наблюдать на примере «постмайданной» динамики настроений украинской и киргизской революций, что, впрочем, разговор отдельный.) Романтизм довольно быстро выдыхается в удушающе прагматичной атмосфере так называемой *realpolitic*, порой переходя в противоположную крайность – политический цинизм и национализм.

Проблематика совмещения общечеловеческих ценностей (популярное выражение горбачевских времен) и ценностей национальных, соотношения патриотизма и национализма, также очень важна в контексте рассматриваемых вопросов. Ведь в те годы либеральное сознание впервые за советские времена соединилось с патриотическими чувствами. «Стихийные либералы» вместо стыда и неловкости за свою страну, стали гордиться ею. Я, как и многие советские ранее «невыездные», начал тогда ездить за границу и, общаясь с самыми разными людьми, ощущал чувство уважения и даже восхищения по отношению к нам, «постсоветским» – самим, без чьей-либо помощи, пусть с серьезными издержками, но, казалось, навсегда сбросившими советский режим. (По сравнению со сталинским временем

«звездного часа» тоталитаризма, режим во времена брежневского генсекства выглядел как бы «уставшим», приобрел вялую полутоталитарную форму.) Помню, как тогда, в 90-е, не стеснялся и публично, и в частных беседах за рубежом, говорить: «горжусь быть российским гражданином» или, более конкретно, «горжусь быть москвичом». Ни ранее, ни впоследствии подобные слова мне ни в голову, ни на язык, к сожалению, больше не приходили.

А патриотизм в те годы, в отличие от последующих времен, не носил ни мифотворческого, ни агрессивного характера. Поскольку я довольно подробно обсуждал эту щепетильную тему в своей последней книге, то в данном случае просто поделюсь одной малоизвестной цитатой из английского христианского мыслителя К. Льюиса: «Когда патриотизм становится бесом, он плодит и множит зло... Это чувство не безопасно. История любой страны кишит постыднейшими фактами... Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование. Чтобы он не приносил вреда, его надо принимать как сказание... Разновидность патриотизма – уже не чувство, а вера, твердая, даже грубая вера, что твоя страна или твой народ действительно лучше всех. А если наша нация настолько лучше всех, не обязана ли она всеми править? В самой крайней форме такой патриотизм становится тем расизмом толпы, который одинаково противен и христианству, и науке» [Льюис 1992: 248].

В целом годы, о которых идет речь, были *временем расцвета этических ценностей*, открытости и солидарности перед лицом трудностей. И не случайно многие, в том числе и я, считают 90-е едва ли не самым достойным периодом нашей истории за весь двадцатый век. (Годы войны с массовой самоотверженностью и жертвенностью людей как почти нормой поведения в чрезвычайных обстоятельствах с особой шкалой ценностей – время исключительное и потому к обсуждаемым временам отношения не имеет.) К несчастью, тогда, в перестроечные и постперестроечные времена в морально-этическом плане было сказано больше возвышенных и красивых слов, чем сделано практических дел.

На том высоко эмоциональном фоне были отодвинуты на периферию повестки дня такие, хоть, по сути, и либеральные, но *«прозаические» вещи* как неприкосновенность частной собственности, сочетание свободы и уважения к праву, минимизация государственного вмешательства в бизнес и т.д., а в плане личном – необходимость интенсивного труда, принятие ответственности за свою работу, готовность рисковать, особо не рассчитывая на поддержку со стороны государства. Это произошло даже в интеллектуальных, социально рефлекслирующих кругах. Конечно, экономические реформы обсуждались, и даже довольно интенсивно, но главным образом внутри узких профессиональных групп и гораздо меньше занимали публичное внимание, чем вопросы, связанные с политическими свободами и определенно меньше, чем они того заслуживали.

В кругах либерально мыслящих экономистов преобладала точка зрения, что введение свободного рынка, его «невидимая рука» сама расставит все по местам и в других сферах. Иными словами, доминировала концепция «человека экономического» или экономического романтизма, причем в ее упрощенном виде. Демократический проект, как справедливо заметила как-то Т.Е. Ворожейкина, был сведен к проекту рыночному. К тому же, рядовым гражданам в нем отводилась роль не участников процесса, а лишь его объектов, материала.

И, сделав ставку на всемогущество «невидимой руки» рынка (превратившиеся в клише слова Адама Смита), как-то не очень вдумывались, что рука эта изначально «произрастала» из определенных этических стандартов мышления и поведения, исторически связанных, прежде всего (хотя не исключительно) с протестантизмом и его этикой. Вспомним хотя бы название наиболее известной работы Макса Вебера – «Протестантская этика и дух капита-

лизма». И ведь не случайно основополагающий труд А. Смита называется «Теория нравственных чувств».

К тому же явно недооценивались трудности периода транзита. Разумеется, предпринимательская деятельность развивалась независимо от интеллектуальных дискуссий в академических и близких к ним кругах, но преимущественно в формах, мягко говоря, довольно «специфических», Акцент был сделан не на производство товаров и иных благ для предложения их на рынке, а на перераспределение всеми доступными средствами гигантского, накопленного страной за десятилетия и столетия, массива собственности. Причем происходило это в формах, зачастую небезупречных даже в чисто юридическом плане (не говоря уж о плане моральном) и в амплитуде от относительно честной приватизации до чисто мафиозных операций по ее захвату. Я нисколько не хочу солидаризироваться с модным ныне хором подпевал, на разные лады распевających о «лихих девяностых». Более того, я считаю, что есть основания со всем уважением относиться к тем миллионам и миллионам граждан, которые зачастую на пустом месте и в весьма неблагоприятных условиях, проявили высокую креативность, деловую инициативу, нашли то или иное свое место в складывавшейся системе отношений и в короткие сроки создали работающую рыночную экономику, плодами которой все мы пользуемся. А первая волна «челноков просто-таки заслуживает установки им памятников на городских площадях. Но все же падение уровня жизни и, с другой стороны, криминальный дух того периода оказались слишком велики.

Возможно, этого было трудно избежать после 70 лет советского режима, запрещавшего любую независимую экономическую активность и преследовавшего ее как тягчайшее преступление. Странам Восточной Европы это было полегче просто в силу меньшей продолжительности их пребывания под советской пятой, хотя тоже непросто. Но там все же сохранились люди, «помнившие, как это было». А у нас эти лишние четверть века советского режима оказали очень негативное (а, может, и решающее) влияние на характер приватизации и всю специфику первоначального постсоветского бизнеса.

Таким образом, это был весьма *избирательный либерализм*. Политика и экономика развивались, как бы мало завися одно от другого. Полагаю, мы имеем все основания смотреть на это как на печальный парадокс первого этапа перестройки и демонтажа советского общественно-политического устройства.

Моральная цена экономической трансформации

При этом *одновременно с улучшением ситуации с политическими и интеллектуальными свободами, положение в экономике все ухудшалось, а материальный уровень жизни подавляющего большинства людей падал*. Экономика приближалась к состоянию коллапса. Оказалось, что запустить процесс гласности и даже начать политическую демократизацию много легче, нежели справляться с нарастающими экономическими проблемами. Да, люди были вдохновлены открывшимися широкими возможностями в сферах политического и интеллектуального либерализма, о которых буквально за несколько лет до того поданным СССР и помыслить было нельзя. Да и вообще, за исключением краткого периода от февраля к октябрю 1917г., они были беспрецедентными для нашей страны. Люди поверили в «волшебную палочку» либерализма и *были готовы терпеть* материальные лишения. *Но отнюдь не беспредельно*. Довольно скоро красная черта терпения была пройдена.

Первое правительство Ельцина оказалось в почти трагической ситуации. Время для более мягких и постепенных реформ, и без того краткое, было растрчено в политических схватках и интригах. И правительству Гайдара пришлось действовать максимально быстро и жестко, особо не оглядываясь на массовые чувства и настроения. Пространства для маневра

в тот момент практически уже не оставалось. Зато вполне реальной и даже прогнозировавшейся многими стала полная катастрофа со всеми вытекающими последствиями. Пришедшие в правительство либералы были вынуждены реализовывать эффективный и принесший быстрый экономический результат, но социально очень болезненный, сценарий. И это было сделано. Фактически страна была спасена от экономической катастрофы. Но за очень высокую политическую цену. Благодаря мерам Гайдара и его команды Россия не только избежала падения в пропасть, но и значительно отодвинулась от ее края. Но **платой за это было массовое разочарование в либеральных ценностях. Жесткие экономические меры стали ассоциироваться в массовом сознании с либерализмом.**

Одним из симптомов кризиса стало повышение популярности идеи «особого пути» России как цивилизации, якобы неподвластной общим закономерностям. Что, по мнению аналитиков., является социопсихологическим маркером общественного неблагополучия, социального кризиса [См., напр.: Травин 2018: 119].

Негативные психологические последствия

Ко всему этому добавился еще и **кризис идентичности**. Он был связан с тем, что социальные и профессиональные группы, обладавшие в советские времена наиболее высоким моральным статусом, его лишились, да и вообще утратили всякое влияние на происходившие в обществе процессы, оказались как бы «на обочине». Я имею в виду прежде всего научную и творческую интеллигенцию, хотя не только ее. Так или иначе, но именно эти люди составляли основную часть интеллектуального либерального капитала страны. Они инициировали и продвигали процессы ее либерализации, либо, как минимум, создавали и поддерживали в обществе способствовавшую им определенную духовную и интеллектуальную атмосферу. А в новые времена подавляющее большинство из них оказалось невостребованными и столкнулось с необходимостью элементарного выживания на низком материальном уровне и прозябания на уровне духовном, интеллектуальном.

В то же время вокруг буквально из ничего возникали гигантские состояния, а их обладатели мгновенно вошли в роль новых хозяев жизни с соответствующими манерами и стилем поведения. Причем эти «новые хозяева» в предыдущие времена, как правило, ничем не выделялись из общей конформной массы, не говоря уж о каком-то даже минимальном диссидентстве, а многие из них и делали весьма успешные советские карьеры. Вспомним хотя бы так называемый «комсомольский бизнес». Неплохо вписались в возникшую «ситуацию Клондайка» и персонажи с криминальными ухватками и прошлым. И в новых условиях, в эпоху агрессивного первоначального накопления капитала, на коне оказались те, кто особо не обременял себя ни правовыми, ни, тем более, моральными ограничителями. Именно они оказались главными бенефициарами, выгодоприобретателями всевозможных материальных благ, причем отнюдь не испытывавшими даже минимального уважения к тем, кто эти условия десятилетиями создавал, часто ценой немалых личных жизненных и карьерных потерь. Не говоря о трагедиях диссидентов, большинство из которых в наступившие времена просто оказалось «лишними людьми».

И этот переворот, разрушивший самоуважение и понимание «смысла жизни» у миллионов людей, также был отнесен на счет либералов, найдя вульгарное воплощение в уничижительной кличке «либерасты». В качестве ограниченной аналогии можно вспомнить так называемый «позолоченный век» (gilded age) в США 19 века. Но наша ситуация была значительно более драматичной, масштабной и негативной по последствиям.

Другим фактором, имевшим очень сильный негативный эффект на общественное мнение и сознание, был **феномен обманутого доверия**. Во время перестройки возник обще-

ственный запрос на реальную демократию и на отстранение от властных рычагов персонажей прежнего режима на всех уровнях власти (чего, как было сказано выше, не произошло). При этом в политической и деловой элитах все же появились и некоторые новые лица, а лица прежние освоили демократические манеры и стали довольно складно произносить демократические слова. И люди им, в общем, поверили. К сожалению, вера эта не выдержала проверки реальностью. Хуже того, она цинично эксплуатировалась и нуворишами, и их административными соратниками, и мелкочиновной челядью. Как крайняя форма цинизма, возник даже термин «новое дворянство». Причем особенно охотно его стали применять к себе сотрудники спецслужб?! Подчеркиваю, уже в 90-е годы!!

Разумеется, разрыв между высокими, завышенными ожиданиями и суровой реальностью, порождающий феномен последующего социального разочарования в оценке происшедших перемен – вещь в период транзита неизбежная. Реальность всегда отличается от романтических надежд и упрощенных идеализированных образов «счастливого будущего». Однако в нашем случае разрыв оказался чрезмерным, неприемлемо большим. И ценой, заплаченной за это, стала **потеря доверия к демократическим институтам как таковым, к вере в достижимость социальной справедливости и даже в принципиальную возможность иметь честное правительство**. Одним из последствий стало возникновение нынешнего автократического режима. А **страшный рост системной коррупции** как имманентной части государственного управления, **превращение государства в главного правонарушителя** завершили дело.

Тут следует хотя бы упомянуть о том, что и самому либерализму, особенно в его крайних формах, имманентно присущи и некоторые пороки. Я имею ввиду его определенный элитизм и связанное с ним некое высокомерно снобистское, безучастное отношение к так называемым «лузерам», т. е. к людям, не вписавшимся по разным социальным и личным причинам в ведущую к жизненному успеху систему отношений. Можно наблюдать, что осознание несправедливости такого положения вещей и, соответственно, его неприятие стало в последнее десятилетие в ряде стран Запада весьма значимым фактором и уже привело к довольно серьезным последствиям как социально-экономического, так и морально-психологического характера. Подробнее об этих процессах см., например [Инглхарт 2018]. А в постсоветской России положение усугубилось и радикальным сломом правил социальной игры, что в одночасье поставило миллионы людей перед крайне болезненной, а для многих и непреодолимой, необходимостью перечеркнуть весь опыт предыдущей жизни и пытаться вписаться в формирующийся новый, незнакомый для них жестокий мир эпохи первоначального накопления.

Интуитивный либерализм против государственного прессы

В завершение хотелось бы, однако, добавить немного оптимизма. Даже в трагические моменты «звездного часа авторитаризма» (выражение А.Л. Янова) основания для этого, на мой взгляд, не исчезают. Не буду здесь говорить о верхушечных политических процессах, о внутриэлитной динамике и т. п. Об этом немало написано и продолжает говорить с разных, порой противоположных, позиций, к сожалению, чаще всего под воздействием искажающих реальность субъективных факторов – как желаний и надежд, так и страхов, угроз «стабильности» и т. п. А то и просто в силу политической ангажированности. Я же останюсь на иных, более приземленных, социальных уровнях. Один из обнадеживающих факторов последних, условно говоря, полутора десятилетий – возрождение в обществе такой этической установки как **запрос на честность и справедливость**. Нынешнее российское общественное устройство, как известно, несправедливо во многих отношениях и на всех уров-

нях. Однако, в отличие от предыдущих лет, люди все менее и *менее готовы терпеть эту социальную аномалию*, мириться с ней как с якобы непреодолимым фактором. Что проявляется, как минимум, двояким образом.

Во-первых, в периодических *вспышках протестных выступлений* по разным причинам, которые не всегда напрямую связаны с политикой, а возникают больше по отдельным локальным поводам, например, экологического, инфраструктурного или градостроительного характера. Причем неоднократно наблюдаемая *неготовность (или даже неспособность) властей к адекватной на них реакции* ситуацию либо лишь обостряет, либо загоняет ее вглубь. Типичная полицейская реакция на них властей разных уровней в большинстве случаев – смесь порожденной страхом жестокости и глупости. Не говоря уж о том, что избиения и жестокие задержания полицейскими спецотрядами выходящих на мирные демонстрации молодежи и подростков – вещь, выходящая за рамки юридических норм даже наших «антимитинговых» законов с их весьма сомнительной конституционностью. А о нормах морали и элементарной рациональной осмысленности при оценке действий чиновных персон порой просто трудно говорить. Более того, система последующего формального судебного штампования обвинительными приговорами сплошь и рядом фальшивых полицейских протоколов, по моему мнению, доказывает централизованный характер выбора такой стратегии реагирования на гражданское выражение оппозиционных мнений и настроений. Разумеется, все это, естественно, вызывает у молодых людей (и не у них одних), самое негативное отношение к властям с соответствующими последствиями для их легитимности и перспектив «выживаемости» в будущем. Так что полицейская брутальность на грани садизма по отношению к мирным протестным акциям контрпродуктивна не только в плане негативных моральных, репутационных последствий для самой власти (этим она все больше пренебрегает), но даже и с вульгарно прагматической точки зрения. Ибо это *подорывает правовую основу легитимности государства* как такового, что крайне опасно и может иметь разрушительный эффект даже в относительно короткой, не говоря уж о более долгой, перспективе. Опора на силовиков может показаться оптимальной в какие-то моменты. Но, как показывает история, она не только неудобна, но и ненадежна. Не случайно такой великий «гроссмейстер» по захвату и удержанию власти как Наполеон Бонапарт говорил, что «штыками можно делать почти все, но сидеть на них нельзя».

Вообще, на мой взгляд, в широком социальном смысле *протест следует рассматривать как правомерную форму политического участия (political participation)*. Особую, повышенную актуальность и остроту она приобретает *либо при отсутствии других эффективных его форм* (как у нас), *либо при неудовлетворенности ими* (как, например, движения оссору Wallstreet или black lives matter в США). Тема гражданского протеста и реакции на него властей представляется одной из ключевых для понимания как общественных процессов, так и существа политического и административного режима страны. Она очень непростая и, как теперь модно говорить, «неоднозначная». В тех случаях, когда протесты выливаются в насилие и вандализм, как, например, произошло в США в 2018 году с захватом Капитолия, вряд ли их можно оценивать в позитивном ключе. Есть множество и других примеров в самых разных странах. Это – предмет самостоятельных исследований, включающих самые разные уровни – от политических переворотов и захватов власти и вплоть до забастовок в жизненно важных для нормальной жизни обществ областях. Что существенно выходит за рамки данной статьи. Отчасти я рассматривал эти вопросы на примере разных стран [Оболонский 2013].

Но не входя в конкретные причины, вызвавшие протест (они очень разные), отметим, что общая суть протеста – выражение гражданами публичного несогласия с теми или иными действиями властей, пренебрегшими, по их мнению (хотя не всегда адекватному), их интере-

сами и ожиданиями, причем часто выразившими это пренебрежение в демонстративно оскорбительной по отношению к гражданам форме. Поэтому обладателям властных полномочий надо наконец понять, что *протестная активность – не какая-то опасная аномалия или даже «патология», якобы угрожающая «основам» и стабильности, а нормальный элемент независимой социальной активности, что, в свою очередь, является условием существования гражданского общества и полноценного государства.* А протестующие – естественная часть гражданского общества. Протест же – не игра с нулевой суммой, он должен давать выигрыш обеим сторонам. Возможно, что государству, (конечно, если под ним понимать конгломерат чиновников с их специальными интересами), это порой может быть дискомфортно. Но вряд ли это должно быть главным критерием. К том же, если смотреть на протестующих как на врагов или, пуще того, на «иностранных агентов», то не исключены самые неблагоприятные для тех же чиновников сценарии

Другие примеры интеллектуальной неадекватности властей – манипуляции вокруг выборов, когда используется весь набор управленческих ухищрений – от технологических трюков и манипуляций до прямого давления и подкупа членов местных избирательных комиссий. И получаемые таким образом результаты могут убаюкивать лишь совсем недалеконидных людей, которые, впрочем, похоже, в среде принимающих решения и обеспечивающих их проведение в жизнь лиц, сейчас немало. Фактическое уничтожение реального конкурентного политического процесса, а в последние годы, и все большее циничное пренебрежение атрибутами даже имитационной демократии, подрывают саму легитимность власти, за что всем нам приходится расплачиваться и сейчас, и, боюсь, придется еще дороже в обозримом будущем.

Ярчайший пример, наиболее, на мой взгляд, наглядно демонстрирующий несоответствие этики поведения полномочных представителей властных структур даже минимальным стандартам приличий, а, попросту говоря, отсутствие у них самого понятия чести – это поощряемое ими систематическое циничное надругательство над памятью бывшего вице-премьера российского правительства Бориса Немцова, сродни пляскам на могиле. Как известно, на Москворецком мосту, на том месте, где он был убит выстрелами в спину, силами добровольцев возник и уже немало лет поддерживается стихийный «народный мемориал»: цветы, фотографии Немцова, свечи. Больше того, они несут там круглосуточные дежурства, круглый год, в любую погоду. И вот этот мемориал регулярно уничтожается, причем по ночам, чтоб свидетелей было поменьше – либо под фальшивыми предлогами очистки тротуара, ремонта, либо безо всякого предлога, грубо и безжалостно, иногда даже дважды за ночь. Люди вновь и вновь приносят цветы, а прикрываемые властью мародеры их вновь и вновь сметают и увозят. Жалобы и заявления в полицию имеют нулевой эффект. А на все обращения групп граждан и разных организаций с просьбами установить какой-либо памятный знак на месте убийства следует циничный отказ. Он аргументируется отсылкой к общему правилу о 10-летнем посмертном сроке для этого, хотя закон отнюдь не исключает возможности отступлений от данной нормы: лишь за последние несколько лет в городе установлены и монументы и даже названы улицы в память совсем недавно ушедших людей. Характерно, что и в этом, и в других сходных случаях власти порой не гнушаются обращаться даже к услугам реальных подонков и маргиналов, обеспечивая им разные виды «прикрытия» и даже тем или иным образом поощряя их. К счастью, самые последние годы эти вандальные, мародерские акции происходят заметно реже. Можно надеяться, что кому-то, кто поумней, пришло в голову понимание их контрпродуктивного характера. (Говорить в данном случае о факторах моральных представляется неуместным.) К тому же боязнь упоминать даже саму фамилию Немцова наводит на размышления из области то ли патопсихологии, то ли исторической антропологии, на тему современной реинкарнации архаического типа сознания, присущего не-

которым языческих культам, запрещавшим, табуировавшим произнесение определенных слов и имен. Другими такими примерами могут послужить фактический запрет на проведение акций памяти жертв политических репрессий и вандализм по отношению к табличкам «последний адрес», также представляющим акт поминания людей, безвинно уничтоженным советским государством, что, кстати, было официально признано его наследниками актами их реабилитации.

Во-вторых, я весьма оптимистично оцениваю потенциал *усилий* самых разных *людей с иногда неосознанными, но, по сути, с либеральными моральными и психологическими установками*, их стремлениями *сформировать горизонтальные связи, параллельные структуры, не связанные или минимально связанные с государством*. Общий «знаменатель», посыл таких действий – совсем не политический, а прагматический: *желание стать максимально независимыми от государственной бюрократии*. В стране на самом деле есть немало либерально, по своей сути, ориентированных людей и их групп. Как правило, это объединения не политические в узком смысле слова, а сообщества деловые, бизнес, социальные, благотворительные, культурные, просветительские, экологические, общегуманитарные, коллекционерские и т. д. Они не консолидированы и часто даже друг о друге не слышали. Более того, многие из них не идентифицируют себя в качестве либералов, а порой и слова такого либо не знают, либо знают лишь его навязываемые официозом негативные и уничижительные коннотации. Но возможна ли принципе или даже нужна ли *«интуитивным, неосознанным либералам»* такая консолидация – вопрос отдельный с неочевидным для меня ответом.

Согласно многочисленным подтверждениям социологических опросов, *люди не доверяют большинству государственных институтов и не верят в «государственный разум», благие намерения и даже просто в честность персонала госучреждений*. Государство как гарант нормальной жизни людей, прав и свобод граждан страны, себя дискредитировало.

А неправдоподобно высокий уровень вербального выражения доверия президенту – вопрос для отдельного обсуждения. Заметим лишь, что персональный культ и даже обожание «вождя народа», «отца нации» и т.п. – вещь эфемерная и непредсказуемая даже в кратковременной перспективе. Вспомним хотя бы заоблачный уровень популярности и последующее мгновенное падение его к нулевой отметке у таких отечественных политических лидеров как А.Ф. Керенский, (в течение нескольких месяцев он был просто всеобщим идолом, кумиром, его в буквальном смысле слова носили на руках все – от петербургских интеллектуалов и эстетов до солдат из окопов) [Колоницкий 2017]. Или, из совсем близких времен это – М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин. Да и «качели» цифр президентского рейтинга, не говоря уж о различных интерпретациях их достоверности, с научной точки зрения, тоже должны наводить на размышления. И в любом случае даже самая высокая личная популярность главы государства отнюдь не компенсирует низкого доверия к иным государственным институтам и персонам.

А общее недоверие к системе правления, которая стала все больше походить на советскую модель, тоже парадоксальным образом работает на *возрождение либеральных ценностей*. И то, что в нынешних обстоятельствах оно пока существует, как правило, в формах пассивных, вплоть до известной модели жизни «премудрого пескаря», дела не меняет. В этом, на мой взгляд, есть база для умеренно оптимистичного взгляда и надежд на развитие страны по позитивному сценарию. Относительно же сроков наступления перемен могу лишь заметить, что современный уровень прогнозирования в социальной науке не дает оснований для особого к нему почтения. Политическая динамика, особенно в таких обществах как Россия – вещь почти непредсказуемая. А исторические и страноведческие аналогии типа якобы

фатально непреодолимой «московской матрицы», да и вообще концепт «path dependence», имеют, на мой взгляд, скорее когнитивную, ориентирующую, но никак не «директивную» ценность. Будущее, даже ближайшее, открыто для очень различных сценариев, от более или менее благоприятных до близких к катастрофичным. И, мне кажется, что то или иное отношение к либерализму сможет сыграть в рамках любого из сценариев не последнюю роль. Ведь **в основе либерализма** лежит такая базовая ценность как **свобода, уважение к человеческой личности и ее достоинству**. Что, кстати, закреплено в действующей Конституции РФ. А все прочие напластования, в том числе и отражающие некоторые негативные черты либерализма, преходящи и преодолимы.

Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В., Чурилов В.А. 1997. *Этика политического успеха*. – Тюмень. – М.

Инглхарт Р. 2018. *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. – М. «Мысль».

Колоницкий Б.И. 2017. *«Товарищ Керенский: антимонархическая революция. формирование культа «вождя народа»», март-июнь 1917 года*. – НЛЮ.

Крыштановская О. 1995. Трансформация старой номенклатуры в новую советскую элиту. – *Общественные науки и современность*. – 1. – С. 65.

Крыштановская О. 1996. Финансовая олигархия в России. – *Известия*.

Льюис К. 1992. *Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты*. – М. «Республика». – С. 248.

Оболонский А.В. 2002. *Человек и власть. Перекрестки российской истории*. – М. «Наука».

Оболонский А.В. 2003. *Drama of Russian Political History. System against individuality*. – Texas A&M University Press.

Оболонский А.В. 2011. *Кризис бюрократического государства: реформы государственной службы. Международный опыт и российские реалии*. – М. Фонд «Либеральная миссия».

Оболонский А.В. 2013. Народ, власти, полиция: уличные протесты в современном мире. – *Общественные науки и современность*. – № 4. – С. 109-115.

Оболонский А.В. Право граждан на уличный протест и полиция: опыт США. – *Вестник Института Кеннана*. – № 24. – С. 40-49.

Одиссей. 2000. *Человек в истории. История в сослагательном наклонении?* – М. «Наука».

Савваттева И. 1995. О тех, кто нами правит. – *Известия*.

Ферро М. 1992. *Как рассказывают историю детям в разных странах мира*. – М. «Высшая школа».

Травин Д.Я. 2018. *Почему ищут особый путь... которого нет*. – «Особый путь страны: мифы и реальность». – М. «Мысль».

Злоба дня: вчера, сегодня, завтра

**ЕВГЕНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ПОЛИТИКИ «ОЗДОРОВЛЕНИЯ» НАЦИИ
В ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

*Е.А. Паламарчук
Ростовский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)*

Аннотация: *В статье предпринята попытка комплексного анализа сущностных аспектов евгенического проекта, осуществление которого было предпринято гитлеровским режимом.*

Еще в донацистский период в Германии была заложена теоретическая база, опираясь на которую, лидеры Третьего рейха приступили к реализации на практике идей негативной евгеники.

Основными направлениями расовой политики, носившей четко обозначенный евгенический характер, стали «решение», а затем «окончательное решение» «еврейского вопроса», истребление «неарийского» населения оккупированных в ходе Второй мировой войны территорий и советских военнопленных, насильственные стерилизация и «эвтаназия» рассматривавшегося как «социальный балласт» немецкого населения, деятельность союза «Лебенсборн» по выведению «совершенной» расы.

С поражением Германии в войне носившая явные признаки геноцида евгеническая политика режима, призванная интегрировать немцев в расово однородное «народное сообщество» и, одновременно, сыграть роль извращенно трактуемого экзистенциального фактора, потерпела крах, не принеся ожидаемых результатов.

Ключевые слова: *евгеника, расовая гигиена, стерилизация, «эвтаназия», «окончательное решение еврейского вопроса», геноцид.*

Введение

Несмотря на то, что феномен национал-социализма во всей его многоаспектности на протяжении десятилетий, прошедших с момента его возникновения и, особенно, краха нацистского режима, неизменно находился в центре внимания представителей научных сообществ по всему миру, в связи с чем его историография на сегодняшний день насчитывает тысячи публикаций, актуальность подобного рода исследований не только не снижается, но,

напротив, лишь возрастает. Снисходительное и нередко поощрительное отношение к идеологии нацизма, демонстрируемое известными представителями определенных политических кругов Соединённых Штатов Америки и ведущих европейских держав в тех случаях, когда ее использование выступает инструментом противодействия России, в очередной раз привели к повышению рейтинга исследования специфических характеристик нацистского режима. В условиях перманентной турбулентности, характеризующей состояние мира на современном этапе, нацистская идея в ее неоварианте сохраняет значительный потенциал, о чем свидетельствует успех правых политических сил на выборах во Франции, а также укрепление их позиций в ряде других стран.

Более того, новые глобальные потрясения, согласно экспертным оценкам ожидающие человечество в ближайшее время, и связанное с ними фатальное ухудшение социально-экономической ситуации в подавляющем большинстве государств вполне может поставить в повестку дня вопрос о целесообразности избавлении от «социального балласта». Продолжающаяся же обостряться миграционная проблема уже в ближайшем будущем потребует своего кардинального решения. Это решение, вне зависимости от того, какая сторона (принимающая или иммигрантская) возьмет его на себя, может обрести любые формы, включая самые радикальные – вплоть до этнических или расовых чисток, осуществляемых среди прочего с использованием соответствующего евгенического опыта Третьего рейха, но в неизмеримо больших масштабах, с учетом тех возможностей, которые вытекают из интенсивного развития современных биотехнологий. Не следует сбрасывать со счетов и, казалось бы, решенную *de jure*, но далекую от решения *de facto* [Тэйлор 2014] расовую проблему в США. В свете сказанного, предпринятое нами исследование представляется более чем актуальным.

Теоретическая рамка исследования

В основу последнего положен междисциплинарный подход. Главное внимание уделяется рассмотрению проблемы в ее многоаспектности, дающему возможность проследить тесную взаимосвязь между всеми ключевыми компонентами опирающегося на евгенический фундамент национал-социалистического расового учения и специфики его реализации на практике. При раскрытии последней автор исходил из основных положений теории тоталитаризма.

Цель и методы исследования

Цель публикации заключается в комплексном анализе сущностных аспектов нацистского евгенического проекта. Автор руководствовался принципом историзма. В ходе исследования были использованы такие классические общенаучные методы, как анализ и синтез, а также историко-системный, историко-ретроспективный методы и метод генетической реконструкции, позволившие выявить особенности и основные факторы возникновения и развития предпосылок реализации на практике в Третьем рейхе идей негативной евгеники, обосновать системный характер нацистской политики в этом вопросе.

Основная часть

С возникновением евгенического учения (как известно, сам термин «евгеника», производный от греч. *Eugenes* – породистый, был введен в исследовательский оборот основоположником научной евгеники английским ученым Фрэнсисом Гальтоном в его публикации «Исследования человеческой способности», увидевшей свет в 1883 г.) [Канаев 1972: 217] оно

очень быстро приобретает популярность в других ведущих государствах мира – Франции [Schneider 1982: 268–291], США, Германии, России и ряде других. При этом евгеника, по выходе из купели, стала подразделяться на позитивную и негативную. Евгенисты, представлявшие оба течения, провозглашали своей целью осуществление национального оздоровления. Однако, если в рамках первого речь шла о сохранении наиболее ценных в биологическом и расовом отношении групп населения, то представители второго настаивали на применении самых радикальных методов очищения национального организма от неполноценных членов.

Несмотря на то, что сам Гальтон, понимавший под евгеникой повышение жизнеспособности рода за счет улучшения его наследственных признаков, считается приверженцем позитивной евгеники, что отмечается современными исследователями [Иванюшкин и др. 2013: 56], в его трудах содержатся некоторые положения, взятые впоследствии на вооружение нацистами. Так, уже в своей работе «Наследственность таланта, ее законы и последствия» он характеризует как «чудовищную» перспективу, согласно которой «расы наиболее способные играть роль на арене жизни» были бы «вытеснены неспособными, больными и бесхарактерными». В этой связи он призывает подумать над тем, какие меры можно предпринять для того, чтобы способствовать «размножению рас наиболее способных мыслить и подниматься по ступеням высокой, благотворной цивилизации, вместо того, чтобы по ложному инстинкту оказывать помощь слабым и задерживать размножение сильных и энергичных личностей» [Гальтон 1875: 274]. В работе же «Наследственный гений» он утверждает, что у «слабых наций мира» нет будущего, поскольку они не отвечают «требованиям современной цивилизации». Этим фатальным обстоятельством предрешена их судьба, заключающаяся в том, чтобы «уступить дорогу более благородным вариантам человечества» [Канаев Указ. соч.: 25].

Разумеется, опасения по поводу возможной деградации человечества высказывались и ранее, в первую очередь представителями расового учения. Наиболее резонансной в этом отношении стала публикация в 1853 году несшего на себе ярко выраженную печать дилетантизма труда Ж.А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас». Стержневой мыслью произведения является гибель народов вследствие расового и этнического вырождения. Понятие «вырождение» применительно к народу Гобино трактует как утрату им тех качеств, которыми он обладал прежде, в связи с чем «в его жилах течет другая кровь». Иными словами, уточняет автор, «сохранив прежнее имя, он не сохранил расу, к которой принадлежали его основатели» [Гобино 2000: 37]. Утрата белой расой доминирующего положения и ее неуклонная дегенерация в результате межрасового смешения, настаивает Гобино, приведет к вырождению и, как следствие последнего, – к гибели человечества. Емкую характеристику этого учения дает современный французский исследователь П.-А. Тагиефф. Отметив «очевидную этноцентричность» взглядов Гобино, он пишет: «Представляется, что основанный на неравенстве расизм, изложенный в «Опыте», есть не более чем многотомное оправдание расоцентричной предвзятости, производной от «евроцентричного» предрассудка [Тагиефф 2009: 43].

Тем не менее, идеи Гобино пустили более или менее глубокие корни в европейской интеллектуальной среде. О дегенерации белой расы писал Рихард Вагнер, видя ее причины в порче крови у современных народов, в первую очередь германского, вызванной, среди прочего, смешением высших рас с низшими, в ходе которого первые утрачивают свой ценный генофонд и деградируют. Обрушиваясь на «разлагающее» влияние «семитского духа», он утверждал, что «германцы... потеряли чувство того, что полезно и что вредно им». Последнее, по его мнению, проявилось в том, что «во имя какого-то отвлеченного принципа равенства они пожаловали евреям те же самые права гражданства, что и христианам», не заметив «тех громадных опасностей, которым подвергало их такое безумное поведение» [Лиштанберже 1997: 385, 391].

Проблемы дегенерации *Homo sapiens* интересовали и русского ученого В.М. Флоринского. В работе «Усовершенствование и вырождение человеческого рода», впервые опубликованной в 1886 г., среди факторов, способствующих вырождению человеческой породы, он указывал кровосмешение, а к условиям, благотворно влияющим на улучшение ее качественных характеристик, относил здоровую наследственность и «рациональное бракосочетание» [Флоринский 1926].

В конце XIX – начале XX века будущее человеческой цивилизации, которая, стремительно продвигаясь по пути индустриализации, избавлялась от пережитков традиционного общества, многим современникам представлялось в пессимистическом свете. В эти годы популярность идей негативной евгеники стремительно растет в США, где власти не ограничивались теоретическим аспектом проблемы. Первый закон, разрешавший осуществление принудительной стерилизации при наличии генетически обусловленных оснований, был принят в штате Индиана в 1907 г. [Бегиев и др. 2021: 32], а в 1930 г. стерилизационные законы действовали уже в 24 штатах. К началу 1940-х гг. общее число стерилизованных и кастрированных достигло 35 878 человек [Курбачева 2021: 35].

Одной из стран, в которых евгенические исследования развиваются наиболее интенсивно, становится Германия. В 1892 г. здесь выходит работа Макса Нордау «Вырождение». Ставя диагноз погрязшему в моральном разложении и страдающему от духовного оскудения современному ему социуму, заключающийся в «вырождении и истерии», он видит в них социальную болезнь, ставшую следствием переутомления тогдашнего поколения, подвергшегося «воздействию разительных изобретений и открытий, потребовавших от него всех органических его сил». При этом представленная ученым картина социальной деградации, проявляющейся в различных видах «половой психопатии» («требованиях известного сорта людей о заключении браков между лицами одного и того же пола», численность которых ... быстро возрастает...», и т. п.), поразительно напоминает реалии современной западной цивилизации. В то же время, предрекая неизбежную гибель обреченным на бесплодие «неизлечимо больным, истеричным и вырождающимся», неспособным выдержать конкуренцию со здоровыми, ... он именно в последних видит своеобразный цивилизационный генофонд, являющийся залогом будущего человечества, включающего в себя народы, претерпевшие процессы оздоровления ... и избавившиеся от социального балласта [Нордау 1894: 421, 423–427, 436–437]. Общий вывод Нордау таков: преодоление культурного декаданса может быть достигнуто «эмансипацией рассудка, а не инстинкта» [Там же: 450].

Широкую популярность в немецкой читающей аудитории приобретает работа германофила английского происхождения Хьюстона Чемберлена «Основания девятнадцатого столетия». Ратуя за сохранение расовой чистоты, признавая «заслугу» евреев в установлении последней в качестве «главного закона», автор подчеркивает извечную чужеродность евреев и германцев. Провозглашая тезис об особой ценности германской крови, от степени наличия которой в той или иной европейской нации зависит значение последней как «живой силы» («только германцы сидят на тронах Европы»), Чемберлен допускает в исключительных случаях, «для облагораживания расы», возможность ограниченного, осуществляемого под строгим контролем и в течение короткого периода времени «смешения крови». Если же процесс такого смешения носит продолжительный характер, то его следствием становится «уничтожение самой сильной расы», утверждает он. В духе классического социал-дарвинизма Чемберлен иллюстрирует данную мысль следующим примером: в результате проведенного в Англии однократного скрещивания «самой знаменитой своры борзых ... с бульдогом», представители первой приобрели дополнительные ценные качества, заключавшиеся в «смелости и терпеливости». Результатом же последующих усилий, предпринятых в указанном направлении, стало вырождение обеих пород, проявившееся в появлении «совершенно бесхарактер-

ных бастардов» [Чемберлен 2012: 378, 381, 398–399]. В 1916 году Чемберлен добился получения германского гражданства. Этому не в последнюю очередь способствовало то, что одним из поклонников его творчества был кайзер Вильгельм II, увидевший в его труде «пробуждающийся призыв к нации» [Evans 2004: 51]. Монарх писал философу: «Всевышний послал Вашу книгу германскому народу, а Вас лично мне». В 1923 г., уже будучи тяжело больным, Чемберлен познакомился на вагнеровском фестивале в Байрёйте с Гитлером. Будучи впечатлен выступлением последнего, он на следующий день направил лидеру Национал-социалистической германской рабочей партии (НСДАП) письмо, в котором предрек тому «великие свершения». «Вам удалось перевернуть мне душу, – признался философ. – То, что в суровый час испытаний Германия произвела на свет Гитлера, свидетельствует о ее жизнеспособности. Это же подтверждает исходящее от Вас влияние, ибо эти два явления – личность и влияние – неразделимы» [Ширер 2003: 126–127].

В глазах большинства представителей расового учения особую опасность для высшей нордической расы имели кровосмесительные связи ее представителей с евреями. При этом подобные идеи находили отражение в определенном роде беллетристике, оказывая соответствующее воздействие на часть читательской аудитории. Так, писатель Артур Динтер в романе «Грех против крови», опубликованном в 1918 г., изложил историю о «расово чистой» белокурой, голубоглазой немецкой женщине, которую совратил еврей. Несмотря на то, что со временем она смогла уйти от него и ... в дальнейшем вышла замуж за «арийца», она в новом браке рожала детей, которые выглядели как «типично еврейские». Вывод, к которому Динтер подводил читателя, был очевиден: даже непродолжительная связь немки с евреем имела своим следствием неуклонную расовую дегенерацию [Burleigh, Wippermann 1991: 37].

В Германии синонимом евгеники стало понятие «расовая гигиена», введенное Альфредом Плётцем в 1895 г. [Ibid.: 32]. С 1904 г. Плётц стал издавать специализированный журнал «Архив расовой и общественной биологии», а в 1905 г. один из апологетов расовой гигиены Эрнст Рюдин учредил «Общество расовой гигиены», с 1910 г. именовавшееся «Немецким обществом расовой гигиены» [Schneider W. Op. cit.: 286–287].

В 1920 г. германские ученые психиатр Альфред Хох и специалист в области уголовного права Карл Биндинг опубликовали совместную работу с характерным названием «Позволение уничтожать жизнь, непригодную для жизни». В ней они настаивали на предоставлении врачам права осуществлять умерщвление не подлежащих излечению пациентов, в частности умственно отсталых лиц, которых они классифицировали как «пустые человеческие оболочки» [Бьюкенен 2003: 159].

Сошлемся также на немецкого антрополога и евгениста новой генерации Ганса Гюнтера. В своих трудах он обосновывал мысль о том, что суть немцев всецело определяется нордической кровью, от возрастания или уменьшения процента которой непосредственно зависят подъем или упадок немецкой нации [Гюнтер 2002: 74-75]. В работе «Аристократия и раса» (1926 год) Гюнтер также ратовал за «стимулирование многодетности среди лиц «нордической» крови [Гюнтер 2011: 187]. Сам Гитлер в «Mein Kampf» утверждал, что любой народ, вставший на путь отказа от сохранения в чистоте своей крови, в перспективе обрекает себя на вымирание [Гитлер 1992: 242–248].

Таким образом, уже до прихода нацистов к власти была заложена теоретическая основа, опираясь на которую лидеры Третьего рейха с первых дней существования гитлеровского политического режима приступили к реализации на практике идей негативной евгеники.

Нацисты исходили из того, что любые расово-гигиенические меры могли дать необходимый эффект только после решения «еврейского вопроса» [Burleigh M., Wippermann W. Op. cit.: 42].

С начала 1870-х годов в Германии набирает темпы процесс еврейской эмансипации, что породило в немецком обществе периодические всплески антисемитских настроений, которые всячески поддерживались и раздувались «фёлькише-организациями». При этом характерный для населения всех германских земель религиозный антисемитизм, существовавший на протяжении столетий, стал уступать место антисемитизму, в основе которого лежала идея расовой чужеродности еврейского народа. Такой подход готовил почву для отказа от существовавших ранее представлений о возможности интеграции в немецкое общество части евреев, способных к добровольной ассимиляции. Теперь все чаще звучали призывы к их полному изгнанию из страны [Evans 2004: 27]. Хорошо известно, что пики подобных настроений приходились на периоды обострения социально-политических и экономических проблем. Однако, если в годы существования Веймарской республики антиеврейские настроения в основном носили латентный характер, не выходя за границы бытового антисемитизма, а в кризисные периоды – митинговой риторики, то приход Гитлера к власти перевел решение еврейского вопроса, в том числе в том, что касалось его евгенического аспекта, из теоретической в практическую плоскость.

Законодательную основу антиеврейской политики в Третьем рейхе составляли многочисленные нормативные правовые акты и постановления, число которых росло с каждым днем существования нацистского режима. Ее краеугольным камнем стали нюрнбергские законы, или «законы гетто», принятые 15 сентября 1935 г. во время проходившего в Нюрнберге съезда НСДАП. Согласно Закону об имперском гражданстве население страны теперь делилось на имперских граждан (ими объявлялись лица «немецкой или родственной крови», чье поведение служило доказательством их готовности и способности «верно служить немецкому народу и рейху»). Вторую категорию, к которой были отнесены и евреи, составляли «подданные», или «принадлежащие к государству» [Reichsbürgergesetz. Vom 15. September 1935//Reichsgesetzblatt. 1935. Teil I. S. 1146]. В евгеническом же контексте особое значение имел Закон об охране немецкой крови и немецкой чести. Официально сообщалось, что он был принят депутатами рейхстага единогласно, поскольку они в полной мере осознавали, что «чистота немецкой крови является предпосылкой дальнейшего существования немецкого народа», в связи с чем ими двигала «непоколебимая воля обеспечить будущее немецкой нации». Этот закон устанавливал запрет на браки и любые сексуальные отношения между гражданами, с одной стороны, и евреями – с другой [Gesetz zum Schutz des deutschen Blutes und der deutschen Ehre. Vom 15. September 1935//Reichsgesetzblatt. 1935. Teil I. S. 1146-1147]. В циркуляре от 11 октября 1935 г. разъяснялось, что в соответствии с последним законом запрещались «браки между лицами, происходящими от чистокровных еврейских предков в трех поколениях, и гражданами немецкой или родственной крови», с последующим распространением запрета на заключение браков, в которых одна или обе стороны «происходят от одного или двух чистокровных еврейских предков» [РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 343. Л.44].

«Совершение расового загрязнения» и «дружба с евреями» были включены в разряд уголовных преступлений [Gellately R. 1992: Vol. 64. № 6. P. 362]. При этом судам запрещалось в подобных случаях рассматривать в качестве смягчающего вину обстоятельства наличие между виновными сторонами интимных отношений задолго до вступления в силу Закона об охране немецкой крови и немецкой чести [РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 343. Л. 125].

Помимо всего прочего, на немцев, состоявших в браке с евреями, оказывалось давление с целью побудить их к разводу, в связи с чем статистика последних значительно возросла.

Указанные меры были дополнены многочисленными юридически закрепленными ограничениями, призванными побудить еврейское население Германии к массовой эмиграции (в довоенный период приоритет отдавался этому варианту очищения нации от «расово чужеродных примесей»). В итоге же все это вылилось в политику «окончательного решения

еврейского вопроса», к проведению которой нацисты приступили в ходе Второй мировой войны. Угроза тотального уничтожения еврейской расы в Европе прозвучала уже в обращении Гитлера к депутатам рейхстага 30 января 1939 г. Однако сама формула «окончательное решение» в качестве эвфемизма физического истребления евреев была впервые использована в письме Германа Геринга шефу Главного управления имперской безопасности Рейнхарду Гейдриху от 31 июня 1941 г. В нем он поручал Гейдриху оперативно разработать и представить ему всеобъемлющий план, который бы включал «организационные, функциональные и материальные меры, необходимые для подготовки реализации ... окончательного решения еврейского вопроса» [Kogon K., Langbein H., Ruckel A. (Eds.) 1993: 8]. Наряду с последним осуществлялось и радикальное решение «цыганского вопроса». Ярko выраженный евгенический аспект имела также политика геноцида, проводившаяся по отношению к славянскому населению временно оккупированных территорий СССР и Польши [Паламарчук 2003: 103-138].

Ставя перед собой задачу создания «расово полноценного» «народного сообщества всех немцев», национал-социалисты считали недостаточным ограничиваться лишь исключением из его рядов представителей «неарийских» народов. Выбраковке подлежали и все немцы, неспособные дать жизнь полноценному потомству. Еще в «Майн Кампф» Гитлер подверг резкой критике современную эпоху, усматривающую одну из своих миссий в том, чтобы предоставить «каждому несчастному дегенерату ..., сифилитику, туберкулезнику, наследственно больному, калеке, идиоту и преступнику возможность плодиться» [Гитлер А. Указ. соч.: 337]. С его приходом к власти участь последних в Германии была предрешена.

14 июля 1933 г. был принят «Закон о предотвращении наследственно больного потомства», или «стерилизационный закон», согласно которому все лица, страдавшие от врожденного слабоумия, маниакально-депрессивного психоза, наследственной эпилепсии, глухоты, ревматической хореи, физических увечий, хронического алкоголизма, должны были подвергаться принудительной стерилизации [Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses (14.07.1933)//Reichsgesetzblatt. 1933. I. S. 530]. Имперский министр юстиции Ханс Франк охарактеризовал этот закон как квинтэссенцию «национал-социалистической философии», подчеркнув, что именно евгеника представляла собой краеугольный камень нацистского общества [Koonz 1992: 1].

В 1934 г. по всей стране при местных гражданских судах были образованы суды наследственного здоровья, наделенные полномочиями принимать решение о проведении соответствующей операции пациентам, страдавшим от вышеуказанных недугов [Nowak 1977. S. 66, 70]. Медперсонал клиник, под страхом штрафных санкций, должен был оперативно предоставлять им всю необходимую информацию [Proctor 1988: 102–103]. При этом решение о проведении стерилизации конкретного лица принималось не только на основании наличия у него того или иного указанного в Законе заболевания, но и по итогам специального анкетирования. В ходе последнего ему предлагалось ответить на вопросы: «Почему мы учимся?», «Как Вы поступите, если найдете пять, двадцать, двести рейхсмарок?», «Как Вам видится Ваше будущее?», «Что Вы сделаете, если выиграете главный приз в лотерею?» и т. п. Кроме того, учитывался фактор «неправильного поведения». К таковому в равной степени могли быть отнесены низкая успеваемость в период школьного обучения и подача жалоб на действия функционеров нацистской партии [Peukert 1987: 217–218].

Поскольку реализация «стерилизационного закона» (в период с 1934 по 1939 год насильственной стерилизации подверглись от 350 000 до 400 000 человек) [Muller-Hill 1994: 30] была воспринята неоднозначно в немецком обществе, особенно со стороны религиозных конфессий, властями было принято решение об осуществлении ряда мер, направленных на евгеническое «просвещение» населения. В частности, Имперское Министерство культуры

обязало директоров средних учебных заведений уделять повышенное внимание формированию у их подопечных «наследственно-биологического сознания», а рейхсминистр внутренних дел Вильгельм Фрик издал 28 июня 1933 г. распоряжение об образовании «Имперского комитета службы народного здравоохранения», перед которым были поставлены задачи осуществления на постоянной основе «расово-гигиенического воспитания молодежи» и формирования у немцев всех возрастных категорий «нордического мышления» [Nowak Op. cit.: 66]. В беседе с послом США в Германии Уильямом Доддом руководитель Национал-социалистического бюро расовой политики Вальтер Гросс утверждал, что нацисты прежде других смогли постигнуть «закон истории», согласно которому печальная участь народов, сошедших с исторической сцены, была обусловлена не «политическими или экономическими причинами», а «вырождением их живых носителей». В связи с этим власти Третьего рейха поставили перед собой цель добиться того, чтобы «каждый немец почувствовал этот закон умом и сердцем» [Кунц К. Совесть нацистов. М.: Ладомир, 2007: 145].

18 октября 1935 г., вскоре после принятия Нюрнбергских законов, последовала публикация «Закона об охране наследственного здоровья немецкого народа», известного как «Закон о здоровом браке». Являясь важным дополнением к стерилизационному закону, он установил жесткие евгенические ограничения для желающих сочетаться брачными узами. Соответствующей возможности лишались лица, страдавшие от психических расстройств (такой брак рассматривался как «нежелательный для народного сообщества»), или же от заразных заболеваний, угрожавших здоровью партнера и потомства. Регистрация брака запрещалась также в том случае, если одна из сторон «временно находилась под опекой» или была объявлена недееспособной. Если же один из помолвленных страдал от «наследственного заболевания в смысле Закона о предотвращении наследственно больного потомства», то брак должен был оставаться бездетным [Knost 1938: 67].

С началом Второй мировой войны, в связи с тем, что после ее «победоносного» завершения нацисты планировали подвергнуть насильственной стерилизации значительную часть населения оккупированных территорий, исследования по совершенствованию методов ее проведения были интенсифицированы. В частности, нацистскими медиками, такими как В. Брак, широко применялось воздействие на человеческий организм рентгеновского излучения [Klee 1983: 374]. При этом расходный человеческий материал был в изобилии представлен заключенными концентрационных лагерей, в первую очередь Освенцима [Мэнвелл, Френкель 2000: 183-184].

Триумфом практической реализации в нацистской Германии идей негативной евгеники была призвана стать программа избавления от «социального балласта» посредством так называемой «эвтаназии». Еще в 1935 г., выступая на съезде нацистской партии, фюрер заявил о целесообразности физического уничтожения душевнобольных, уточнив, что это станет возможным лишь в условиях войны, которая неизбежно приведет к обесцениванию человеческой жизни [Могхарех-Абед 1997: 632]. Пока же, по мнению нацистских лидеров, следовало заручиться поддержкой общественного мнения в этом вопросе. В частности, средства массовой информации вменялось в обязанность подготовить соотечественников к мысли о необходимости отказаться от государственного финансирования клиник для душевнобольных и инвалидов с тем, чтобы направить высвободившиеся таким образом средства на социальную поддержку представителей полноценных слоев населения [Koonz Op. cit. : 17]. В качестве аргументов, призванных убедить сомневающихся, использовались следующие: в настоящий момент половина нации состоит из посредственных, а другая половина – из высокоценных в расовом отношении немцев. Всего лишь через столетие это соотношение составит 88,9 и 11,1 %, а триста лет спустя доля полноценных соотечественников не будет превышать 0,2 % от общей численности населения [Nowak Op. cit.: 74].

De facto начало реализации программы эвтаназии в Германии было положено весной 1939 г. De jure же соответствующее распоряжение, носившее секретный характер, было подписано Гитлером в октябре того же года (после победоносного завершения Польской кампании), но датировано днем начала Второй мировой войны, что придавало принятому решению дополнительное символическое значение. Согласно этому распоряжению рейхсляйтер Ф. Боулер и личный врач Гитлера К. Брандт получили право наделять соответствующих врачей полномочиями, исходя из «соображений гуманности», эвтаназировать неизлечимо больных пациентов [Паламарчук 2012: 497].

Осуществление программы эвтаназии прошла два этапа. На первом, получившем неофициальное название «газового», поскольку приоритет отдавался уничтожению в газовых камерах, ее курировал Имперский комитет по научному исследованию тяжелых, генетически обусловленных заболеваний, в связи с чем она получила кодовое обозначение «Т-4» (на Тиргартенштрассе 4 располагался указанный комитет). Общее число подвергшихся «дезинфекции» (так нацистские медики, которым предписывалось оперировать расово-биологическими категориями, цинично именовали акции по уничтожению обреченных) составило 71 088 человек [Kogon, Langbein, Ruckel (Eds.). Op. cit.: 3]. Поскольку указанная деятельность Комитета вызвала негативный общественный резонанс, Гитлер 24 августа 1941 г. официально распорядился приостановить осуществление «эвтаназии» [Буллок 1994: 389]. Однако на практике «эвтаназирование» «неполноценных» продолжилось. Специфика второго, «дикого» этапа, унесшего еще не менее 20 тыс. жизней [Петтер 1997: 648], заключалась в том, что ответственность за проведение «дезинфекций» была возложена на отдельные лечебные учреждения, которые отныне должны были самостоятельно принимать соответствующие решения. Именно в это время процедура отбора и умерщвления пациентов превращается в повседневную рутинную практику.

В отличие от ранее рассмотренных мер евгенического характера, программа «эвтаназии» не получила законодательного оформления. Гитлеровский указ от 1 сентября 1939 г. не отвечал требованиям, предъявлявшимся Конституцией Веймарской республики к законам. Он не был соответствующим образом обозначен и опубликован, не был соблюден и принцип контрассигнатуры. Причина этого заключалась в позиции самого фюрера, убежденного в том, что «здоровье немецкой нации важнее буквы закона» [Stolleis 1998: 80].

Ярко выраженный евгенический характер носила и демографическая политика режима. Провозглашая необходимость повышения рождаемости за счет появления на свет расово и генетически безупречного потомства и одновременно расценивая репродуктивный потенциал «арийских» семей как недостаточный для достижения указанной цели, нацисты предприняли попытку выведения нового человека, который бы в полной мере отвечал нордическим расовым критериям. С этой целью был создан курировавшийся СС союз «Лебенсборн» («Источник жизни»), в материнских домах которого полноценным «арийкам» предстояло зачинать внебрачных детей от эсэсовцев, которым распоряжением Гимmlера предписывалось вступать в Союз [РГВА. Ф. 503. Оп. 1. Д. 214. Л. 213–214]. Однако надежды, возлагавшиеся нацистами на «Источник жизни», не оправдались. Число новорожденных, появившихся на свет в домах «Лебенсборна», не превышало восьми тысяч [Evans 2005: 521].

Более того, исследования, проведенные учеными ФРГ в 70-е годы XX века, доказали, что у детей, получивших путевку в жизнь в материнских домах «Лебенсборна», отсутствовали какие бы то ни было признаки, которые давали бы основание видеть в них представителей «сверхчеловечества» [Engelman 1986: 201].

Выводы

Таким образом, в гитлеровской Германии, где расовая теория, которой национал-социалисты официально придавали «терапевтический» характер [Кунц К. Указ. соч.: 138], пронизывала все сферы общественной и государственной жизни, составляя основу нацистской идеологии, по существу, была предпринята реализация масштабного расово-гигиенического проекта, под который, если не считать политики «эвтаназии», была заложена соответствующая юридическая база. При этом, поскольку политическое руководство Третьего рейха определяло национал-социализм как «прикладную биологию» [Smelser 1991: 79], здесь даже расовое законодательство, говоря словами В. Гросса, было поставлено на «биологическую основу» [Proctor R. Op. cit. : 195].

Принудительная стерилизация и физическая ликвидация в рамках программы «эвтаназии» не отвечавших евгеническим стандартам «полноценности» соотечественников и, в массовом порядке, «неарийского» населения, в последнем случае вылившиеся в «окончательное решение» еврейского и цыганского вопросов, истребление славянского населения оккупированных восточных территорий и военнопленных в концентрационных лагерях, были призваны, согласно официальным установкам, сыграть роль интегративного (создание расово однородного «народного сообщества») и извращенно понимаемого экзистенциального фактора, обеспечив Германия, а в более широком плане – нордической расе, мировое доминирование. Поражение рейха во Второй мировой войне поставило на этих планах крест.

Национал-социалистам также не удалось привить большинству соотечественников мышление евгеническими категориями. Сам же процесс «великого делания», который должен был посредством жесткого расового отбора, очищения немецкой нации от «вредных» и «чужеродных» примесей, а также выведения, своего рода, *Homo perfectus*, завершиться превращением немцев в расовый эталон, ожидаемых результатов не дал. При этом сама идея подобного «преобразования» стала еще одной *idée fixe*, но *idée fixe*, замешанной на крови, поскольку нацистская евгеническая политика носила ярко выраженные признаки геноцида.

Бегиев В. Г., Бегиев О. В., Засимова А. А. 2021. *История и логика евгеники*. – Сборники конференций НИЦ Социосфера. – № 24. – С. 31-33.

Бьюкенен П. Дж. 2003. *Смерть Запада*. – М.: ООО «Изд-во Аст». – 444 (4) с.

Гальтон Ф. 1875. *Наследственность таланта, ее законы и последствия*. – СПб.: Издательство журнала «Знание». – 299 с.

Гитлер А. 1992. *Моя борьба*. – М.: ИТФ «Т-Око». – 598 с.

Гобино Ж. А. де. 2000. *Опыт о неравенстве человеческих рас*. – М.: Одиссей; ОЛМА-ПРЕСС. – 765 с.

Гюнтер Г. Ф. К. 2002. *Избранные работы по расологии*. – М.: Белые альвы. – 480 с.

Гюнтер Г. Ф. К. 2011. *Родоведение. Наука о семье*. – М.: Белые альвы. – 336 с.

Иванюшкин А. Я., Лапин Ю. Е., Смирнов В. И. 2013. *Евгеника: от утопии к науке и ... от науки к утопии*. – *Российский педиатрический журнал*. – № 2. – С. 55-59.

Канаев И. И. 1972. *Фрэнсис Гальтон (1822 – 1911)*. – Л.: Наука. – 140 с.

Кунц К. 2007. *Совесть нацистов*. – М.: Ладомир. – 400 с.

Курбачева О. В. 2021. *Идеология расизма: сущность, становление и трансформация в современных условиях*. – *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. – № 1. – С. 31-38.

Лиштанберже А. 1997. *Вагнер как поэт и философ*. – М.: Алгоритм. – 479 с.

- Могхарех-Абед Х. 1997. *Расовая гигиена, или евгеника* // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – М.: «Весь Мир». – С. 631-644.
- Мэнвелл Р., Френкель Г. 2000. *Знаменосец «Черного ордена». Гиммлер*. – М.: Центрполиграф. – 426 (2) с.
- Нордау М. 1894. *Вырождение*. – Киев; Харьков: Ф. А. Иогансон. – 451 с.
- Петтер В. 1997. *Национал-социалистическая этаназия: истоки и пределы* // В кн.: Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. – М.: «Весь Мир». – С. 645-655.
- Паламарчук Е. А. 2003. *Нацизм: три лика геноцида*. – Ростов-на-Дону: ИУБиП. – 168 с.
- Паламарчук Е. А. 2012. *Социальная политика Третьего рейха и ее законодательная основа (историко-правовое исследование)*. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. – 649 с.
- РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 343. Л. 44.
- РГВА. Ф. 500. Оп. 1. Д. 343. Л. 125.
- РГВА. Ф. 503. Оп. 1. Д. 214. Л. 213-214.
- Тагиефф П.-А. 2009. *Цвет и кровь. Французские теории расизма*. – М.: Ладомир. – 238 с.
- Тэйлор Дж. 2014. *Белое самосознание. Расовая идентичность в XXI веке*. – М.: Икс-Хистори; Кучково поле. – 496 с.
- Флоринский В. М. 1926. *Усовершенствование и вырождение человеческого рода*. – Вологда: Северный печатник. – XIX. – 165 с.
- Чемберлен Х. С. 2012. *Основания девятнадцатого столетия: В 2 т.* – Т. I. – СПб.: Русский Миръ. – 688 с.
- Ширер У. 2003. *Взлет и падение Третьего рейха*. – М.: Изд-во Эксмо. – 928 с.
- Burleigh M., Wippermann W. 1991. *The Racial State: Germany: 1933 – 1945*. – Cambridge; New York: Cambridge University Press. – 386 p.
- Engelmann B. 1986. *In Hitler's Germany. Everyday life in the Third Reich*. – New York: Pantheon. – 335 p.
- Evans R. J. 2004. *The Coming of the Third Reich*. – New York: The Penguin Press. – 622 p.
- Evans R. J. 2005. *The Third Reich in Power. 1933 – 1939*. – Lnd.: Allen Lane. – 941 p.
- Gellately R. 1992. Situating the «SS-State» in a Social Historical Context: Recent Histories of the SS, the Police and the Courts in the Third Reich. – *Journal of Modern History*. – Vol. 64. – № 6. – P. 338-365.
- Gesetz zum Schutz des deutschen Blutes und der deutschen Ehre*. Vom 15. September 1935 // Reichsgesetzblatt. 1935. Teil I. S. 1146-1147.
- Gesetz zur Verhütung erbranken Nachwuchses*. Vom 14. Juli 1933 // Reichsgesetzblatt. 1933. I. – S. 529-531.
- Klee E. 1983. «Euthanasie» in NS-Staat. *Die lebensunwerten Lebens*. – Frankfurt a. Main: S. Fischer. – 502 s.
- Knost R. F. 1938. Familienrecht im Umbruch. – *Famiie, Sippe, Volk*. – 20 April 1938. – Jg. 4. – № 3. – S. 66-70.
- Kogon K., Langbein H., Ruckel A. (Eds.). 1993. *Nazi Mass Murder. A Documentary History of the Use of Poison Gas*. – New Haven; Lnd.: Yale University Press. – 289 p.
- Koonz C. 1992. Ethical Dilemmas and Nazi Eugenics: Single-Issue Dissent in Religious Contexts. – *Journal of Modern History*. – June 1992. – Vol. 64. – Supplement. – P. 8-31.
- Muller-Hill B. 1994. *Human Genetics in Nazi Germany* // In: Michalczyk J. J. (Ed.). – *Medicine, Ethics and the Third Reich: Historical and Contemporary Issues*. – Kansas City: Sheed and Ward. – P. 27-34.

Nowak K. 1977. *«Euthanasie» und sterilisierung im «Dritten Reich». Die Konfrontation der evangelischen und katholischen Kirche mit dem Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses und der «Euthanasie»-Aktion.* – Halle (Saale): Vandenhoeck und Ruprecht. – 221 s.

Peukert D. J. K. 1987. *Inside Nazi Germany: Conformity, opposition and racism in everyday life.* – New Haven; Lnd.: Yale university press. – 288 p.

Proctor R. 1988. *Racial hygiene: Medicine under the Nazis.* – Cambridge (Mass.); Lnd.: Harvard University press. – VIII. – 414 p.

Reichsbürgergesetz. 1935. – Vom 15. September 1935 // Reichsgesetzblatt. – Teil I. – S. 1146.

Schneider W. 1982. Towards The Improvement Of The Human Race: The History Of Eugenics In France. – *Journal of Modern History.* – Vol. 54. – P. 268-291.

Smelser R. 1991. *von. Die Sozialplanung der deutschen Arbeitsfront* // En: Prinz M., Zitelmann R. (Hrsg.). – Nationalsozialismus und Modernisierung. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. – S. 71-92.

Stolleis M. 1998. *The Law under the Swastika. Studies on Legal History in Nazi Germany.* – Chicago: University of Chicago Press. – XVI. – 263 p.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ 4-П В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.А. Семина
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: В статье рассматривается роль и место концепции 4-П в современной системе здравоохранения Российской Федерации. Выявлены и проанализированы основные проблемы и перспективы имплементации данной концепции в российскую систему здравоохранения. Анализируются нормативно-правовые аспекты интеграции концепции 4-П в российскую модель общественного здравоохранения. Обозначена роль государства как основного выгодоприобретателя в этом процессе. Выделенные проблемы и перспективы реализации концепции получили осмысление в рамках проведенного автором эмпирического исследования.

Ключевые слова: государственная политика, общественное здравоохранение, концепция 4-П, национальный проект.

Введение

В 2018 г. министр здравоохранения РФ, В.И. Скворцова, в рамках открытия форума «Удивительное в российском здравоохранении» заявила о том, что российская система здравоохранения вступила в эру медицины 4-П. Таким образом, спустя некоторое время после предложения данной концепции медицины будущего учёным Лероем Худом¹. Данная модель здравоохранения подразумевает не лечение уже имеющихся заболеваний, а сохранение здоровья и профилактика развития патологий.

Модель четырёх «П», по словам министра здравоохранения, начала применяться в системе здравоохранения РФ. Относительно молодая концепция стала конструирующим элементом новой модели здравоохранения РФ, основой которой стала ориентация на предотвращение заболеваний через определение вероятности их возникновения.

В декабре того же 2018 г. был опубликован паспорт Национального проекта «Здравоохранение» 2019–2024 гг.² в котором получили закрепление основные цели системы здравоохранения.

¹ Leroy E. Hood P4 Medicine: Personalized, Predictive, Preventive, Participatory A Change of View that Changes Everything.

² Официальный сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс] <http://government.ru/info/35561/> (дата обращения: 10.06.2023).

охранения РФ, ориентированные на сохранение здоровья трудоспособного населения или ориентированы на детей, то есть на подрастающее поколение.

Степень научной разработанности. Среди авторов, изучавших концепцию 4-П в системе здравоохранения РФ, можно выделить М.А. Пальцев, Н.Н. Белушкина, Е.А. Чабан [Пальцев, Белушкина, Чабан 2015], И.И. Дедов [Дедов 2019: 62] и С.В. Шлегель [Шлегель 2023: 20]. В их работах новая модель здравоохранения России и процесса внедрения принципов концепции 4-П анализируется в основном с медицинской стороны этого вопроса.

В данном исследовании изучалась концепция 4-П в системе российского здравоохранения со стороны государства и был поставлен вопрос: как государство реализует концепцию 4-П в системе здравоохранения РФ и какие проблемы и перспективы у этой модели есть?

Методологические основания исследования. В ходе проведенного исследования использовались структурно-функциональный и системный подходы. Также было разработано авторское эмпирическое социологическое исследование. При его проведении объём выборки составил 137 человек, из которых 88 врачей и 49 студентов медицинских ВУЗов, тип выборки – случайная, многоступенчатая. Регионы, где проводилось исследование были выбраны случайным образом, кроме г. Москвы, данный город является городом федерального значения и был важен для опроса, так как одна из гипотез исследования была с ним связана. Для опроса были выбраны типичные медицинские учреждения и университеты.

Источниковая база исследования. При подготовке статьи использовались материалы публикаций российских исследователей концепции 4-П в медицине и результаты авторского эмпирического исследования, также источниками исследования были нормативно-правовые документы, регулирующие здравоохранение РФ.

Роль государства в реализации концепции 4-П в системе здравоохранения РФ.

Для каждого государства уровень развития здравоохранения и общее состояние здоровья населения является одним из ключевых индикаторов качества жизни. Показатели здоровья населения напрямую определяют состояние человеческого капитала, который необходим государству для сохранения своей конкурентоспособности и экономического роста. «В процессе всей жизнедеятельности человека происходит износ фактора здоровья, то есть он подвержен амортизации, что отличает здоровье от других составляющих человеческого капитала, часть из которых с течением времени только увеличивает свою стоимость (производственный опыт)» [Хоконов 2015: 77]. При этом для государственного бюджета лечение пациентов сопряжено с большой финансовой нагрузкой, поэтому государству экономически выгоднее (при игнорировании аспектов реализации функций социального государства) предотвратить развитие заболеваний, чем оплачивать лечение граждан.

Политика здравоохранения входит в социально-экономическую политику государства. Здоровое трудоспособное население обеспечивает демографический баланс и стабильную работу экономики страны. В условиях сложившейся демографической обстановки в Российской Федерации, необходимо реализовать не только мероприятия направленные на повышение рождаемости, но и на сохранение здоровья населения для увеличения ожидаемой продолжительности жизни особенно с учётом увеличения пенсионного возраста в стране. Для создания условий по решению ряда демографических проблем страны реализуется Национальный проект «Демография», который направлен на увеличение ожидаемой продолжительности жизни и мотивации граждан на ведение здорового образа жизни.

Концепция 4-П центральной идеей которой является предотвращение развития заболеваний, подходит как теоретическая основа трансформации системы здравоохранения РФ в качественно новую конструкцию, базирующуюся на четырех основных принципах:

- превентивность, под которой понимается профилактика возникновения заболеваний;
- предикция предполагает выявление предрасположенностей к заболеваниям;

- персонализированность подразумевает индивидуальный подход к каждому пациенту;
- партнёрство предполагает мотивированное участие пациента в профилактике и лечении заболеваний [Пальцев, Белушкина, Чабан 2015: 48].

Реформирование системы здравоохранения РФ в соответствии с концепцией 4-П – инициатива министерства здравоохранения Российской Федерации, то есть роль государства в создании новой системы здравоохранения является конституирующей.

Для реализации каждого принципа государству в современных условиях необходимо принять пакеты мер. Во-первых, нужно наладить работу не только внутри системы здравоохранения и медицинскими работниками, но и с населением в целом. Важно помнить, что в соответствии с принципом партисипативности каждый гражданин страны должен ответственно подходить к своему здоровью и быть заинтересованным в профилактике заболеваний. Для этого необходимо работать с установками в области здоровья всего населения страны. Сегодня важно вести информационную кампанию среди населения всей страны, распространять материалы о базовых правилах ведения здорового образа жизни и минимально необходимых знаний в области охраны собственного здоровья для того, чтобы граждане могли вовремя обращаться за помощью к специалистам или регулярно проходили профилактические осмотры. Данные официальной статистики показывают, что сегодня многие граждане обращаются за помощью в медицинские организации только после манифестации болезней.

Особое внимание в паспорте Национального проекта «Здравоохранение 2019-2024» уделено заболеваниям, находящимся в первых строчках причин смертности трудоспособного населения страны – сердечно-сосудистым и онкологическим заболеваниям. В документе обозначены цели на снижение смертности трудоспособного населения и от заболеваний системы кровообращения, новообразований (в том числе злокачественных), также присутствуют цели ориентированные на улучшение качества медицинских услуг, в частности через работу с укомплектованностью медицинских учреждений персоналом. Однако с точки зрения концепции 4-П наиболее важным является – обеспечение охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами.

В июне 2019 года вышел Указ президента РФ «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года»³, в данном документе были закреплены в виде задач обозначенные принципы, в том числе была закреплена принцип превентивности. Сегодня в России проводится ежегодная диспансеризация для населения от 40 лет и один раз в три года для категории населения в возрасте с 18 лет до 39 лет⁴, также отдельные категории, нуждающиеся в медицинском контроле заболеваний, населения проходят диспансеризацию ежегодно независимо от возраста.

В документе также получили закрепление меры способствующие реализации принципа предикции – разработка и внедрение современных молекулярно-генетических методов прогнозирования, диагностики и мониторинга течения заболеваний; новых методов регенеративной медицины, в том числе с применением биомедицинских клеточных продуктов; методов персонализированной фармакотерапии, включая технологии генетического редактирования и таргетную терапию; разработка киберпротезов и человеко-машинных интерфейсов.

В то же время в документе недостаточно внимания уделено реализации принципа партисипативности – формированию мотивированного участия пациента в лечении и в профилактике заболеваний, ориентации граждан на ведение здорового образа жизни.

³ Указ президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года».

⁴ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 27 апреля 2021 г. №404н «Об утверждении Порядка проведения профилактического медицинского осмотра и диспансеризации определенных групп взрослого населения».

Таким образом, можно сделать вывод, что на современном этапе система здравоохранения РФ находится в стадии трансформации и интеграции концепции 4-П в действующую организационную модель. В вышеупомянутых документах определены траектории развития системы здравоохранения РФ в части повышения роли охранительной функции, для достижения обозначенных целевых ориентиров в соответствии с концепцией 4-П.

Проблемы и перспективы реализации концепции 4-П.

Любая трансформация системы предполагает наличие проблем и перспектив её реализации. Если говорить о проблемах реализации концепции 4-П, то можно выделить следующие:

1. неготовность системы здравоохранения к переходу на охранительный режим. Данное обстоятельство вызвано в первую очередь отсутствием мотивированного участия россиян в сохранении своего здоровья, недостаточностью знаний среди населения страны о необходимых мерах по охране собственного здоровья;
2. процесс внедрения данной концепции в систему здравоохранения РФ требует серьезных затрат со стороны государства, например на создание программ обучения для сотрудников учреждений здравоохранения (дополнительные курсы по психологии или обучению навыкам коммуникации, чтобы работники сферы здравоохранения могли находить персонализированный подход к пациентам);
3. необходимо постоянно включать в программы диспансеризации новые методы исследования, необходимые для выявления предрасположенностей к различным заболеваниям, например новые анализы. Так сейчас существуют геномные исследования для выстраивания эффективных персонифицированных программ по сохранению здоровья, но они не входят в список анализов, доступных по системе обязательного медицинского страхования (ОМС).

Если говорить о перспективах, то здесь можно выделить следующее: во-первых, внедрение концепции 4-П в систему здравоохранения приведёт к ранней диагностике заболеваний, которые чаще всего являются причинами смерти трудоспособного населения. Диагностика заболеваний на ранних стадиях развития увеличивает шансы на выздоровление или остановку прогрессирования, что позволит сохранить человеку комфортный образ жизни. Во-вторых, концепция 4-П позволит увеличить ожидаемую продолжительность жизни населения страны, так как будут внедрены превентивные и предиктивные меры для сохранения здоровья населения, что повлечёт за собой улучшение показателей качества человеческого капитала. В-третьих, концепция 4-П повлечёт за собой обновление и внедрение новых технологий и будет требовать постоянного развития науки, это улучшит качество медицинских услуг в России. Успешное внедрение данного принципа в действующую систему общественного здравоохранения станет ее драйвером, повысит имидж страны в сфере медицины, делая привлекательным лечение в России для иностранных граждан, что увеличит экспорт медицинских услуг, который согласно нацпроекту «Здравоохранение», необходимо наращивать. В-четвертых, развитие здравоохранения приведёт к повышению индекса здравоохранения России⁵. На данный момент он составляет 60,00, что позволяет стране занять более высокое место в рейтинге стран.

Таким образом, внедрение концепции 4-П в систему здравоохранения РФ вызывает определённые трудности, в первую очередь, связанные с финансовыми затратами государства и сложностями перестройки системы. Однако внедрение этой концепции в медицинскую практику станет большим шагом в развитии социально-экономической политики страны.

⁵ Данные Numbeo [Электронный ресурс]. – Доступно: https://www.numbeo.com/health-care/rankings_by_country.jsp. – Проверено: 14.12.2024.

Результаты опроса, проведённого в рамках исследования «Проблемы и перспективы реализации концепции 4-П в системе здравоохранения РФ».

Для изучения проблем и перспектив реализации концепции 4-П в системе здравоохранения было реализовано социологическое исследование, в результате которого были опрошены работники учреждений здравоохранения России (88 врачей) и студенты медицинских ВУЗов (49 человек). Всего число участников анкетирования составило 137 человек из шести регионов: Магаданская область (17), г. Москва (53), Новосибирская область (15), Республика Татарстан (15), Ставропольский край (23), Ярославская область (14). Вопросы, использованные в опросе, охватывали все четыре принципа концепции. Опрос проводился в период с мая 2023 года по июль 2023 года. Ответы на вопросы должны были отразить мнение специалистов в области здравоохранения в отношении следующих гипотез:

1. регионы значительно отстают в интеграции принципов концепции 4-П в системы здравоохранения от Москвы;
2. государство сегодня не заинтересовано в развитии концепции 4П в проекции на всё взрослое население страны, так как это большая нагрузка на бюджет.

Также данное исследование отвечает на вопрос: почему выявление предрасположенностей к заболеваниям в рамках современной системы здравоохранения невозможно?

Опрос был разделён на две части: первая часть вопросов выявила общее мнение о состоянии профилактической медицины в России вопросы №1, 2, 3, 5. Вторая часть включала вопросы связанные с возможными причинами сложившегося состояния и определения будущего концепции 4-П в системе здравоохранения РФ.

По мнению большинства опрошенных, в России низкая развитость всех видов профилактики – 52,9 %. Часть опрошенных 20,6 % считает, что в России развиты все три вида профилактики: первичная, вторичная и третичная⁶. Другая часть опрошенных считает, что в России развиты только вторичная и третичная профилактики – 14,7 %, и 11,8 % респондентов ответили, что в России распространена только третичная профилактика (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос № 1 «Как Вы оцениваете состояние профилактической медицины в Российской Федерации?»

На вопрос о том, какие меры выявления предрасположенности к заболеваниям используются в рамках российской системы здравоохранения большинство опрошенных отметило использование устных опросов и специализированных медицинских тестов и анализов – 44,1%. Другая часть опрошенных разделилась во мнениях, одна часть считает, что использу-

⁶ Первичная – профилактика факторов риска среди здорового населения, вторичная – профилактика развития заболеваний при наличии факторов риска, третичная – профилактика прогрессирования заболеваний во избежание инвалидности и преждевременной смерти.

ется только устный опрос пациента – 23,5 %, а вторая утверждает о применении только специализированных тестов и анализов – 20,6 %. Малая доля опрошенных считает, что никакие меры по выявлению предрасположенности к заболеваниям не предпринимаются – 8,8 % (см. рис 2).

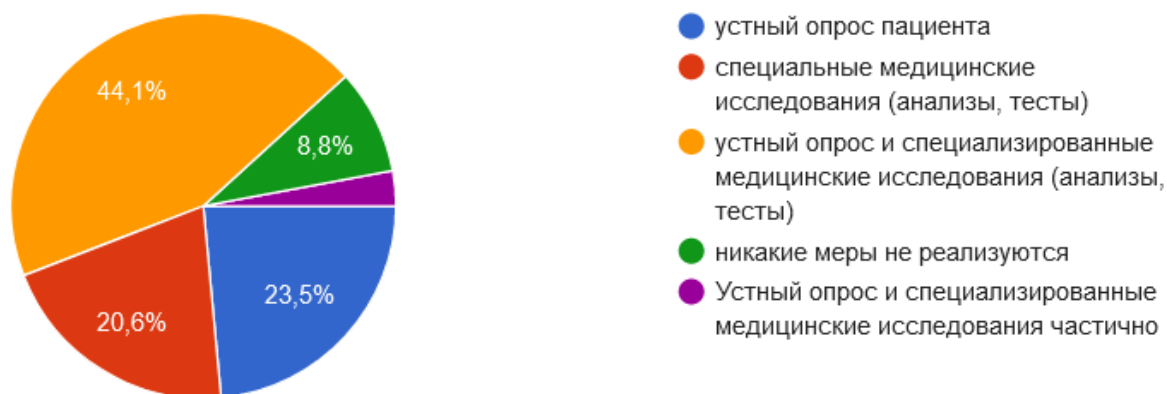

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос № 2 «Какие меры выявления предрасположенности к заболеваниям реализуются в современной системе здравоохранения РФ, которые доступны по ОМС?»

Также респондентам было предложено оценить по шкале от 1 до 7 эффективность системы здравоохранения РФ в области предикции, после чего было подсчитано среднее значение, которое составило 3,47. При оценке эффективности превентивности по шкале от 1 до 7 среднее значение составило 3,56. Таким образом средние значения предикции и превентивности имеют небольшую разницу, которая составляет 0,09.

По мнению большинства респондентов, единственной мерой по профилактике заболеваний, реализуемой на данный момент в системе здравоохранения РФ является диспансеризация – 64,7 %. Другие отмечают о том, что действуют диспансеризация и персонализированные меры – 20,6 %. Малая доля опрошенных отмечает то, что для профилактики заболеваний предусмотрены исключительно персонализированные меры – 5,9 %. Также часть опрошенных считает, что нынешняя система здравоохранения РФ не предполагает никаких мер профилактики – 8,8 % (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос №6 «Какие меры государство осуществляет в области профилактики и выявления предрасположенностей к заболеваниям?»

Вопрос, касающийся эффективности диспансеризации как охранительной меры в системе здравоохранения, показал, что среди опрошенных нет единого мнения. 47,1 % считают, что диспансеризация эффективна в профилактике заболеваний, 29,4 % отмечают, что диспансеризация эффективна в области предикции и профилактики заболеваний. 17,6 % говорят о том, что диспансеризация неэффективна как охранительная мера ни в области предикции ни в профилактике заболеваний. Так как это был полузакрытый вопрос, то некоторые респонденты воспользовались возможностью дать свой собственный ответ на вопрос.

По результатам анализа ответов на второй блок вопросов, связанных с выявлением проблем неполной реализации концепции 4-П в системе здравоохранения РФ и её перспектив можно сказать следующее:

1. основными проблемами реализации концепции 4-П является отсутствие финансирования и инфраструктуры на местах, неготовность пациентов, которые только в крайнем случае обращаются за помощью и кадровые проблемы в области здравоохранения РФ (см. рис. 4).

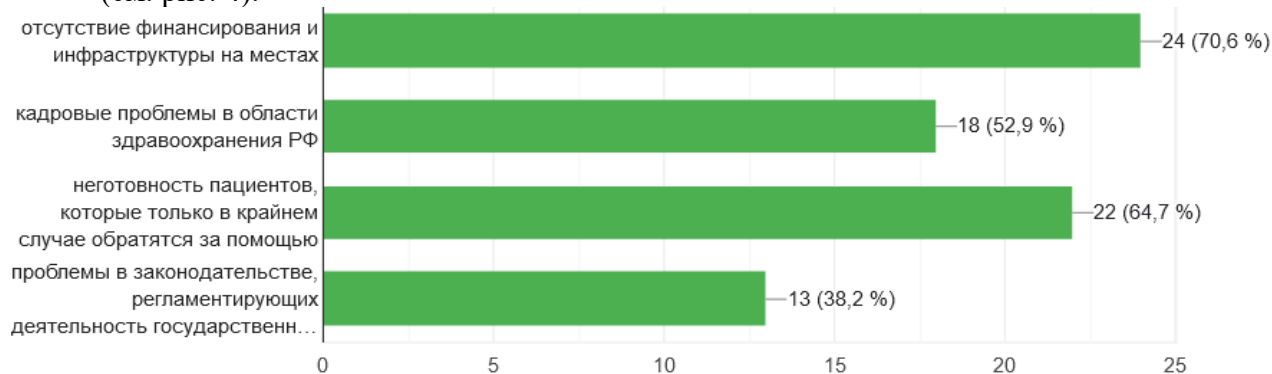

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «К основным проблемам реализации концепции 4-П можно отнести»

2. что касается перспектив внедрения принципов концепции 4-П в систему здравоохранения России специалисты склоняются к мнению, что концепция 4-П будет внедрена в систему здравоохранения частично, для отдельных категорий граждан – 55,9 %; 32,4 % респондентов считают что концепция в ближайшее время будет внедрена полностью в систему здравоохранения РФ, об отсутствии перспектив внедрения концепции говорят 11,8 % опрошенных (см. рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос № 10 «Какое будущее ждёт концепцию 4-П в системе здравоохранения РФ?»

Также в качестве основных направлений развития концепции 4-П респонденты выделяют: внедрение новых технологий для выявления предрасположенностей пациента к различным заболеваниям – 35,3 %, совершенствование профилактических мер – 26,5 %, популяризация здорового образа жизни среди населения страны – 23,5 %, введение персонального мониторинга здоровья населения – 11,8 % (см. рис. 6).

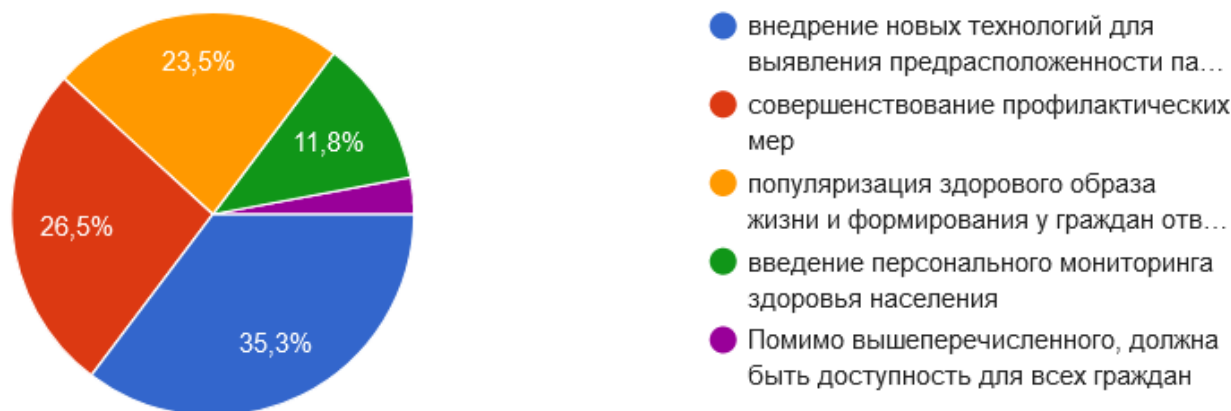

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос № 7 «Какие перспективы есть у концепции 4-П в системе здравоохранения РФ?»

Так как это был полузакрытый вопрос, то некоторые респонденты воспользовались возможностью дать свой собственный ответ на вопрос, в своих ответах они отмечают необходимость обеспечить доступность применяемых мер в проекции на всё население страны, чтобы каждый гражданин мог вовремя получить превентивную и предикционную помощь.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Гипотеза о том, что государством, на современном этапе, не реализуется все возможные меры направленные на развитие концепции 4П в проекции на всё взрослое население страны верна. Основными проблемами, мешающими в полной реализации концепции 4-П являются недостаточное финансирование и отсутствие соответствующей инфраструктуры. Для того, чтобы концепция 4-П стала прочной основой российской системы здравоохранения РФ необходимо создавать новые меры по охране здоровья, направленные не только на привычную профилактику в виде диспансеризации, но и для выявления предрасположенностей и вероятности возникновения тех или иных заболеваний, в первую очередь сердечно-сосудистых и онкологических.

Гипотеза о том, что регионы отстают в развитии концепции 4-П не подтвердилась, так как низкий уровень внедрения концепции в современную систему здравоохранения РФ распространён по всей стране (см. рис. 1). На основе ответов респондентов была определена степень корреляции ответов на вопрос №1 и вопроса №3 – 0,0146. Подобный результат говорит об очень слабой корреляции и отсутствии взаимозависимости между развитостью профилактики и регионом респондента. Таким образом, на данный момент респондентами отмечается низкая эффективность деятельности системы здравоохранения в области предикции и превентивности, что свидетельствует о том, что система здравоохранения РФ действует в русле устаревшей парадигмы, в основе которой идея диагностики и лечения заболеваний только при появлении симптоматики.

Заключение

В результате внедрения концепции 4-П в систему общественного здравоохранения России можно получить три эффекта:

1. социальный, который будет направлен на сбережение населения и улучшение его показателей здоровья, что приведёт к продлению трудоспособной жизни населения, снижению инвалидизации населения, что приведёт к улучшению показателей качества жизни населения. «Это в первую очередь касается субъективно оценочных составляющих качества жизни – когнитивных (степень удовлетворенности жизнью) и эмоционально-аффективных (уровень счастья) показателей» [Белоконев, Хоконов, Филоненко 2023: 57].
2. экономический эффект заключается в том, что за счет более длительного использования человеческого капитала государство повышает уровень благосостояния и обеспечивает экономический рост. При этом снизится нагрузка на бюджет, так как профилактические меры стоят дешевле, чем лечение заболеваний на последних стадиях болезни.
3. репутационный (политический) – результат признания государства в качестве эффективного (легитимация) в глазах собственного населения и международного сообщества за счёт повышения своего места в международных рейтингах (например индекс человеческого развития). В том числе, это приведёт к повышению как имиджа здравоохранения России, так и имиджа самого государства в целом. Это обусловлено тем, что показатели качества здравоохранения страны напрямую отражают её благополучие.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сказать, что современную систему здравоохранения России нельзя охарактеризовать как в полной мере соответствующую концепции четырёх «П». В то же время, очевидно, что ряд мер для её интеграции в национальную систему общественного здравоохранения уже сегодня реализуется. К ключевым проблемам перехода к новой охранительной системе здравоохранения можно отнести недостаточное финансирование, нехватку квалифицированных кадров, а самое главное недостаточно ответственное поведение граждан страны к своему здоровью.

Белоконев С.Ю., Хоконов А.А., Филоненко М.А. 2023. Социальное государство: генезис, эволюция содержания, индикаторы. – *Социально-политические науки*. – Т. 13. – № 6. – С. 53–60.

Дедов И.И. 2019. Персонализированная медицина. – *Вестник РАМН*. – № 1. – С. 61–70.

Журавлева М.В., Мудунов А.М., Улумбекова Г.Э. 2021. *Вектор на персонализированную медицину: от внедрения в практику до ожидаемых результатов*.

ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. – *Вестник ВШОУЗ*. – № 4. – С. 51–62.

Ковтюх Г.С., Хрептус Е.С. 2017. Роль государства в развитии отраслей социальной сферы (на примере здравоохранения). – *Лечебное дело*. – № 1. – С. 78–83.

Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. 2021. Государственная политика в сфере здравоохранения и механизмы её реализации. – *Ученые записки Тамбовского отделения РосМУ*. – № 22. – С. 158–167.

Пальцев М.А., Белушкина Н.Н., Чабан Е.А. 2015. 4П-медицина как новая модель здравоохранения в Российской Федерации. – ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. – *Вестник ВШОУЗ*. – № 2. – С. 48–53.

Петров В.А. 2020. Реформы системы здравоохранения в контексте социальной политики. – *Экономика и социум*. – № 11. – С. 1123–1133.

Самутин К.А. 2012. Здоровье населения как составной элемент экономической политики государства. – *Российское предпринимательство*. – № 11. – С. 131–136.

Хоконов А.А. 2015. К вопросу о значении фактора человеческого капитала в инновационном развитии страны. – *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. – № 1. – С. 76–80.

Шлегель С.В. 2023. Превентивная медицина на современном этапе развития здравоохранения. – *Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации*. – № 1. – С. 20 – 21.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Л.Г. Берлявский
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)

Аннотация: Избирательная система представляет собой важнейший институт конституционного права любого государства. При этом под избирательной системой в широком смысле понимается совокупность общественных отношений (как урегулированных, так и не урегулированных нормами права), возникающих в процессе формирования органов государственной власти и местного самоуправления посредством выборов. Избирательная система в узком смысле – это способ распределения мандатов между кандидатами (списками кандидатов). В зависимости от того, какая избирательная система используется, результаты выборов при одних и тех же результатах голосования могут быть совершенно различными. Поэтому политические силы в зарубежных странах, реально взвесив свои возможности в рамках каждого вида избирательных систем, отстаивают наиболее выгодный им вариант формирования органа государственной власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: избирательные системы, зарубежные страны, сравнительный анализ, органы государственной власти, местное самоуправление.

Введение

Избирательная система есть сложная конституционно-правовая конструкция, представленная совокупностью целостных, логически оформленных, относительно самостоятельных, но вместе с тем взаимосвязанных и взаимообусловленных подсистем, обеспечивающих, во-первых, реализацию избирательных прав граждан; во-вторых, организацию, проведение и подведение итогов выборов в органы государственной власти и местного самоуправления; в-третьих, легитимную трансформацию политической власти в государственную. Избирательная система, обладая свойствами стабильности, универсальности, нормативности, воздействует на состояние политической практики и, в свою очередь, подвергается ее влиянию [Елистратова 2008: 11–12].

Западные исследователи под избирательной системой понимают совокупность правил голосования на выборах в представительные органы и распределения мандатов депутатов. Избирательная система предопределяет состав парламента (ассамблеи, совета и т. д.). При этом избирательная система является более узким понятием, чем избирательное регулирова-

ние (electoral regulations), под которым понимается расширенный набор правил, устанавливающих порядок выборов, в частности, выдвижение кандидатов, право голоса, справедливость системы администрирования выборами, прозрачность при подсчете голосов. Все они представляют особую значимость и определяют законность выборов [Gallagher, Mitchel 2005: 3].

Современные подходы к классификации избирательных систем

Отечественными авторами предложена следующая классификация избирательных систем, которая основана на трех параметрах (переменных): голосование за конкретного кандидата или партию; число мандатов в избирательном округе (один или много); способ голосования (категорическое, одобрительное, кумулятивное, преференциальное)¹. В соответствии со значениями этих переменных выделяются следующие 8 классов избирательных систем:

- мажоритарная;
- мажоритарно-преференциальная;
- единственного непередаваемого голоса;
- блоковая (мажоритарная в многомандатных округах с несколькими голосами у избирателя);
- кумулятивный вотум;
- единственного передаваемого голоса;
- закрытых партийных списков;
- смешанная (голосование одновременно за кандидатов и за партию).

В свою очередь некоторые из этих классов следует разделить на подклассы с учетом значения других переменных. Так, мажоритарную избирательную систему целесообразно разделять на мажоритарную систему относительного большинства и мажоритарную систему с перебаллотировкой. Блоковая избирательная система делится на системы неограниченного (число голосов у избирателя равно числу мандатов в округе) и ограниченного (число голосов у избирателя меньше числа мандатов в округе) вотума. Для смешанных систем предложено 4 подкласса:

- открытых партийных списков;
- «персонализированная» смешанная (связанная смешанная);
- «панаширование»;
- «добавочных представителей» (реализована недавно в Румынии).

Из этих 13 классов и подклассов авторы проекта Избирательного кодекса не считают возможным использовать на российских выборах только 3: систему кумулятивного вотума (из-за плохой предсказуемости ее результатов), «панаширование» и систему «добавочных представителей» (из-за убеждения, подкрепленного одним из решений Конституционного Суда РФ, что голоса, поданные за конкретного кандидата, не могут автоматически засчитываться в качестве голосов, поданных за выдвинувшую кандидата партию). При этом так называемая «смешанная несвязанная» система не выделена в отдельный тип избирательной системы, поскольку юридически компоненты такой системы описываются отдельно [Избирательный кодекс Российской Федерации..., под ред. Любарев 2011: 47–48].

Авторы “Electoral System Design. The New International IDEA Handbook” придерживаются понятия «семьи избирательных систем» (мажоритарная, пропорционального представительства, мажоритарно-пропорциональная), которые, в свою очередь делятся на «подсемьи» или модификации. К мажоритарной семье отнесены мажоритарная система относительного

¹ Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России. История, современное состояние, перспективы // www.vibori.ru/Publikat/PES/soderzh.htm (дата обращения: 17.10.2024).

большинства (в англоязычной терминологии – FPTP), система голосования в два тура (TRS), система альтернативного голосования (AV), система блокового голосования (BV), система партийного блокового голосования (PBV). К мажоритарно-пропорциональной семье отнесены система параллельного голосования и смешанная избирательная система (MMP). В семью пропорционального представительства входят списочная пропорциональная система (List PR) и система единого передаваемого голоса (STV). К иным системам, не входящим ни в одну из семей, относят систему единого непередаваемого голоса (SNTV), систему ограниченного голосования (LV), преференциальную систему в одно- и многомандатных округах (BC) [Reynolds, Reilly, Ellis 2005: 27–29].

Мажоритарная избирательная система и её разновидности

Исторически первой в зарубежных странах сложилась мажоритарная избирательная система, в основе которой лежит принцип большинства при определении результатов голосования. Она является самой многочисленной, приоритетной как в историческом плане, так и по представительству в современном спектре избирательных систем. На сегодняшний день применяется примерно в 90 странах мира². Помимо США, Великобритании, Канады и Индии, данная система применяется в государствах Карибского сообщества, Тихого океана, бывших британских колониях в Азии (Пакистан, Бангладеш, Непал, Малайзия), 18 африканских странах.

Данная система может использоваться при выборах коллегиальных и единоличных органов, допускает разные модификации избирательных округов, соперничество кандидатов и партийных списков.

Мажоритарная система предполагает, что для избрания кандидат должен получить большинство голосов избирателей. Она может применяться в одномандатных округах, тогда каждая партия выставляет только одного кандидата, и избиратель голосует за кандидата той или иной партии. Если система большинства применяется в многомандатных округах, партия обычно выставляет сразу целый список своих кандидатов, и избиратель голосует не за отдельных кандидатов, а за партийный список в целом [Конституционное право зарубежных стран 2005: 204].

По мажоритарной системе формируются законодательные органы в США, Франции, Англии и других странах. Несомненные достоинства мажоритарной системы во многом обусловлены ее типологическими признаками: она достаточно проста, менее затратна (за исключением абсолютной системы), максимально персонифицирована (избиратель всегда знает, за какого кандидата голосует), территориально районирована (выборы проходят по избирательным округам). К тому же считается, что эта система более универсальна, так как дает возможность учитывать и партийные интересы (избирательные объединения могут выдвигать своих кандидатов по всем избирательным округам), и интересы избирателей, не входящих в общественные организации. Обычно в тех странах, где она применяется, победитель выигрывает с явным перевесом (наиболее яркими примерами являются Великобритания и США). Вместе с тем, сильные региональные партии могут осложнить исход выборов, что демонстрируют выборы в Индии.

Существенным недостатком мажоритарной системы является то, что значительная часть избирателей страны может оказаться не представленной в органах власти, чем нарушаются как основные принципы избирательного права, так и демократии. Часть мелких и даже средних партий часто остается без парламентского представительства, хотя в совокупности они могут вести за собой очень значительную, а то и большую часть населения. Другим немаловажным

² Эллис Э. Избирательные системы в международном аспекте // www.kontinent.org/article_rus (дата обращения: 17.10.2024).

недостатком рассматриваемой системы является то, что возникают диспропорции между числом полученных партиями мандатов и количеством проголосовавших за них избирателей. Подобные ситуации неоднократно имели место на выборах в Национальное собрание Франции. Так, по итогам первого тура выборов 1958 г. Французская коммунистическая партия в целом по стране получила 19 % голосов и 10 мандатов, а сторонники президента – Союз за новую республику – 20 % голосов и 198 мандатов [Берлявский 2013: 87].

В зависимости от минимального количества голосов избирателей, необходимого для избрания кандидата, выделяют следующие разновидности мажоритарной системы: абсолютного большинства, относительного большинства, квалифицированного большинства.

Самой распространенной за рубежом является мажоритарная система относительного большинства (английская модель), при которой побеждает тот кандидат, который получил больше голосов, чем любой из его соперников в отдельности. В этих условиях если выдвинут только один кандидат, то голосование может не проводиться, поскольку достаточно будет того, что кандидат проголосует сам за себя [Сравнительное избирательное право, под ред. Маклакова 2003: 133]. В истории такие примеры были в конце XVIII – первой трети XIX в. в Англии. Эту систему еще полвека назад некоторые ученые считали порождением английского консерватизма и самобытности, а ее сохранение – нежеланием идти в ногу со временем³.

Однако и сегодня она широко применяется при формировании представительных органов не только в Великобритании (с 1832 г.), но и в США (с 1789 г.), Индии (с 1950 г.), Канаде (с 1867 г.), Непале (с 1959 г.), Малави (с 1994 г.), Нигерии (с 1959 г.), Пакистане (с 1970 г.), Южной Корее (с 1950 г.), Кении (с 1963 г.), Ливане (с 1953 г.), на Тайване (с 1994 г.) и в целом ряде других стран. По данным Дж. Коломера, в недавнем прошлом и настоящем данную систему использовали на президентских выборах в 17 государствах [Josep 2004: 552]. В России до недавних реформ избирательного законодательства начала XXI века половина депутатов Государственной Думы Федерального Собрания избиралась по мажоритарной системе относительного большинства, ныне она применяется в некоторых субъектах федерации и на муниципальном уровне.

Данная система результативна и исключает второй тур выборов, так как не требует от претендента для его победы набрать установленный минимум голосов. Мажоритарная система относительного большинства чаще всего применяется в одномандатных округах. В этом случае вся территория страны делится на определенное число избирательных округов обычно с примерно равной численностью избирателей. Исключение представляют собой выборы верхних палат парламентов федеративных и многих унитарных государств: в США, например, от каждого штата независимо от его размеров в Сенат избирается по два депутата. Победителем объявляется кандидат, ставший первым по количеству поданных за него голосов, даже если это число существенно ниже 50 % проголосовавших.

Система относительного большинства может применяться не только в одномандатных, но и в многомандатных округах. В последнем случае от одного округа в представительный орган избираются несколько депутатов. Избиратель наделяется двумя или большим числом голосов в зависимости от числа мест, замещаемых в соответствующем округе. Победителем здесь объявляется не один, а два и большее число претендентов (в зависимости от числа свободных мандатов), собравшие больше голосов, чем другие. Такая разновидность системы относительного большинства называется блоковым голосованием. Данная система применяется на Филиппинах, в Лаосе, Кувейте, на выборах в Палестинской автономии, использовалась на парламентских выборах в Индии в 1952–1957 гг.

³ Четвериков А.О. Избирательные системы государств-членов ЕС // www.eulaw.edu.ru/documents/articles/izbir_sistem (дата обращения: 17.10.2024.).

Существует модификация данной системы – блоковое партийное голосование, при которой избиратель имеет один голос, победившая на выборах партия (весь список ее кандидатов) получает большинство мест в представительном органе. Данная система используется для обеспечения представительства этнических общностей. В Ливане, например, каждая партия включает в свой список кандидатов от различных этнических групп. Система применяется в шести странах: Ливане, Джибути, Тунисе, Сингапуре, Эквадоре, Сенегале.

Задачу избирателя в многомандатном округе можно упростить, ограничив число принадлежащих ему голосов. Система ограниченного голоса впервые была предложена в 1831 г. в Великобритании и использовалась в 1867-1885 г. в этой стране для выборов членов Палаты Общин парламента в некоторых избирательных округах: в четырехмандатных округах избирателям предоставлялось три голоса, в двухмандатных – два. В Японии при выборах в округе от 3 до 5 членов Палаты Представителей избиратель располагал 1 голосом. Использование системы ограниченного голоса позволяет увеличивать представительство в парламенте менее крупных партий, представители которых, занимая второе, третье и т.д. места по числу голосов, получают мандат депутата. Специалисты по конституционному праву считают ограниченное голосование разновидностью уже не мажоритарной, а полупропорциональной избирательной системы [Сравнительное конституционное право, под ред. Чиркина 2011: 224].

Мажоритарная система абсолютного большинства (французская модель [Там же: 220]) предусматривает, что победитель на выборах должен получить больше половины (50 % + 1) голосов в данном округе. Здесь имеет значение, как определяется большинство голосов: 1) от общего числа зарегистрированных избирателей; 2) от числа проголосовавших избирателей; 3) от поданных действительных голосов. Зарубежное законодательство может предусматривать все эти случаи. Так, например, ст. L.126 французского Избирательного кодекса установлено, что допущен к получению мандата по итогам голосования в первом туре выборов может быть только кандидат, набравший абсолютное большинство поданных голосов, либо кандидат, за которого было подано количество голосов не менее четверти от количества зарегистрированных избирателей [Сборник нормативных правовых актов..., под ред. Вешнякова 2004: 220].

Как правило, выборы по этой системе способствуют формированию относительно стабильных партийных блоков, исключая влияние малочисленных, раздробленных партий. В результате образуется система крупных и, что весьма важно, взаимозависимых политических партий. К примеру, во Франции, где эта система применяется с небольшим перерывом более 30 лет, насчитывается около десяти партий, реально претендующих на голоса избирателей. В первом туре близкие по идеологии партии идут раздельно, второй тур заставляет их объединяться и противостоять общему сопернику. Оптимальным является использование этой системы при выборах президента или иного единоличного государственного органа, органа местного самоуправления. В частности, система абсолютного большинства используется на выборах Президента во Франции в соответствии со ст. 7 Конституции Франции и некоторых других странах.

Если никто из баллотирующихся кандидатов не соберет требуемого большинства голосов, возможно проведение второго тура голосования, победителем в котором становится тот, который получил больше голосов, чем его соперник. В случае если голоса избирателей разделились поровну, то во Франции, например, предпочтение отдается старшему по возрасту кандидату [Белов 2005: 103]. В некоторых случаях законом может быть предусмотрено проведение второго тура выборов.

Подобная система используется на парламентских выборах в 31 стране, в том числе, в государствах Восточной Европы (Белоруссия, Молдова), Ближнего Востока (Иран, Ирак, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан), в некоторых бывших французских колониях (Мали, Мавритания, Чад, ЦАР и др.).

Особенностью данной избирательной системы является требование обязательного кворума, без которого выборы признаются несостоявшимися. Как правило, обязательный процент явки составляет 50 % (на президентских выборах), реже – 25 % или иное количество голосов. Положительной чертой этой разновидности мажоритарной системы по сравнению с мажоритарной системой относительного большинства является то, что побеждает кандидат, поддержанный реальным (представительным) большинством избирателей. Отрицательной чертой этой системы является то, что чем больше в избирательном округе кандидатов, тем меньше вероятность, что кто-то из них получит абсолютное большинство голосов, что в итоге приводит к нерезультативности выборов [Берлявский Указ. соч.: 93].

Особое место занимает метод определения результатов выборов по заранее фиксированному проценту, которое применяется, в частности, в Перу при избрании Президента. Для избрания необходимо получить определенный процент голосов от числа лиц, внесенных в избирательный список, который меньше абсолютного большинства (обычно 40 %). Правило относительного большинства используется, но только в том случае, если несколько кандидатов получают более фиксированной нормы голосов. Исчисление голосов производится не от явившихся голосовать, а от числа зарегистрированных избирателей. Такой же порядок существует для выборов Президента Коста-Рики в первом туре: им становится кандидат, собравший не менее 40 % голосов зарегистрированных избирателей. Если два кандидата получают более 40 % (например, 47 % и 42 %), то избранным считается первый⁴.

Хрестоматийный пример – выборы во французское Национальное собрание (нижнюю палату парламента) в 1958 г., когда Французская коммунистическая партия, выйдя по стране на первое место по числу собранных голосов, получила всего 10 мандатов, тогда как Объединение в защиту новой республики, собравшее голосов несколько меньше, приобрело, тем не менее, 188 мандатов, т. е. почти в 19 раз больше. При системе абсолютного большинства чем больше в избирательном округе кандидатов, тем меньше вероятность, что кто-то из них получит абсолютное большинство голосов. Поэтому выборы по данной системе часто оказываются нерезультативными [Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации, отв. ред. Вешняков 2003: 109–110].

Способом преодоления недостатков мажоритарной системы абсолютного большинства, позволяющим обойтись без повторного голосования, является альтернативное голосование. Данная система, известная под названием мажоритарно-преференциальной, представляет собой вариант мажоритарной системы в одномандатных округах [Любарев 2003: 122].

Избирателю предлагается выделить в ординарном бюллетене, в котором избирателю предоставляется возможность ранжировать кандидатов по степени предпочтительности, как первое, так и альтернативные предпочтения. Чтобы победить, нужно получить поддержку абсолютного большинства. Если ни один из кандидатов не стал первым предпочтением для более чем 50 % избирателей, кандидат с наименьшим количеством первых предпочтений вычеркивается из списка. Полученные им голоса передаются кандидатам, выделенным соответствующими избирателями в качестве вторых предпочтений и т.д. Как только число полученных кандидатом первых предпочтений плюс число голосов, переданных ему от других кандидатов, превышает половину общего числа бюллетеней, его объявляют победителем. Теоретики, правда, сомневаются, насколько обоснованно приравнивание второго и тем более третьего предпочтения к первому [Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации, отв. ред. Вешняков 2003: 110].

Альтернативное голосование применяется с 1937 г. при выборах президента Ирландии, а также на острове Науру. Многие десятилетия, с 1919 г. оно используется в Австралии при

⁴ Заляев Р.И. Избирательные системы и их возможности в реализации демократического принципа политического представительства – Документ – стр. 1 (uchebana5.ru) (дата обращения: 17.10.2024.).

формировании нижней палаты федерального парламента – Палаты представителей⁵. Длительное применение этой системы способствовало, во-первых, увеличению количества партий и, во-вторых, сокращению шансов крупнейшей партии страны – Лейбористкой – на получение парламентского большинства. Так, в 1980 г. лейбористы получили 45 % голосов (по первым предпочтениям), а либералы – 38 %. В парламенте же вторым досталось 54 места, а первым – всего 31; либералы вместе с другой правоцентристской партией и получили мандат на формирование правительства. Таким образом, альтернативное голосование, помимо возможности сделать мажоритарную систему абсолютного большинства результативной, может давать небольшим партиям завышенное представительство.

Мажоритарная система квалифицированного большинства предусматривает, что для победы на выборах кандидату необходимо набрать заранее установленное большинство голосов избирателей, превышающее абсолютное. Подобная система применяется в основном при избрании глав государств и иных должностных лиц. В частности, Президент Азербайджана в соответствии с ч. 2 ст. 101 Конституции Азербайджанской Республики в 1995–2002 гг. для избрания должен был получить две трети голосов избирателей, участвовавших в голосовании. Затем это правило было отменено как нецелесообразное [Конституционное право зарубежных стран, под ред. Малько 2004: 162]. В Чили при выборах в Палату депутатов Национального Конгресса кандидату для победы требуется получить поддержку $\frac{2}{3}$ избирателей. Ранее такая избирательная система использовалась при формировании Сената Республики, когда победителем считался кандидат, за которого отдали голоса 65 % избирателей [Сравнительное избирательное право, под ред. Маклакова 2003: 138].

Существует также разновидность мажоритарной системы, которая при определении победителя учитывает и персональное, и партийное голосование избирателей – система двойного синхронного голоса. Каждая партия в одномандатном избирательном округе вправе выставлять несколько своих кандидатов. Голосуя за одного из них, гражданин одновременно отдает свой голос партии, к которой принадлежит кандидат. Победитель определяется по двум критериям: во-первых, он должен принадлежать к партии, получившей в целом наибольшее число голосов; во-вторых, за него проголосовало больше избирателей, чем за других кандидатов этой партии. Система двойного синхронного голоса используется реже других моделей мажоритарной системы; в частности, данный метод применялся для определения победителя на президентских выборах в двух латиноамериканских республиках – Уругвае и Гондурасе.

Имеет место также модификация данной избирательной системы, называемая панашированием (иногда употребляется термин «панашаж»; от франц. *panachage* – смесь). Панаширование предполагает право избирателя голосовать за кандидатов из разных списков либо вписывать в списки новых кандидатов. В этом случае подсчитываются голоса, полученные каждым кандидатом в отдельности, будь то в составе списка или в виде специальной преференции. Панаширование может иметь место не только при мажоритарной системе по многомандатным округам, но и при пропорциональной избирательной системе [Конституционное право зарубежных стран, под ред. Страшуна 2000: 421]. Данная система применяется с 1918 г. в Швейцарии.

Пропорциональная избирательная система и её модификации

Пропорциональная избирательная система на столетие моложе мажоритарной. В конце XIX века она была введена в ряде кантонов Швейцарии, в 1888 г. – в Сербии, затем в 1899 г.

⁵ См.: Gifford, Donald James. Understanding the Australian Legal System. Understanding the Australian Legal System. Sydney, New South Wales, Cavendish Publishing (Australia) Pty Limited, 1997.

принята в Бельгии, и в 1906 году – в Финляндии, входившей в тот период в состав Российской Империи. К началу XX века насчитывалось 152 разновидности пропорциональной избирательной системы [Котегова 2007: 17]. По данным А.Лейпхарта данная система используется в 20 из 36 стабильных демократических государств (established democracies).

Общей тенденцией большей части XX столетия было движение к системе пропорционального представительства. Сегодня эта система существует более чем в 70 странах мира, преобладая в Западной Европе⁶. Все пропорциональные системы отличаются друг от друга, имея в каждой стране свои значительные особенности. В основе пропорциональной избирательной системы лежит принцип пропорционального представительства политических объединений, участвующих в выборах.

Основная идея пропорциональной системы заключается в том, что каждая партия получает в парламенте или ином представительном органе число мандатов, пропорциональное числу голосов, поданных за ее кандидатов на выборах. Требование пропорционального представительства закрепляется на конституционном уровне, в частности, в ч. 3 ст. 68 Конституции Испании, ст. 62 Конституции Эстонии и др. Подобная избирательная система достаточно целесообразна, поскольку позволяет определить долю представительства мелких партий с электоратом в несколько процентов общего числа избирателей, учитывает большее число голосов при распределении мест.

Данная система применяется в условиях создания многомандатных избирательных округов. При этом, чем больше по своим размерам такие округа, тем полнее реализуется принцип пропорциональности. В большинстве стран образуется не единый округ, а несколько многомандатных, обычно по числу административно-территориальных единиц. Известно, что при использовании пропорциональной системы разделение территории государства на избирательные округа влечет за собой искажение пропорциональности в пользу крупных партий. Причем чем меньше избирательные округа, тем в большем выигрыше оказываются крупные партии [Енгибарян 2007: 335].

Если политическая система общества находится в переходном состоянии, а общество характеризуется повышенной социальной напряженностью, применение пропорциональной системы способно дать самые неожиданные результаты. Личная популярность харизматичного лидера может определяющим образом повлиять на расстановку сил в парламенте. При этом голосование избирателей за одного человека может означать попадание в парламент значительного количества депутатов, с чьей политической позицией избиратели практически не знакомы [Мишин 2007: 175]. Однако неограниченное использование пропорциональной системы может привести к появлению в парламенте множества мелких фракций, объединенных вокруг маловлиятельных, но амбициозных лидеров, которые, не будучи способными, к конструктивному сотрудничеству, путем обструкции препятствуют принятию необходимых для страны или соответствующего регионального сообщества решений. Характерный пример представлял собой Сейм Польши в 1989–1993 гг., где при общей численности 460 депутатов одной из крупных фракций оказалась насчитывавшая менее полутора десятков депутатов фракция Партии любителей пива [Скрипкина 2006: 107].

В случае если правительство формируется парламентским способом (Германия, Испания, Швеция, Латвия и др.) или может быть смещено парламентом путем вынесения ему вотума недоверия (Франция, Польша), стабильность деятельности правительства напрямую зависит от стабильности коалиционных соглашений между этими партиями. Ярким примером является Италия, использовавшая пропорциональную систему, где с 1945 г. по настоящее время было

⁶ Эллис Э. Избирательные системы в международном аспекте // www.kontinent.org/article_rus (дата обращения: 17.10.2024).

сформировано более 60 правительств. Это дало основание Н. Штански назвать такую ситуацию «кризисом итальянского пропорционализма».

В ряде стран в целях исключения возможности преобладания в парламенте мелких конфликтующих группировок, отражающих интересы незначительного числа избирателей введено правило заградительного пункта или избирательного барьера. Одной из первых, заградительный пункт (5 %) установила Федеративная Республика Германия, где Федеральный закон о выборах допустил к распределению мандатов в бундестаге только партийные списки, собравшие не менее 5 % действительных голосов. В дальнейшем заградительный пункт стал применяться довольно широко. Согласно ему партии, не собравшие установленного минимума голосов, исключаются из распределения мандатов. Заградительный барьер варьируется в различных пределах: Нидерланды – 0,67 %, Дания – 2 %, Израиль – 2 %, на Украине с 2006 г. барьер на выборах в Верховную Раду снижен с 4 до 3 %, Молдавия – 5 %, Казахстан – 7 %. В Венгрии действует избирательная система с 5 % избирательным барьером для партий на общегосударственном уровне и 10 %-м барьером для партийных блоков. Аналогично высок избирательный барьер в Турции. Вместе с тем, в Конституции Португалии (ст. 155) закреплён запрет на введение заградительного барьера.

Обычно заградительный барьер ассоциируется с пропорциональной избирательной системой. Однако данные, представленные в «Сравнительном докладе о заградительных барьерах и иных институтах избирательных систем, препятствующих прохождению партий в парламент» Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссией), позволяют уточнить этот вывод.

Во-первых, заградительный барьер может предусматриваться законодательством стран, использующих пропорциональную (во Франции для выхода во второй тур выборов нужно получить 12,5 % голосов избирателей, зарегистрированных в избирательном округе) и смешанную систему (Италия – 4 %, Литва – 5 % и др.). Во-вторых, законодательство ряда стран, применяющих пропорциональную систему (Босния и Герцоговина, Финляндия, Люксембург, Исландия, Швейцария, Португалия, Чили, ЮАР), подобный барьер вообще не предусматривает. В-третьих, наряду с законодательно установленным заградительным барьером в докладе представлен так называемый естественный (скрытый, эффективный) барьер, т.е. число голосов избирателей, которое реально необходимо получить для прохождения партии в парламент в соответствии с действующей избирательной системой конкретной страны. Данный показатель весьма различен при мажоритарной (Великобритания – 35 %, Беларусь и Франция – 50 %), смешанной (Венгрия – 11,5%), пропорциональной системе (Люксембург – 4,8 %, Финляндия – 5 %, Португалия – 6,7 %, Швейцария – 9 %, Бельгия – 9,2%, Испания – 9,7 %, Исландия – 10,8 %, Ирландия – 15 %) [Берлявский Указ. соч.: 98–99].

Использование заградительного барьера выгодно крупным, хорошо организованным партиям, действующим длительное время, и фактически ущемляет интересы молодых или недавно образованных партий и избирательных объединений [Конституционное право зарубежных стран, под ред. Малько: 163]. В связи с этим, само наличие заградительного барьера неоднократно было предметом рассмотрения конституционными судами ряда стран и Европейским Судом по правам человека (ЕСПЧ). В частности, в 1987 и 1988 гг. Европейская комиссия по правам человека отклонила две жалобы на закон Франции о выборах депутатов Европарламента, предусматривавший заградительный барьер в 5 % как для доступа к распределению мест, так и для возврата избирательного залога, что, по мнению заявителей, нарушало статью 3 протокола № 1 Европейской конвенции по правам человека.

В 1993 г. Конституционный суд Италии и в 1996 г. Европейская комиссия по правам человека отклонила жалобу на закон Итальянской Республики о парламентских выборах, согласно которому для участия в пропорциональном распределении мандатов требовалось

преодолеть барьер на уровне 4 %. В 2001 г. ЕСПЧ признал неприемлемой жалобу на нормы Устава об автономии Канарских островов, предусмотревшие барьер на уровне 6 % голосов по всей автономии либо 30 % голосов в одном из округов, в 2007 г. – отвечающим Европейской конвенции о правах человека установленный в Латвии заградительный барьер в 5 %, в 2008 г. – установленный в Турции барьер в 10 %.

Существуют различные способы пропорционального распределения мандатов. Первый из них состоит в том, чтобы делить общее количество голосов в округе на величину округа, в результате чего получаем количество голосов, дающее право на одно место при чисто пропорциональном распределении мест. Это так называемая естественная квота Т. Хэра. Применяется данный способ в территориальных округах в Эстонии и Румынии. Недостаток этой квоты состоит в том, что часть мест может остаться неподделенной, и для их распределения требуется какая-то дополнительная процедура. Самая распространенная из таких процедур – распределение оставшихся незанятыми мест по принципу наибольших остатков после применения простой квоты. Иногда общее число голосов делят на число мест плюс один (искусственная квота Э. Гогенбаха-Бишофа, либо Г. Друппа). Такая квота меньше простой и потому позволяет распределить большее число мест, а допускаемые ею остатки меньше. Эта квота также не лишена недостатков: мандаты могут иметь различный удельный вес, различается число голосов, которое необходимо набрать партии для получения мандата при первом и втором распределении [Сравнительное избирательное право, под ред. Маклакова: 141].

Другой способ распределения мест состоит в том, чтобы установить последовательность делителей. Всякий раз, когда партии отводится место, число полученных ею голосов делится на очередной из таких делителей. Это циклическая процедура, на каждом из этапов которой партия, имеющая наибольший результат деления («наивысшую среднюю»), получает место. Наиболее распространенная из процедур подобного рода называется методом д'Ондта и использует делители (1, 2, 3, 4, ...). Этот метод характерен для Португалии. Еще одной основанной на использовании делителей системой является метод Сент-Лагюе, предполагающий использовать делители 1, 3, 5 и т.д. Смысл такой замены состоит в том, чтобы сократить преимущество крупнейшей и помочь малым партиям. Существуют и иные ряды делителей. Например, метод Импералли, скорректированный метод Сент-Лагюе и датский метод, применяющие соответственно ряды делителей (2, 3, 4, 5...), (1, 4, 3, 5, 7, ...) и (1, 4, 7, 10, ...). Р. Таагепера и М.С. Шугарт, исследуя механизм пропорционального распределения мандатов при применении разных методов делителей, пришли к заключению, что метод В. д'Ондта благоприятен для крупнейшей партии, а метод А. Сент-Лагюе для малой. Причем чем ближе друг к другу делители, тем больше преимущество, получаемое крупными партиями [Таагепера, Шугарт 1997: 133].

Метод (правило) квоты предполагает получение квоты (частного), представляющей число голосов для получения одного мандата. Затем производится деление числа собранных списком голосов на квоту. Названная операция почти всегда оставляет нераспределенные места и неиспользованные голоса. Классификация методов (правил) квоты представлена М.А. Котеговой.

Согласно данным Дж. Коломера, масштаб использования данных методов подсчета голосов избирателей был весьма различен, а именно:

- квота Хэра использовалась на выборах в 32 странах, в том числе, в Албании (с 1992 г.), Австрии (с 1971 г.), Бельгии (с 1919 г.), Греции (с 1958 г.), Израиле (1951–1969 гг. и с 1992 г.), Италии (1924 г., 1946–1948 гг., 1956–1992 гг.), Литве (1920–1926 гг. с 1992 г.), Сальвадоре (с 1963 г.), Польше (с 1991 г.), Румынии (с 1993 г.), Индонезии (1953–1955 г.г., с 1991 г.) и др.;

- квота Импералли применялась в Италии в 1956–1992 г.г.;

- метод Сент-Лагюе – в Боснии и Герцоговине (с 1996 г.), Норвегии (с 1953 г.), Дании (с 1953 г.), Польше (1991 г., с 2001 г.), Латвии (1922-1931 гг., с 1992 г.), Швеции (с 1952 г.), Новой Зеландии (с 1993 г.).

- правило д'Ондта – в 35 странах: в Аргентине (1963-1995 г.г.), Израиле (1949 г., 1973–1988 г.г.), Австрии (с 1918 г.), Италии (1919–1921 г.г.), Молдове (с 1993г.), Боливии (с 1997 г.), Мозамбике (с 1993 г.) и др. [Colomer: 548–554].

Большинство современных демократических стран используют систему пропорционального представительства в форме голосования партийным списком. Существует два основных варианта распределения мандатов внутри партийного списка: система «жестких» и система «гибких» списков. При применении системы «жестких» списков, избиратель голосует исключительно за партийный список в целом и не имеет возможности повлиять на порядок распределения мандатов внутри этого списка. Полученные партийным списком мандаты распределяются между кандидатами в точном соответствии с очередностью их расположения в списке. Данный вариант потенциально увеличивает влияние центрального руководства партий, так как именно лидеры определяют порядок расположения кандидатов.

Другая модификация – система «гибких» списков предоставляет избирателю большую свободу в выборе отдельных кандидатов и дает возможность избирателю голосовать не только за определенный партийный список, но и выразить свое предпочтение отдельным кандидатам этого списка. А.О. Четвериков выделяет несколько моделей списков: бельгийская (избиратель располагает одним голосом, который может отдать либо за список в целом, либо за конкретного кандидата, входящего в список данной партии), швейцарская (избиратель может проголосовать за список партии или за столько кандидатов, сколько мандатов замещается в округе).

В Нидерландах, Дании, Австрии применяется система полужестких списков, при которой первое место, завоеванное партией, предназначено кандидату под первым номером. Остальные мандаты распределяются между кандидатами в зависимости от полученных ими голосов. По мнению некоторых исследователей, система «гибких» списков, по сравнению с системой «жестких», является более демократичной, так как она позволяет избирателю более полно выразить свое предпочтение не только по отношению к политической партии, но и к отдельным ее кандидатам.

Система «гибких списков» часто применяется в сочетании с преференциальным голосованием. Оно имеет целью дать избирателям возможность не только проголосовать за список кандидатов определенной партии, но и внутри этого списка высказать предпочтение определенным кандидатам. С этой целью, голосуя за список, избиратель отмечает и кандидатов этого списка, избрание которых для него более желательно. При распределении мандатов между кандидатами списка сначала мандаты передаются кандидатам, имеющим наибольшее число преференций, при условии, что это число не менее избирательной квоты. Потом мандаты получают остальные кандидаты списка в зависимости от очередности в нем.

Преференциальное голосование – институт демократический, позволяющий избавить электорат от засилья партийной верхушки. Однако в Италии, особенно в южных районах, где еще недавно сильна была мафия, местные мафиози наловчились контролировать использование избирателями права преференций и подчиняли себе целые фракции в политических партиях. Возможно и другое злоупотребление преференциальным голосованием, когда противники партии, не рассчитывая получить достаточное число голосов по собственному списку, голосуют за ее список и, отдавая преференции кандидатам в конце списка не пропускают в парламент руководящих деятелей партии, обезглавливая ее будущую фракцию [Берлявский Указ. соч.: 105].

Получил распространение также институт соединения списков либо блокирование. Суть блокирования в том, что партии блока выступают на выборах с общими списками кандидатов,

а после того, как общий список получил какое-то количество мандатов, распределяют это количество между собой. В результате может оказаться, что голоса избирателей, поданные за одну партию, на самом деле помогают другой.

В рамках пропорциональной избирательной системы, также как и при применении мажоритарной системы, применяется панаширование, когда избиратель голосует за кандидатов из разных списков либо вписывает в списки новых кандидатов. Обычно при этом исчисляется средняя цифра по каждому списку. При пропорциональной системе панаширование может сочетаться с преференциальным голосованием.

В зарубежных странах существует пять способов использования пропорциональной избирательной системы, которые можно выделить на основе таких критериев, как, во-первых, уровень применения пропорциональной избирательной системы (общегосударственный – Турция, Швейцария, Финляндия, Швеция, Австрия, Словения, Польша, Мексика, Италия; региональный (Франция); надгосударственный – государства-члены Европейского Союза); во-вторых, степень применения – в сочетании с мажоритарной избирательной системой (ФРГ, Новая Зеландия, Япония) или отказ от использования пропорциональной системы (Великобритания и США). Анализ моделей пропорциональных избирательных систем, применяемых в зарубежных странах, позволяет выявить следующую закономерность: наиболее представительные парламенты (с учетом расчета индексов представительности) существуют там, где применяется полностью пропорциональная избирательная система с гибкими списками, невысоким заградительным барьером, механизмом «уравнивающих мандатов» и либеральным законодательством о политических партиях [Котегова 2008: 117–124].

Полупропорциональные избирательные системы

Полупропорциональные системы, будучи основаны на мажоритарном принципе, все же дают определенные возможности представительства и меньшинству избирателей. Это достигается благодаря применению так называемого ограниченного вотума, при котором избиратель голосует не за такое число кандидатов, которое равно числу подлежащих избранию от избирательного округа депутатов, а за меньшее. Типичным примером такой системы была действовавшая с 1947 до 1993 гг. в Японии и сохраняющаяся ныне на Тайване система единственного непередаваемого голоса. При этой системе партия в многомандатном избирательном округе выдвигает не список кандидатов, баллотирующийся как единое целое, а отдельных кандидатов. Избиратель же в этом многомандатном округе голосует только за одного из кандидатов, хотя от округа должно быть избрано несколько или даже много депутатов. Избранными считаются кандидаты, собравшие большее число голосов. Другой пример ограниченного вотума – порядок выборов части сенаторов в Испании. Избирательным округом служит провинция, от которой избираются, как правило, четыре сенатора, но избиратель голосует не более, чем за трех кандидатов. Избранными считают четыре кандидата, получившие в провинции наибольшее число голосов [Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации, отв. ред. Вешняков: 126].

К этой же группе систем относится и так называемый кумулятивный вотум, применяемый, в частности, на выборах в органы местного самоуправления в Баварии и в некоторых других землях Германии. Избиратель в Баварии имеет три голоса, что меньше числа депутатов от данного избирательного округа, но он может распорядиться своими голосами тройным образом: либо отдать все их одному из кандидатов, либо отдать два голоса одному кандидату, а третий – другому, либо наконец раздать по одному голосу трем кандидатам. Система считается пригодной для небольших избирательных единиц, в которых избиратели хорошо знают всех кандидатов, а их политическая принадлежность для избирателей большого значе-

ния не имеет [Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации, отв. ред. Вешняков: 127].

Кумулятивный вотум использовался в Бразилии (в 1904–1930 гг.), Чили (1879–1924 гг.), Перу (1861–1919 гг.), применяется в Швейцарии (с 1918 г.), а также в США в некоторых штатах и на уровне местных выборов [Colomer: 548].

Смешанные избирательные системы

Следует учесть, что исключительно пропорциональная или исключительно мажоритарная избирательные системы в чистом виде практически не сохранились. На самом деле происходит процесс эволюции этих систем в сторону их взаимной интеграции. Преодоление недостатков мажоритарной и пропорциональной избирательных систем или хотя бы попытка эти недостатки существенно смягчить осуществляется путем формирования избирательной системы смешанного типа, сочетающей элементы обеих систем, с максимальным использованием их достоинств. При этом для переходных стран, новых государств, остро нуждающихся, с одной стороны, в неординарных лидерах, легче и быстрее выявляемых мажоритарной системой, а, с другой – в формировании крупных авторитетных политических сил, ускоренному формированию и созреванию которых действительно способствует пропорциональная сила, смешанная система наиболее адекватна [Берлявский Указ. соч.: 108].

Понятие «смешанная избирательная система» можно толковать в широком и узком смысле. В первом значении она предполагает параллельное использование при формировании представительного органа или его палаты различных избирательных систем. Так, в соответствии со ст. 52 Политической Конституции Мексиканских Соединенных Штатов Палата депутатов состоит из трехсот депутатов, избираемых по мажоритарной системе относительного большинства по униномиальным избирательным округам, и из ста депутатов, избираемых по системе пропорционального представительства посредством региональных списков, голосование по которым производится по полиномиальным избирательным округам.

Смешанная избирательная система в узком смысле означает соединение элементов как пропорциональной, так и мажоритарной систем. Различают две разновидности данной системы. Первая основана на преимущественном использовании пропорциональной системы. Она применяется для формирования состава парламента Греции и носит наименование усиленной пропорциональной системы или пропорциональной системы с премией для большинства. Здесь 288 депутатов избираются в территориальных округах, а 12 – в общенациональном округе. Для замещения 288 мандатов применяется достаточно сложная процедура. В первом распределении мест в 56 избирательных округах участвуют все политические партии, выставившие своих кандидатов на выборах. Ко второму распределению допускаются только те политические партии, которые собрали не менее 17 % голосов, а также двухпартийные коалиции, набравшие не менее 25 % голосов, и коалиции трех и более партий, получившие не менее 30 % голосов. Закон предусмотрел и «премию для меньшинства»: мелкие партии, которые выставили свои списки не менее чем в $\frac{3}{4}$ избирательных округов и собрали 2 % голосов избирателей, получают три места в парламенте, от 1 до 2 % – одно место. Мандаты предоставляются им в тех округах, где партии собрали наибольшее число голосов.

Вторая разновидность смешанной избирательной системы основана на преимущественном использовании мажоритарной системы. Она применяется в Италии, где выборы в Сенат проходят на областной основе. Территория каждой области делится на одномандатные округа, в которых замещается три четверти мест, которые полагаются данной области в верхней палате. Остальные места распределяются в многомандатном областном округе по пропорциональной системе. На выборах в Сенат избиратель получает только один бюллетень, в котором ука-

заны фамилии кандидатов, баллотирующихся в одномандатном округе, а рядом с ними – эмблемы тех партий, которые представляют группы кандидатов. В одномандатных округах побеждают кандидаты, набравшие простое большинство голосов. При этом из числа голосов, полученных группой, вычитаются голоса, полученные выигравшими кандидатами от данной группы в мажоритарных округах. После этого мандаты распределяются между группами по пропорциональной системе на основании метода д'Ондта.

В ФРГ, согласно Федеральному избирательному закону, половина состава Бундестага (299 депутатов) избирается по одномандатным избирательным округам по мажоритарной системе относительного большинства. Другая половина избирается по земельным спискам кандидатов, т. е. каждая из 16 земель (субъектов федерации) является многомандатным избирательным округом, в котором баллотируются земельные списки кандидатов, составленные политическими партиями, мандаты между которыми распределяются по пропорциональной системе. Соответственно каждый избиратель имеет два голоса: первый – для голосования в одномандатном избирательном округе, а второй – для голосования за земельный список. Оба голоса подаются в одном конверте. Кандидат от партии может одновременно баллотироваться и в одномандатном избирательном округе, и по земельному списку. При определении результата выборов по земельным спискам сначала подсчитываются вторые голоса, поданные за каждый из земельных списков. При этом не учитываются вторые голоса тех избирателей, которые свой первый голос отдали за кандидата, победившего в избирательном округе, если этот кандидат был выдвинут не партией, а избирателями или партией, земельный список кандидатов которой в соответствующей земле не был допущен земельным избирательным комитетом. Из общего числа депутатских мандатов от данной земли исключаются мандаты, полученные в одномандатных избирательных округах кандидатами, которые выдвинуты избирателями или не допущенными в земле партиями, а также партиями, не допущенными к распределению мандатов по пропорциональной системе (не преодолевшими заградительный пункт). Это ограничение не распространяется на земельные списки кандидатов от партий национальных меньшинств. Оставшееся число мандатов распределяется между этими списками по системе Хэйра-Нимейера. Если партия получила в одномандатных избирательных округах больше мандатов, чем ей положено в результате пропорционального распределения, все ее мандаты сохраняются за ней, а общее число мандатов в Бундестаге соответственно увеличивается [Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации, отв. ред. Вешняков: 129–130].

Помимо Германии, по данной системе, называемой также системой персонализированного пропорционального представительства, были организованы выборы в Боливии (1994-1995 гг.), Дании (1918 г.), Новой Зеландии (с 1993 г.), Венесуэле (1989-1998 гг.), региональные выборы в Великобритании [Colomer: 551].

В некоторых странах смешанная избирательная система осуществляется путем перехода от многомандатных к маломандатным округам: из представленных к избранию 3–5 партий, победителями могут стать только 2–3 партии. Такая система ведет к предварительной консолидации партий для решения конкретных программ.

Опыт многих государств свидетельствует, что смешанная система проведения выборов наиболее приемлема для государств, находящихся на переломном этапе развития. Такая система позволяет максимально обеспечить формальные условия, необходимые для выполнения парламентом его главной функции: выработки законов и совершенствования законодательной системы страны, гарантируя тем самым устойчивость демократических институтов.

В практике отдельных стран встречается система единственного передаваемого голоса. Ряд специалистов рассматривают эту систему как особую, не относя ее к мажоритарной или пропорциональной системам [Сравнительное избирательное право, под ред. Маклакова: 145]. Система эта применяется только в многомандатных избирательных округах и учитывает лич-

ные и партийные предпочтения избирателя. Избиратель, как при альтернативном голосовании, имея один голос и голосуя за одного из массы кандидатов, может вместе с тем указать несколько предпочтений. Для распределения мандатов производится сложный подсчет голосов. Однако опыт ее применения на выборах Сената Австралии (с 1949 г.), в Ирландии (с 1922 г.) и на Мальте свидетельствует об обратном. Отмечается сложность процедуры подсчета голосов и определения результатов выборов: необходима централизованная обработка всех бюллетеней, что чрезвычайно трудно осуществить в рамках большого округа [Любарев Указ. соч.: 126]. Поэтому она наиболее оправдана на местных выборах, где она длительное время используется в Австралии, Канаде, Южной Африке, Великобритании, США.

Система единственного передаваемого голоса в теории считается самой справедливой, так как позволяет сочетать персональный выбор с обеспечением пропорциональности представительства партий. Однако ее распространению препятствует определенная техническая сложность определения результатов выборов. По этой системе избирается, например, верхняя палата индийского парламента – Совет штатов. Однако надо иметь в виду, что голосуют там не избиратели, а депутаты законодательных собраний штатов. В Ирландии по этой системе всеобщими выборами избирается нижняя палата Национального парламента [Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации, отв. ред. Вешняков: 128].

Вместе с тем, избирательная система определенного вида отнюдь не детерминирует складывание партийной системы определенного вида. Несмотря на то, что сегодня партиям принадлежит решающая роль в избирательном процессе, трактовка партий только в качестве организационной формы ведения избирательных кампаний представляется узкой, поскольку возникновение партий и партийных систем имеет куда более глубокие социальные корни. Функция партий никогда не ограничивалась одной лишь избирательной проблематикой, тем более «техникой выдвижения и избрания кандидатов». Даже во второй половине XX в. были страны (Кувейт, Бахрейн), где выборы проводились при отсутствии партий [Сравнительное избирательное право, под ред. Маклакова: 149].

Особые избирательные системы призваны, с одной стороны, обеспечить в выборном органе представительство меньшинств (этнических, национальных, конфессиональных, административно-территориальных, автономных и т.д.), а с другой – гасить то общественное недовольство, которое могут вызвать выборы в особо напряженных регионах, где невозможно использовать выборные процедуры в обычном классическом варианте. Различают два типа особых избирательных систем:

- ливанский тип – система многомандатных округов, где за меньшинством закрепляется определенное количество мандатов еще до выборов;

- фиджийский тип (система выборов по налагающимся округам) – система, которая вводится в районах (регионах), где существуют значительные противоречия между этническими, национальными, и конфессиональными группами населения. Законодатель стремится развести во времени электоральные группы и тем самым снять противоречия, которые могут возникнуть вовремя выборов. Например, на границе Индии и Пакистана электорат сторонников индуизма голосует в одно воскресенье, а электорат мусульманский голосует отдельно, в этом же округе через две недели [Юсов, Мажинская 2008: 83–84].

Заключение

Выбор и изменение конкретной избирательной системы получил название электоральной реформы. Причинами электоральных реформ являются различные факторы, среди которых важнейшее место занимают конституционные основы государства. С. Берч, Ф. Миллард, М. Попеску и К. Уильямс пришли к выводу что «при формировании конституционных основ

нового политического режима представляется желательным принять такую избирательную систему, которая бы обеспечила возможность представительства как можно больших групп населения. Это позволит избежать ослабления нового, хрупкого конституционного устройства» [Birch, Millard, Popescu, Williams 2002: 14]. Из иных факторов следует указать на культурно-исторические особенности государства, его размеры, влияние партийной системы, субъектов избирательного процесса, динамику процесса демократизации, воздействие колониального наследия, особенности региона и конкретного этапа развития страны [Lundell: 62–111].

Конкретные мотивы выбора избирательной системы определяются целями, которые ставит перед собой законодатель. Авторы масштабного сравнительного исследования избирательных систем 22-х государств пришли к выводу, что выбор мажоритарной системы обусловлен задачами формирования стабильных и ответственных перед парламентом правительств. Цели обеспечения высокой степени пропорционального представительства и укрепления партийной системы достигаются путем выбора пропорциональной избирательной системы закрытых списков с единым общенациональным избирательным округом. Те, для кого приоритетом является пропорциональное представительство и персональная ответственность депутатов перед избирателями обращаются к системам единого передаваемого голоса либо пропорциональной системе открытых списков. Практически всем этим требованиям удовлетворяют смешанные компенсационные системы. Вне сомнения, выбор определенной избирательной системы в той или иной мере влияет на модели политического поведения [Gallagher: 575].

Gallagher M., Mitchel P. (eds.) 2005. *The Politics of Electoral Systems*. – Oxford: Oxford University Press. – 662 p.

Electoral System Design. The New International IDEA Handbook /A.Reynolds, B.Reilly, A.Ellis. 2005. – Stockholm. – 237 p.

Gifford, Donald James. 1997. *Understanding the Australian Legal System. Understanding the Australian Legal System*. – Sydney, New South Wales, Cavendish Publishing (Australia) Pty Limited. – 273 p.

Josep M. Colomer. 2004. *The Strategy and History of Electoral System Choice in Josep M. Colomer (ed.)*. – Handbook of Electoral System Choice. – Basingstoke: Palgrave Macmillan. – 578 p.

Белов С.А. 2005. *Избирательная система как правовой институт*. – СПб: СПбГУ. – 118 с.

Берлявский Л.Г. 2013. *Сравнительное избирательное право*. – М.: Юрлитинформ. 240 с.

Елистратова В.С. 2008. *Избирательная система России: конституционно-правовые основы и политическая практика: автореф. дисс... канд. юрид. наук*. – М. – 24 с.

Енгибарян Р.В. 2007. *Сравнительное конституционное право*. – Ростов н/Д.: Феникс. – 542 с.

Заляев Р.И. Избирательные системы и их возможности в реализации демократического принципа политического представительства [Электронный ресурс]. – Доступно: <https://uchebana5.ru/cont/2846516.html>. – Проверено: 15.12.2024.

Иванченко А.В., Кынев А.В., Любарев А.Е. Пропорциональная избирательная система в России. История, современное состояние, перспективы [Электронный ресурс]. – Доступно: www.vibori.ru/Publikat/PES/soderzh.htm. – Проверено: 15.12.2024.

Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: Учебник для вузов /отв. ред. А.А. Вешняков. М.: Норма. – 2003. – 816 с.

Избирательный кодекс Российской Федерации – основа модернизации политической системы России /под. ред. А. Е. Любарева. М.: Голос. – 2011. – 459 с.

Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов /под ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М.Энтина. М.: Норма. – 2005. – 1056 с.

Конституционное право зарубежных стран. Учебно-методический комплекс /под ред. А.В. Малько. М.: Норма, 2004. 320 с.

Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов /под ред. Б.А.Страшуна. 2000. – В 4 т. – Тома 1-2. Часть общая. – М.: БЕК. – 784 с.

Котегова М.А. 2007. *Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт: автореф. дисс... канд. юрид. наук.* – М. – 27 с.

Котегова М.А. 2008. Принцип демократического государства и пропорциональная избирательная система в современной России. – *Сравнительное конституционное обозрение.* – № 2. – С.117–124.

Любарев А.Е. 2003. Избирательные системы и российское электоральное законодательство. – *Полис.* – № 4. – С.120–129.

Мишин А.А. 2007. *Конституционное (государственное) право зарубежных стран.* – М.: Юстицинформ. – 332 с.

Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства /под ред. А.А. Вешнякова. – М.: Весь мир. – 2004. – 464 с.

Скрипкина Ж.Б. 2006. *Избирательные системы и технологии.* – М.: ВЗФЭИ. – 172 с.

Сравнительное избирательное право: Учебное пособие / под ред. В.В. Маклакова. – М.: Норма. – 2003. – 208 с.

Сравнительное конституционное право: Учебное пособие /под ред. В.Е. Чиркина. – М.: Проспект. – 2011.

Таагепера Р., Шугарт М.С. 1997. Описание избирательных систем. – *Полис.* – № 3. – С. 114–136.

Четвериков А.О. Избирательные системы государств-членов ЕС [Электронный ресурс]. – Доступно: www.eulaw.edu.ru/documents/articles/izbir_sistem. – Проверено: 15.12.2024.

Эллис Э. Избирательные системы в международном аспекте [Электронный ресурс]. – Доступно: www.kontinent.org/article_rus. – Проверено: 15.12.2024.

Юсов С.В., Мажинская Н.Г. 2008. *Избирательное право и избирательный процесс.* – Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ. – 349 с.

300-летний юбилей Иммануила Канта

КАНТ О НЕВОЗМОЖНОСТИ РЕВОЛЮЦИИ

Б.Г. Капустин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: В данной работе реконструируются аргументы Канта относительно моральной «невозможности» революции, т. е. о мыслимости революции лишь в качестве «мятежа против морали» и «дьявольского зла». Парадоксальность этой позиции обнаруживается при её соотнесении с кантовским же признанием «эмпирической» благотворности (некоторых) революций и даже их необходимости (в определённых случаях) для осуществления «тайного плана природы» в отношении человечества. Парадоксальность кантовского подхода к революции имеет как собственно теоретические причины, уходящие корнями в его учение о «чистой» морали долга, так и «идеологические», которые в данной работе рассматриваются сквозь призму ницшеанского объяснения «пользы и вреда истории для жизни». Однако эта кантовская парадоксальность необычайно теоретически продуктивна. Она подталкивает к пониманию той связи свободы и зла, в которой свобода начинается со зла, есть зло (в отношении отрицаемой ею формы наличного бытия) и только благодаря этому обретает единственно реальную модальность своего существования – свободы-как-освобождения.

Ключевые слова: Кант, моральная философия, свобода, зло, революция, моральный закон и политический закон, народ и суверен, власть, всеобщая воля, историзм.

Прежде всего очертим круг проблем, в котором бьется или с которым бьется кантовская теория революции.

Рассуждая о суде над Людовиком XVI, к тому времени превратившимся в Людовика Капета, и его публичной казни (их можно считать кульминационными моментами Французской революции), Кант приходит к выводу: эти события похожи на злодеяние, совершенное «согласно максиме некоторого принятого объективного правила (как общезначимого)». Коли так, то это есть «дьявольское зло», невозможное для человека. Суд и казнь есть такое зло, ибо они засвидетельствовали, что сотворившие их не признают «авторитета самого закона, силу которого он [человек] не может отрицать перед своим разумом». С другой стороны, мы знаем (из кантовской «Религии»), что «совершать подобного рода преступление из форменной (совершенно бесполезной) злости для человека невозможно, и все же (хотя это чистая идея крайнего зла) в системе морали обойти это нельзя» (курсив мой. – Б. К.) [Кант Метафизика нравов ... 1965: 244].

«Совершенно бесполезная» злость – это и есть та характеристика ее кристальной чистоты, без всякой «патологической» мотивации, которая уравнивает злость с совершенным добром чистейшего морального закона. Допустить такое уравнение «система морали» никак не может, но она не может, претендуя на универсальность, также обойти своим вниманием (и оценкой) этот немислимый, но совершенно реальный исторический факт непризнания авторитета самого закона, отрицать который человек (будучи носителем практического разума) тоже никак не может. Получается, что суд над Людовиком XVI и его казнь запирают нас в замкнутом круге невозможности (серии невозможностей, сливающихся в круг): немислимое деяние, не вмещающееся в «систему морали», произошло по невозможным для людей причинам и противостоестественно аннигилирует все основания, на которых может покоиться жизнь людей: «...насилие дерзко и из принципа становится над самым священным из прав, а это подобно бездонной пропасти, поглощающей все без возврата ...» (курсив мой. – Б. К.) [Там же: 244]. Неудивительно, что Кант прямо уподобляет это деяние самоубийству («самоубийству государства»), которое, знаем мы из «Основ метафизики нравственности», невозможно (в качестве «всеобщего закона природы») – как то, что уничтожает саму жизнь.

Что в этих условиях остается делать «системе морали»? Только одно: нравственно девальвировать революцию и благодаря этому вырваться из круга невозможности. Революция должна быть сведена к уровню заурядного (по своему характеру) преступления, совершенного из низких «патологических» мотивов. Только таким образом ее можно вместить в «систему морали». «Следовательно, – пишет Кант, – надо допустить такую причину [рассматриваемого революционного деяния]: одобрение подобных казней в действительности возникло не из мнимоправового принципа, а из страха перед местью государства, которое может однажды возродиться, и указанная выше формальность [суда над королем] проявлена лишь для того, чтобы придать этому акту вид наказания, стало быть законного действия (убийство не могло считаться таковым) ...» [Там же].

В отличие от бескорыстных «дьявольских существ» с трусами и мошенниками, коими допущение Канта представляет революционеров, его «система морали» может справиться и может найти им соответствующее место в своих рамках. Превращение революции в качестве ординарного преступления (пусть и «очень большого») в банальность упраздняет, т. е. делает «невозможной», революцию как таковую. При этом ее собственный характер состоит, конечно же, не в столкновении закона с беззаконием (как преступлением), а в конфликте двух видов разума, двух видов закона, не знающем и не допускающем никакого разрешения «вышестоящей инстанцией», еще более высоким, чем они, разумом. Такого стоящего над ними разума просто нет. «Невозможность» революции, выражающаяся в ее девальвации до «очень большого», но вполне заурядного по своему характеру преступления, – это единственная, как будет показано в дальнейшем, концептуализация революции, которую может позволить себе обеспокоенная своим самосохранением «система морали», претендующая на универсальность.

Наверное, самой неинтересной и теоретически малопродуктивной реакцией на эти рассуждения Канта о «невозможности» революции была бы попытка столкнуть их с тем, что можно назвать «историческими фактами». Пытаясь устроить такое столкновение, можно было бы, к примеру, указать на то, что казнь бывшего монарха отнюдь не привела к «самоубийству государства» и к провалу его вместе со всем, на чем стоит общество, в «бездонную пропасть». Напротив, как должно было стать совершенно очевидно всем к 1797 г., когда появилась «Метафизика нравов» с ее пассажем о «самоубийстве государства», цареубийственная революция привела к резкому подъему дееспособности, энергии и мощи французского государства, причем всякие сомнения по этому поводу устранялись непобедимостью его армий на полях сражений в Европе. Такой великой славой французское оружие не овевало себя и во

времена «богоданного» Людовика, именовавшегося «королем-солнцем». Кант вряд ли не имел обо всем этом никакого понятия. Его осведомленности о том, что французское государство никоим образом не пребывает после цареубийства в «бездонной пропасти», могли способствовать хотя бы избиения французами воинства его родной Пруссии, а также армий ближайшего австрийского соседа.

Равным образом очевидно, что, пожалуй, единственное, в чем никак нельзя обвинить вдохновителей и устроителей суда над Людовиком Капетом и последующей его казни, это в трусости и низком мошенничестве. Напротив, все они делали совершенно открыто, публично и с высокой гордостью за то, что считали своей миссией. В этом была даже дерзкая бравада в отношении как «священных традиций» прошлого, так и всей роялистской Европы. Страх – в той мере, в какой он присутствовал во время процесса над бывшим королем, – был характерен скорее для их оппонентов из лагеря «умеренных» (хотя бы как страх перед европейским «общественным мнением»)¹. Очень трудно представить себе, что Кант с его пристальным вниманием к Французской революции ничего этого не знал.

Но апеллировать ко всем таким свидетельствам истории неинтересно и малопродуктивно именно потому, что это означает ломиться в открытую дверь. Есть все основания думать, что Кант сам не относился серьезно к «эмпирической» стороне своих рассуждений о «невозможности» революции. Вернее, она в его рассуждениях и не предполагалась. Отсюда и совершенно честное «надо допустить ...», означающее то, что речь идет о долженствовании вопреки всем «эмпирическим» свидетельствам. В тех же случаях, в отношении которых такую «контрфактуальность» допускать не надо, Кант и сам охотно считает, что революции, даже включающие публичное цареубийство, приносили самые положительные результаты в плане государственного строительства и даже приближения к истинному «правовому состоянию»². Кант готов признать и то, что высшие цели природы в отношении человека осуществляются посредством «преобразовательных революций»³, что в ряде случаев и нет другого способа перехода к «правовому устройству», как только при помощи «насильственной революции»⁴, и т. д. и т. п.

Наша задача, таким образом, не может состоять в том, чтобы пытаться опровергнуть утверждение Канта о «невозможности» революций (как чего-то иного, чем обычное преступление) посредством указания на будто бы неизвестные ему исторические факты или «эмпирического» доказательства того, что революции «возможны». Кант прекрасно осведомлен о «фактах» реально свершившихся революций (не сводимых к преступлению) и не нуждается ни в каких доказательствах того, что они «возможны», поскольку ничуть в этом не сомневается. Наша исследовательская задача должна состоять в другом – в том, чтобы уяснить, почему Кант, вопреки знанию «фактов» о свершившихся революциях, которые были не просто «возможны», а даже необходимы с точки зрения его же философского понимания движения

¹ Обильные свидетельства того и другого дают речи основных участников процесса, представленные в отличном сборнике «Цареубийство и революция». См.: [Regicide and Revolution. 1974].

² Так, Кант приводит примеры Швейцарии, Соединенных Нидерландов и Великобритании как стран с особо удачным «теперешним государственным устройством» (курсив мой. – Б. К.). См.: [Кант О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 2: 92]. Мало сказать, что все эти страны прошли кровавые революции, так самая «образцовая» из них – Великобритания отметилась еще и первым публичным цареубийством (на которое французские революционеры XVIII в. нередко ссылались как на прецедент) и вдобавок к этому парламентским переворотом против законного монарха в 1688–1689 гг., идеологически закамуфлированным как его «добровольное» отречение от трона и поддержанным чужеземными интервентами. Эти события известны под эвфемизмом «Славная революция».

³ См.: Кант И. Идея всеобщей истории во всемирногражданском плане // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 21.

⁴ См.: Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 6. С. 270 (речь здесь идет о том, что от демократии к правовому устройству можно перейти только посредством «насильственных революций»).

истории в сторону «высших целей» природы в отношении человека, тем не менее бескомпромиссно отстаивал тезис о «невозможности» революций (как чего-то иного, чем ординарное преступление). Мы постараемся показать, как необходимость спасения его моральной философии, заявляющей себя в качестве «чистой», обуславливает бескомпромиссное отстаивание тезиса о «невозможности» революции вопреки не только знанию Канта об истории, но и его собственной философии истории.

Привязка тезиса о «невозможности» революции к кантовской моральной философии сближает меня с теми комментаторами, которые стремятся показать кантовский запрет любого сопротивления власти имущим как абсолютный и как непосредственно продиктованный категорическим императивом – подобно запрету лгать⁵. Однако я должен сразу уточнить следующее. Хотя я считаю, что кантовская моральная философия несовместима с представлениями о возможности революции (как чего-то иного, чем преступление), такая несовместимость не предопределена самим по себе «долгом ради долга», поскольку он остается, действительно, пустым формализмом. Выше уже говорилось о том, что в качестве такового он столь же легко вписывается в логику самого радикального анархизма, как и в логику безусловного конформизма (которую Кант представляет в «Метафизике нравов» и других сочинениях, эксплицирующих его подход к революции). Представления о возможности революции несовместимы с реальной моральной философией Канта, в которой, как и в любой другой, «чистый» долг есть лишь момент формирования «нечистой» этики (сохраняющей видимость «чистоты» и претензии на нее). Для уяснения этого рассмотрим к основным аргументам Канта, призванным показать и доказать «невозможность» революции.

Начнем с более общего рассуждения и возьмем в качестве точки его опоры весьма любопытную реакцию Канта на попытку, предпринятую одним из его учеников, вписать кантовскую «чистую» моральную философию как раз в логику революционного анархизма. Речь идет о реакции Канта на статью Августа Вильгельма Рехберга, появившуюся в том же журнале («*Berlinische Monatsschrift*»), который сам Кант столь часто использовал для обнародования своих важнейших эссе. В этой статье Рехберг писал: «Если система априорно де-

⁵ См.: Nicholson P. Kant on the Duty Never to Resist the Sovereign // *Ethics*. 1976. Vol. 86. No. 3. P. 215 ff. В основном массиве комментаторской литературы, посвященной теме «Кант и революция», во главу угла ставится вопрос о том, можно ли некоторым непротиворечивым образом примирить содержательно различные и в некоторых случаях даже, по всей видимости, взаимоисключающие суждения Канта о революции. Большинство авторов считают это возможным, хотя они приходят к совершенно разному пониманию того, как именно и благодаря чему достигается такое примирение, не говоря уже о том, что оно, в конце концов, означает – кантовское категорическое (моральное) отрицание революций или их принятие и одобрение. Вероятно, лучшие примеры аргументации в пользу версии «принятия и одобрения» см.: Korsgaard Ch.M. Taking the Law into Our Own Hands: Kant on the Right to Revolution // *Reclaiming the History of Ethics. Essays for John Rawls / A. Reath et al. (eds)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997; Hill Th.E., Jr. Questions about Kant's Opposition to Revolution // *The Journal of Value Inquiry*. 2002. Vol. 36. Nos. 2–3. P. 283–298. Своего рода классической экспозицией аргументов в пользу версии «морального отрицания» революции является известная статья Льюиса Бека «Кант и право на революцию». В ней Бек тонко фиксирует неразрешимое (в рамках кантовской философии) противоречие между предписаниями морали, запрещающими сопротивление властям, и вытекающим из телеологии истории требованием способствовать прогрессу человечества в сторону «правового состояния». Поскольку первое есть «совершенный долг», а второе – «несовершенный» и поскольку у Канта нет никаких ресурсов для концептуализации «конфликта обязательств», «моральное отрицание» революции берет верх и становится абсолютным. См.: Beck L.W. Kant and the Right of Revolution // *Journal of the History of Ideas*. 1971. Vol. 32. No. 3. Esp. p. 419–420. Я согласен с этим выводом Бека. Разумеется, есть и «компромиссные» решения, подчеркивающие, что Кант делал некоторые исключения из запрета сопротивления власти имущим, будь то нечто вроде «пассивного гражданского неповиновения» на стороне подданных или контрреволюционного мятежа, имеющего целью восстановить прежнюю власть на стороне (бывших) правителей. См.: Hancock R. Kant and Civil Disobedience // *Idealistic Studies*. 1975. Vol. 5. No. 2. Esp. p. 166–167; Reiss H.S. Kant and the Right to Rebellion // *Journal of the History of Ideas*. 1956. Vol. 17. No. 2. Esp. p. 183.

монстрируемых позитивных спецификаций естественного закона применяется к миру людей, то из этого не может последовать ничего меньше, чем полная ликвидация существующих ныне гражданско-правовых конституций. Ведь в соответствии с такой системой только ту конституцию можно считать обоснованной, которая находится в согласии с определением идеала разума. Но в таком случае ни одна из этих конституций не способна устоять ...»⁶.

В письме издателю этого журнала Кант презрительно обрушивается на статью Рехберга. С точки зрения нашей тематики особого внимания заслуживают два момента кантовской критики сочинения его ученика. Первый: неверно основывать принцип справедливости на власти как его высшем источнике. Кант отказывается развивать эту мысль дальше как «слишком опасную» (sic!). Второй: неверно соединять (как делает Рехберг) «юриста», в руках которого меч, лежащий на ту чашу весов, где находятся «рациональные основания», с «философом права». Неизбежным результатом такого соединения является то, что применение теории к практике становится жульническим – оно подменяет собой теорию⁷. Оба эти момента должны напомнить нам о том альянсе между властителем и его тайным философским советником, о котором говорилось в предыдущей главе. Но сейчас нам важнее другое. Согласно Канту, у принципа справедливости есть или всегда должен быть более высокий источник, чем власть, и, конечно же, им может быть только «чистый разум». Далее, поскольку власть («юрист» с мечом в руках) так или иначе направляется «чистым разумом» (тайным философским советником), постольку существующие «гражданско-правовые конституции», во всяком случае наиболее «разумная» и «просвещенная» их часть (представленная, скажем, судя по «Ответу на вопрос: Что такое Просвещение?», Пруссией времен Фридриха II), могут «устоять» при их сличении с «идеалом разума»⁸. Радикальный анархизм Рехберга неверен – «чистый разум» «слипся» с наличным бытием или, во всяком случае, «санкционирует» его⁹. Это и есть самое общее объяснение того, как и каким образом кантовский «чистый разум» оказывается на стороне статус-кво, а не революции и почему последняя «невозможна» как «дело разума», т. е. возможна только как преступление.

Теперь мы можем перейти к тому, что представляется главным аргументом Канта, призванным показать «невозможность» революции. С раннего («докритического») упоения Руссо и до последних своих дней Кант сохранял убежденность в том, что разум может присутствовать в делах людей только как «всеобщая воля»¹⁰. Широко известно и вряд ли нуждается в еще одном разъяснении принципиальное расхождение Канта с Руссо и «руссоистами» в том, что для первого «всеобщая воля» не есть реальный акт, в котором она формируется и

⁶ Цит. по: Beck L.W. Kant and the Right of Revolution. P. 412.

⁷ См.: Letter to Johann Erich Biester. April 10, 1794 // Kant I. Correspondence / A. Zweig (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 477.

⁸ В эссе «К вечному миру» Кант дает более общую формулу примирения практического разума с во многом неразумной действительностью: «Так как разрушение государственного или всемирно-гражданского объединения, до того как оно будет заменено более совершенным устройством, противоречит политике, согласной в этом с моралью, то было бы нелепо требовать решительного и немедленного устранения этих недостатков» (курсив мой. – Б. К.) (Кант И. К вечному миру. С. 292).

⁹ Я согласен с теми комментаторами, которые делают заключение о том, что философия Канта есть философия одобрения «просвещенного абсолютизма». Сам «республиканизм», т. е. то, что Кант понимает под ним, есть сторона, продукт, форма эволюции «просвещенного абсолютизма». Иными словами, как остроумно замечает один исследователь, «республиканизм» появляется в «просвещенном абсолютизме» и из него в результате «непорочного зачатия», не запачканный революционным насилием и монархическим подавлением его. См.: Taylor R.S. The Progress of Absolutism in Kant's Essay What is Enlightenment? // Kant's Political Theory / E. Ellis (ed.). University Park (PA): Penn State University Press, 2012. Esp. p. 140, 148.

¹⁰ В появившемся в 1795 г. эссе «К вечному миру» мы находим, к примеру, такую «руссоистскую» формулировку, которую Кант даже не считает нужным развивать и обосновывать: «Общая воля народа в первоначальном договоре ... есть принцип всех прав ...» (Кант И. К вечному миру. С. 268 (примеч.)).

проявляется. Я не могу сейчас уходить в обсуждение того, мыслил ли сам Руссо «всеобщую волю» в качестве реального акта, который имел или может иметь место в истории, или же его рассуждения о ней – своего рода мыслительный эксперимент, дающий инструмент для критики наличной действительности¹¹.

Для нас важно другое: пусть только в качестве мыслительного эксперимента, но Руссо представлял «всеобщую волю» именно как акт, и, что имеет еще большее значение, те практики революции, которые считали себя его последователями, отождествляли «всеобщую волю» с конкретными историческими действиями. Как отчеканил в одной из своих речей Максимилиан Робеспьер, отвечая на вопрос, что такое «народ» и его («всеобщая») воля, – это то, что явилось в «восстании 10 августа»¹². Если «всеобщая воля» – не исторический акт, в котором она возникает и посредством которого она выражает себя, то как и в чем она может существовать в качестве «реального предмета», принадлежащего «эмпирическому» миру? Это – ключевой вопрос для Канта.

С его точки зрения, таким «реальным предметом», воплощающим «всеобщую волю», может быть только Закон. Только Закон может превратить некое собрание людей в народ как носителя или «субъекта» «всеобщей воли»¹³, только он может выступить в качестве «объединяющего основания» «коллективного единства объединенной воли»¹⁴. Без безусловного подчинения Закону воля народа не может быть объединена, следовательно, народ, строго говоря, окажется не народом, а толпой – всего лишь агрегатом разнообразных «частных устремлений каждого», и применительно к такому агрегату ни о всеобщей воле, ни о нравственной разумности говорить нельзя совсем¹⁵.

Все что мы (вслед за Кантом) сказали до сих пор о конституировании Законом народа и его всеобщей воли, выглядит как парафраза уже известного нам кантовского рассуждения (из второй «Критики») о том, что добро и зло определяются не до морального закона, а им самим, т. е. именно он «назначает» нечто быть добром, а нечто – злом¹⁶. Так и здесь: безусловное подчинение Закону конституирует народ в качестве «добраго» – в нравственном и политическом отношении – начала, тогда как любое неподчинение Закону делает его «злым», т. е. неразумной толпой. Равным образом в обоих случаях свобода есть не что иное, как безусловное подчинение: лишь безусловно подчиняясь моральному закону, мы можем

¹¹ Сильную аргументацию в пользу второго прочтения «всеобщей воли» Руссо дает, в частности, Джудит Шкляр, для которой Руссо – бескомпромиссный критик действительности, но не революционер. См.: Shklar J.N. *Rereading The Social Contract* // Shklar J.N. *Political Thought and Political Thinkers* / S. Hoffmann (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1998. Esp. p. 274.

¹² См.: Robespierre: 28 December 1792 // *Regicide and Revolution*. P. 184. Речь идет о штурме Тюильри Национальной гвардией повстанческой Парижской коммуны и силами федератов из Марселя и Бретани 10 августа 1792 г., приведшем к падению монархии. Здесь я тоже хочу уклониться от обсуждения того, были ли якобинцы «истинными руссо истами» и можно ли считать Руссо «духовным отцом» Французской революции. Полагаю, что с историко-философской точки зрения на оба вопроса следует ответить отрицательно, но это не имеет никакого значения для наших рассуждений. Относительно (мнимой) революционности Руссо я ограничусь приведением лишь одного его высказывания: «...нет больше лекарств, кроме некоего огромного переворота (*à moins de quelque grande révolution*), которого следует столь же опасаться, как и того зла, которое он мог бы исцелить; желать его достойно осуждения, а предвидеть невозможно ...» Цит. по: Алексеев-Попов В.С. О социальных и политических идеях Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 513. Подробнее об этом см.: McNeil G.H. *The Anti-Revolutionary Rousseau* // *The American Historical Review*. 1953. Vol. 58. No. 4. P. 808–823.

¹³ Как пишет Кант, «...если существует народ, объединенный законами под верховной властью, то он дан как предмет опыта сообразно с идеей единства этого народа вообще ...» (Кант И. *Метафизика нравов* ... С. 302–303).

¹⁴ См.: Кант И. *К вечному миру*. С. 291.

¹⁵ См.: Кант И. *Метафизика нравов* ... С. 303; Кант И. *К вечному миру*. С. 291.

¹⁶ См.: Кант И. *Критика практического разума* // Кант И. *Сочинения*: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 385–387.

быть свободны (в отношении наших «патологических» склонностей – согласно «главным» этическим сочинениям Канта и в отношении «прирожденной» склонности к злу – согласно «Религии»), и мы можем иметь права, т. е. свободы, лишь столь же безусловно подчиняясь политическому Закону.

Именно эта параллель между моральным законом и политическим Законом приводит Канта к очень сильной (и, как увидим далее, очень спорной) формулировке такого рода: «... повинуйтесь правительству, имеющему над вами власть (во всем, что не противоречит внутренне моральному), – это категорический императив»¹⁷. Ни более ни менее! Однако параллель между подчинением моральному закону и политическому Закону наталкивается на огромные и, похоже, непреодолимые трудности, борения с которыми и задают скрытый, но местами пробивающийся на поверхность лейтмотив кантовских рассуждений о «невозможности» революции.

Начнем с того, что напомним: кантовский моральный закон в принципе не имеет автора и начала. Понятие «законодатель» в применении к нему означает всего лишь «создатель обязательности по закону», а отнюдь не «создатель закона»¹⁸. С политическим Законом этот фокус никак не проходит. Политический Закон мог возникнуть только в некоторый момент истории и только в результате чьих-то действий против кого-то, пусть даже эти насилуемые «кто-то» были в конечном счете облагодетельствованы даром «гражданского общества».

Для самого Канта такое сугубо историческое и сугубо насильственное происхождение любого политического закона, создающего народ как определенную форму общности людей или «форму государства» (в отличие от формы правления и всех других административно-организационных устройств общественной жизни), как сказал бы Карл Шмитт, не подлежит никакому сомнению¹⁹. Именно несомненность такого начала политического Закона побуждает Канта страшить своих читателей ужасами, которые непременно последуют из их чрезмерной любознательности, из их попыток доискиваться, на каком основании возник Закон, и грозить им наказаниями за само желание такие попытки предпринять²⁰. Можно сказать, что ключевая идеологическая задача, которую Кант ставит перед собой и теми, кого он надеется привлечь на свою сторону, в том и состоит, чтобы реальное «историческое основание гражданского устройства» представить в качестве «идеи как принципа практического разума»²¹. Иными словами, необходимо помочь Закону обеспечить забывание собственного происхождения – «закону, который столь священен (неприкосновенен), что стоит лишь практически подвергнуть его сомнению, стало быть хотя бы на миг приостановить его действие, как это уже становится преступлением, представляется таким, как если бы он исходил не от людей, а от какого-то высшего непогрешимого законодателя ...»²².

Не нужно спешить упрекать Канта в попытках сокрытия реальных «исторических оснований» Закона и любых политических институтов и в их мистификации в качестве воплощенных «принципов практического разума». Даже Ницше как философская немезида Канта вряд ли упрекнул бы его за такой маневр «сокрытия и мистификации». Наверное, Ницше сказал бы, что этот маневр – проявление «здорового инстинкта», определяющего, «когда нужно ощу-

¹⁷ Кант И. Метафизика нравов ... С. 302.

¹⁸ См.: Там же. С. 136.

¹⁹ Поэтому он и пишет, что «при осуществлении этой идеи (гражданского общества. – Б. К.) (на практике) нельзя рассчитывать на иное начало правового состояния, кроме принуждения; именно на нем основывается затем публичное право» (Кант И. К вечному миру. С. 291). Или иначе: формирование народа (и его объединенной воли) – «это действие, которое может быть начато лишь с помощью завладения верховной властью ...» (Кант И. Метафизика нравов ... С. 303 и др.).

²⁰ См.: Кант И. Метафизика нравов ... С. 302 и др.

²¹ См.: Там же. С. 241.

²² Там же. С. 240–241.

щать исторически и когда – неисторически». «...Историческое и неисторическое одинаково необходимы для здоровья отдельного человека, народа и культуры», и уметь «хорошо и вовремя забывать» – очень важное условие политической стабильности²³. Вопросы, которые можно адресовать Канту в связи с этим маневром, таковы: во-первых, достаточно ли полным и успешным был его вариант забывания («исторических основ»), во-вторых, с чьей стороны произведено его забывание, ибо «забывания вообще» не бывает – оно бывает только во имя кого-то или чего-то и против кого-то или чего-то. Начнем с первого. Забвение «исторического основания» Закона во имя стабилизации статус-кво есть преобразование чего-то особенно и контингентного во всеобщее и необходимое, благодаря чему особенная воля «завладевающего верховной властью» на деле становится всеобщей волей подчиненного ему народа.

Забвение, таким образом, есть позитивный производственный акт, точнее, процесс. Он создает универсальность, необходимость и даже, если это удастся, чистоту рациональности Закона, а стало быть, его неприкосновенность, ибо непочтительное прикосновение к нему не может не быть злом как посягательством на саму универсальную разумность. Полнота забывания, действительно, предполагает то, как точно выражается Кант, что Закон представляется исходящим не от людей, а от «высшего непогрешимого законодателя». Достичь такой полноты в условиях скептического и критического века Просвещения – в высшей мере трудная задача, и Кант с достойным восхищения мужеством возлагает ее на себя. Ему не вполне удается справиться со своей задачей. Но вина за это лежит, скорее, не столько на Канте, который, действительно, сделал все, что мог, борясь за забвение «исторических оснований», сколько на самой эпохе Просвещения и великих революций²⁴.

Эпоха Просвещения и революций наложила свой отпечаток на сам способ кантовского обоснования неприкосновенности власть имущих и, следовательно, на его отрицание «возможности» революции (как чего-то иного и большего, чем преступление). Кант замечает: «В самом деле, допустить, что глава [государства] никогда не может ошибаться или быть несведущим в каком-нибудь деле, значило бы считать его боговдохновенным и стоящим выше человечества» [Кант О поговорке...: 95]. Кант, как и многие его современники, так считать уже не может.

²³ См.: Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 164.

²⁴ Кант, что вполне естественно для него, высоко ценил те примеры сокрытия «исторических оснований», которые давала сама история. Так, он с заметным одобрением пишет об английских «опекунах народа», которым удалось замаскировать характер государственного переворота 1688 г. Они смогли «приписать низвергнутому монарху добровольный отказ от управления» и сохранить видимость преемственности конституции. См.: Кант И. О поговорке ... С. 94. Вместе с Кантом отдадим им должное: такая маскировка «исторических оснований», действительно, есть свидетельство огромного мастерства власть имущих, учитывая реальные события, составившие характер этого переворота, – вопиющее нарушение английской (неписаной) конституции и самих основ законности, самоуправство вступивших в сговор элит (когда, по словам Юма, большинством в семьсот человек было определено изменение в жизни десяти миллионов, которых никто ни о чем не спрашивал), наконец, приглашение заговорщиками иноземных интервентов для поддержки переворота, что по любым меркам трудно характеризовать иначе как акт национального предательства. См.: Юм Д. О первоначальном договоре // Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 662. Однако спустя столетие после государственного переворота в Англии 1688 г., насыщенное великой работой критической мысли Просвещения и революциями, изменившими политический ландшафт планеты, успешное повторение блестящего маневра английских «опекунов народа» оказалось крайне затруднено. Французские революционеры, современники Канта, и не пытались его повторить. Кантовская «невозможность» Французской революции – в противоположность его признанию и принятию государственного переворота 1688 г. – тем в огромной мере и объясняется, что французы нарушили священные правила любой власти – правила сокрытия и забвения своих «исторических оснований». Это, а не само по себе публичное царубийство, которое имело место и в Англии, сделало Французскую революцию «дьявольским злом».

Но что означают слова о том, что глава государства – не «боговдохновенный», что он не «выше человечества», стало быть, один из нас, пусть даже и наделенный, предположим, редкими талантами и добродетелями?²⁵ Как минимум, это означает, что глава государства – не «помазанник божий» и не пророк, устами которого глаголет божество, что нет никакого «божественного права короля» и, стало быть, действительно существуют сугубо исторические и социальные основания власти. Такие основания могут делать функцию верховного правителя, даже «наследственного короля», в известных обстоятельствах полезной, любой власти – правила сокрытия и забвения своих «исторических оснований». Это, а не само по себе публичное царевичество, которое имело место и в Англии, сделало Французскую революцию «дьявольским злом», но никак не более того²⁶. При этом вопрос о ее полезности, бесполезности или вредности по самому своему характеру открыт для споров, и такие споры могут вестись только с позиций интересов и мнений разных общественных групп, а никак не с позиции «принципов практического разума», которому и сказать-то об этом совершенно нечего. Иными словами, «обмирщение» главы государства и превращение его в «одного из нас» низводят вопрос о его власти с уровня «формы государства» (того, чем являемся «мы – народ») на уровень формы правления (т. е. той или иной организации институтов управления и политического представительства)²⁷. А это – уже совсем другое дело, в рамках которого воля главы государства перестает быть «всеобщей волей» народа и становится в лучшем случае одним из ее особых слагаемых (если короля вообще терпят и хоть в какой-то мере в политическом отношении воспринимают его серьезно).

Сказанное выше можно выразить и иначе. Воля главы государства до тех пор есть всеобщая воля, т. е. вторая невысказана вне первой, пока единство народа существует как то, что Эрнст Канторович называл политическим «мистическим телом» короля (*Corpus Mysticum*). Оно находится лишь во временном сочетании с физическим телом данного короля, но пребывает в бесконечном соотношении с королевским достоинством как таковым, олицетворяемым идущими на смену друг другу монархами, которые в своей последовательности делают это достоинство бессмертным (*Dignitas non moritur*)²⁸.

Это политическое «мистическое тело» короля и подтачивал, подрывал, лишал жизненных соков весь век Просвещения задолго до великих революций, подведших его итог (конечно, эти процессы начались еще в предыдущем столетии, и первая Английская революция, в особенности мощной пропагандой левеллеровских «агитаторов», а также публичным судом

²⁵ Такое предположение, говоря попутно, для Канта тоже весьма сомнительно, и он дает своим читателям следующий совет благоразумия: «...во всяком случае, нельзя принимать в расчет моральный образ мыслей законодателя...» (Кант И. К вечному миру. С. 291). Возможно, это кантовское более осторожное выражение известной политической максимы Юма – считать всех людей, и в первую очередь политиков, «плутами», хотя в действительности не каждый из них «плут». См.: Hume D. Of the Independency of Parliament // Hume D. *Essays Moral, Political, and Literary* / E.F. Miller (ed.). Indianapolis: Liberty Fund, 1985. P. 42.

²⁶ «Полезной» в том смысле, в каком описывает полезные функции «парламентского монарха» Макс Вебер. Отметим, что ключевой из них, в исполнении которой монарха не может подменить никакой избранный президент, является сугубо «негативная» – функция ограничения борьбы политиков за власть самим фактом занятия королем высшей, хотя по существу и безвластной позиции в государстве. См.: Weber M. *Economy and Society* / G. Roth, C. Wittich (eds). Berkeley (CA): University of California Press, 1978. P. 1148.

²⁷ Систематическое и теоретически фундаментальное различие «формы государства» («политической формы») и «формы законодательства и правительства» проведено Карлом Шмиттом. Он же подробно объясняет, почему различие между ними, как правило, игнорируется «буржуазным правом», иными словами, почему оно вынуждено «игнорировать суверена, будь этим сувереном монарх или народ». См.: Шмитт К. Учение о конституции (фрагмент) // Шмитт К. *Государство и политическая форма* / пер. О. Кильдюшова. М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. С. 98.

²⁸ См.: Канторович Э. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014 (особенно главы 5 и 7).

над королем и его казнью, многое сделала в этом направлении). Век Просвещения делал это, превращая «мистическое тело» в бюрократическую машину централизованных «просвещенных» монархий. И роль в этой профанации королевской власти таких рьяных слуг трона, как французские меркантилисты и немецкие камералисты, была неизмеримо значительнее, чем роль всех вольнодумцев и политических оппонентов вместе взятых²⁹. В итоге, как замечает Карл Шмитт, «для философии Просвещения король есть не что иное, как *premier magistrat* – первый и, если все происходит разумным образом, наиболее просвещенный чиновник, который лучше всего может позаботиться о благе своих менее просвещенных подданных. Однако таким образом не возникает ни наследственности, ни легитимности монархии. И если у государя отсутствует подобное качество просвещенного человека, то отпадает и обоснование» [Шмитт 2010: 163].

Кантовский законодатель или глава государства и рассуждает так, как и следует рассуждать благовоспитанному и благонамеренному чиновнику, пекущемуся о тех, кто вверен в его попечение. Для него «камнем правомерности всякого публичного закона» является следующая принцип: «...если закон таков, что весь народ никаким образом не мог бы дать на него своего согласия, то он несправедлив...» И в качестве примера такого несправедливого закона Кант тут же приводит то, что являлось воистину становым хребтом политического «мистического тела» короля, – «закон о том, чтобы какой-то класс подданных пользовался по наследству преимуществами сословия господ» [Кант О поговорке: 87]. Более того, используя этот «пробный камень правомерности», кантовский законодатель рассуждает так же, как должны рассуждать мы все, т. е. самые обычные люди, тестируя возможные максимы наших поступков на универсальность, на то, представимы ли они в качестве «всеобщих законов природы». Это и есть окончательное доказательство того, что высший законодатель, утратив всякую мистику божественного вдохновения и, следовательно, лишившись всякого права претендовать на то, что его суждения непосредственно выражают «всеобщую волю», становится «одним из нас», но наделенным нами специфическими функциями (это функции репрезентации нас, легитимации существующих порядков, сдерживания происходящей в нашем обществе политической борьбы и т. д.).

Но здесь-то и обнаруживается величайший парадокс кантовского обоснования «невозможности» революции. Король-чиновник, «один из нас», наделенный некоторыми специфическими функциями и ни коим образом не стоящий «выше человечества», вдруг все же оказывается совершенно особым существом, на которое никакие правила общежития, включая самые универсальные и элементарные, не распространяются. «...Властелин государства, – настаивает Кант, – имеет в отношении подданных одни только права и никаких обязанностей, к которым можно было бы его принудить» [Кант 1965: 241]. Вообще-то прав без обязанностей не может быть даже логически – права как мои законные требования чего-то есть ничто, если им не соответствуют чьи-то обязанности предоставить мне требуемое по праву, и в той же мере и по той же причине я обязан уважать права других, аналогичные тем, которые я заявляю в качестве моих прав³⁰. Права, оторванные от обязанностей, есть всего лишь

²⁹ См.: Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt of a Comparative Approach // *The American Historical Review*. 1975. Vol. 80. No. 5. P. 1221–1243.

³⁰ О невозможности существования прав без обязанностей см.: Birch F. *This Freedom of Ours*. Cambridge: Cambridge University Press, 1937. P. 208 ff. Классическое представление корреляции прав и обязанностей дает Гегель. См.: Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук*. Т. 3. § 486. М.: Мысль, 1977. С. 327. В настоящее время в связи с проблемой экстерриториальности довольно активно обсуждаются так называемые универсальные права человека, отделенные от соответствующих универсальных обязанностей. См.: Skogly S.I. *Extraterritoriality: Universal Human Rights without Universal Obligation* // *Research Handbook on International Human Rights Law* / S. Joseph, A. McBeth (eds). Cheltenham (UK): Edward Elgar, 2011. P. 71–96. Я не могу сейчас углубляться

возможности принуждения вне закона, есть то, что Джорджо Агамбен называет «чистым насилием без логоса»³¹ – тирания как таковая.

Кантовский тиранический властелин с правами без обязанностей в самом деле похож на странную «промежуточную» фигуру переходного времени, которой нет места ни в средневековой политической теологии «мистического тела» короля, ни в прозе королевской «чиновничьей», а позднее – и развлекательно-медийной жизни собственно Нового времени. Первую кантовский властелин безвозвратно покинул, утратив не только божественное вдохновение, но и – как бы странно это ни показалось на первый взгляд – обязанности. В средневековых «зерцалах князей», включая такой их непревзойденный образчик, как «*De regimine principum*» Фомы Аквинского, обязанностям монарха – и перед Творцом, и перед подданными, в отношении которых властелин должен быть «добрым пастырем», уделялось особое, повышенное внимание (см., к примеру, главы 1 и 2 Книги второй указанного сочинения Фомы). Соответственно Фома – в прямую противоположность Канту – открыто признаёт «право на восстание» подданных против монарха, оказавшегося тираном, игнорирующим или нарушающим свои обязанности, и прямо заявляет о том, что массы, низлагая его, не ведут себя вероломно по отношению к нему, пусть даже раньше они изъявляли ему свою покорность, поскольку он сам заслужил того, что «договор с подданными не соблюдается»³².

В то же время кантовский властелин, конечно, и не король-чиновник или король-шоумен позднейших времен именно вследствие претензий (уже ничем не подкрепленных) на непосредственное выражение «всеобщей воли» и отказа от вменяемых ему обязанностей перед другими членами общества. Кантовский властелин парадоксален как раз тем, что вроде бы не стоит над обществом (или человечеством) и в то же время, не имея никаких обязанностей перед другими, находится вне общества.

С точки зрения главного обвинителя Людовика Капета Луи Антуана Сен-Жюста, это и есть основной признак тирании и именно за это бывший король должен быть казнен. На первый взгляд может даже показаться удивительным то, насколько близки друг к другу или буквально совпадают аргументы Сен-Жюста, требующего казни короля, и аргументы Канта, стремящегося обосновать его неприкосновенность.

Сен-Жюст полностью согласен с Кантом в том или Кант повторяет мысль Сен-Жюста о том, что король не может быть судим по праву, применимому к гражданам, причем по праву, и как оно существовало при старом (монархическом) режиме, и как оно существует в условиях республики. Это так, поскольку король никогда не был частью общества граждан и нормы общества не могут на него распространяться (говоря кантовским языком, отрицая обязанности перед другими, король сам вынес себя за рамки гражданского общества). Правда, в отличие от Канта Сен-Жюст считает, что король может и должен быть судим по «праву народов», т. е. именно как «чужак», наносивший «нам» вред.

Далее, король, как полагает Сен-Жюст опять же в полном согласии с Кантом, не может быть судим за что-либо, что он творил в качестве короля и до тех пор, пока он им оставался, поскольку все, что он творил, тогда было законом. Но – настаивает Сен-Жюст в противоположность Канту – его можно и нужно судить именно за то, что тогда любое проявление его воли было законом, т. е. за то, что он был королем, поскольку быть королем означает отри-

в эту специальную тему, но скажу, что мне страшно представить то, что может произойти с Европой в ходе и в результате нынешнего миграционного кризиса, если принцип «права без обязанностей» будет действительно взят на вооружение европейскими законодателями.

³¹ См.: Agamben G. *State of Exception* / transl. K. Attell. Chicago: University of Chicago Press, 2005. P. 40.

³² См.: Aquinas Thomas St. *On Kingship. To the King of Cyprus (49)* / transl. G.B. Phelan. Toronto: The Pontifical Institute of Medieval Studies, 1949. P. 27.

цать суверенитет народа. В этом и состоит смысл знаменитой фразы Сен-Жюста о том, что «никто не может править невинно»³³.

И, пожалуй, самое главное. Сен-Жюст и Кант единомысленны в том, что в споре между королем и народом не может быть никакого высшего судии («главы над главой», как выражается Кант) [Кант О поговорке...:90] и в то же время ни одна сторона не может судить, ибо это означало бы «быть судьей в своем собственном деле», что противоречит самой идее «справедливого суда» [Там же]. Однако из этого единомыслия вытекают прямо противоположные выводы. Вывод Канта: поскольку народ, «желающий быть судьей в своем собственном деле», стал бы в одном лице и подданным, и сувереном, а это противоречит праву, постольку судьей должен оставаться имеющийся суверен. «Следовательно, изменения в (имеющем изъяны) государственном устройстве, которые иногда требуются, могут быть произведены только самим сувереном путем реформы, а не народом, стало быть, путем революции...»³⁴. Вывод Сен-Жюста: поскольку судить, действительно, нельзя – нужно действовать, а именно основать республику. «Революция начинается, когда умирает тиран»³⁵. Новое «историческое основание» новой формы государства открыто признаётся (и к его установлению призывает Сен-Жюст), и оно отменяет все фикции «принципов практического разума», которые были заложены операцией забвения в основание старого режима, обеспечивали неприкосновенность короля и показывали «невозможность» революции.

В плане аргументации Сен-Жюст и Кант по большому счету расходятся только в одном. С точки зрения Канта, «до того, как появляется всеобщая воля, народ не имеет никакого права принуждения по отношению к своему повелителю, потому что только через него народ и может по праву принуждать; когда же всеобщая воля существует, также не может иметь место принуждение народа по отношению к повелителю, так как сам народ был бы тогда верховным правителем; следовательно, народу никогда не может принадлежать право принуждения по отношению к главе государства (право сопротивляться ему словом или делом)»³⁶ [Кант О поговорке...: 93].

Надо полагать, Сен-Жюст согласился бы с первой частью этого рассуждения – той, в которой речь идет о ситуации до появления всеобщей воли. Но вторую часть он бы отверг. В ситуации, характеризующейся присутствием лишнего божественного вдохновения монарха, который, тем не менее, настаивает на своей полной безответственности перед подданными, всеобщая воля только и может проявиться как действие самоорганизующегося народа (разумеется, создающего свое альтернативное политическое представительство и руководство) против такого властителя. И это действие будет суверенным, поскольку суверенность вообще состоит в закладывании «исторических оснований», над которыми уже «потом» проводятся всяческие операции их забывания и переосмысления в разного рода фикции, включая те, которые можно называть «принципами практического разума»³⁷.

³³ В главе 8 более раннего сочинения «О духе Конституции» Сен-Жюст делает очень тонкое замечание такого рода, что при конституции монарх может не «править», а только «управлять». В этом и есть намек на необходимость различения «формы государства» и «формы управления», которое мы обсуждали выше. См.: *Regicide and Revolution*. P. 124 (примеч.).

³⁴ См.: Кант И. *Метафизика нравов* ... С. 243, 244–245.

³⁵ Saint-Just: 27 December 1792 // *Regicide and Revolution*. P. 176. Все предыдущие аргументы Сен-Жюста приведены по его речи от 13 ноября 1792 г. См.: Saint-Just: 13 November 1792 // *Ibid.* P. 120–127.

³⁶ Кант И. О поговорке ... С. 93.

³⁷ Великолепной иллюстрацией таких операций забывания/переосмысления является история «символа Бастилии», написанная Гансом-Юргеном Лузебрином и Рольфом Рейхардтом. См.: Lüsebrink H.-J., Reichardt R. *The Bastille: A History of a Symbol of Despotism and Freedom. Bicentennial Reflections on the French Revolution* / transl. N. Schürer. Durham (NC): Duke University Press, 1997. Esp. Editor's Introduction and ch. 4.

Хотя при всех таких забываниях-переодеваниях что-то остается им неподвластно, что-то остается нередуцируемым к ним. Это что-то – возможность момента (и память о моменте), когда вопреки всем «объективным обстоятельствам», всем угрозам и советам благоразумия жизнь какой-то части людей перестает измеряться стоимостью, перестает находиться в отношениях эквивалентности с также имеющими свою стоимость благами, вполне доступными, если «играть по правилам», и вступает в отношение с абсолютным. С абсолютным «нет!» каким-то конкретным формам угнетения, унижения, подавления, которые еще вчера были просто «данностью», просто составляющими и сторонами того, как «идет жизнь».

Такие моменты прерывают нить истории, выламываются из нее или, скажем так, превращают течение эволюции в историческое время, во время, когда история делается. О них Мишель Фуко скажет, что это моменты, когда «субъективность (не великих людей, а кого угодно) проникает в историю и сообщает ей дыхание жизни»³⁸. Поэтому их и нужно забыть и переодеть во что-то пристойное, вроде «принципов практического разума». Иначе историческое время нельзя загнать в русло «течения эволюции». Но они все же присутствуют в нашей «обычной» жизни – хотя бы в том, что никакая самая «разумная» власть не бывает «абсолютно абсолютной». Поскольку у свободы в восстании всегда остается последняя точка, за которую она может уцепиться и на которой она может удержаться. И самые успешные в делах забывания-переодевания власть имущие знают это, хотя делают все, чтобы это знание не выказать перед «толпой». А вдруг это подтолкнет ее к превращению в народ ...

Относительно кантовского забывания («исторического основания») нам осталось только ответить на второй из поставленных вопросов: с чьей стороны оно производится? Впрочем, многое уже должно быть ясно из вышесказанного. Как мы помним, Закон наличного статус-кво нужно представлять в качестве «священного», исходящего не от людей, а от «какого-то высшего непогрешимого законодателя», т. е. нужно по возможности полностью забыть его «историческое основание» и ни в коем случае не доискиваться до него. В противоположность этому, согласно Канту, революционное «историческое основание» никогда не должно быть забыто. Его нужно рассматривать «как преступление, остающееся навеки и совершенно неизгладимое ...» (курсив мой. – Б. К.). Его следует трактовать как «то, что теологи называют грехом, который не может быть прощен ни на этом, ни на том свете» [Кант 1965: 243 (причем.)].

Предельная жесткость этих заявлений даже заставляет недоумевать относительно того, каким образом возможна стабилизация нового режима, с которым Кант с надлежащим конформизмом вполне готов примириться постольку, поскольку этот (постреволюционный) режим смог утвердиться: «...Если революция удалась (sic!) и установлен новый строй, то неправомерность этого начинания и совершения революции не может освободить подданных от обязательности подчиниться в качестве добрых граждан новому порядку вещей, и они не могут уклониться от честного повиновения правительству, которое обладает теперь властью» [Там же: 245]. Как возможно честное повиновение порядочных людей тому правительству, на котором лежит страшнейший грех, не подлежащий прощению не только на том, но и на этом свете, – остается полнейшей загадкой, особенно в том случае, если наставление относительно честного повиновения отпетым преступникам исходит от этика, известного крайней строгостью своих принципов³⁹.

³⁸ Foucault M. Is It Useless to Revolt? // Philosophy and Social Criticism. 1981. Vol. 8. No. 1. P. 8.

³⁹ Я не берусь доказывать, что данное наставление есть, так сказать, политическое расширение того относящегося к частной жизни поучения честно сдавать злодею невинную жертву, которое Кант дает нам в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (см.: Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 256–262), но параллель между первым и вторым напрашивается сама собой.

Забывание «исторического основания» со стороны власть имущих создает ту асимметрию рациональности между ними и подвластными, которую классически описал еще Аристотель. В самом деле, Закон, ставший «священным» вследствие забвения его «исторического основания», наделяет сверхчеловеческим достоинством непогрешимости как его (уже мифологизированных) учредителей, так и их преемников, включая нынешних властителей. Они и предстают, говоря языком Аристотеля, теми «создателями» (скажем, народа как общности), которым принадлежит их «произведение». Именно потому что последнее не только «причастно разуму», но и вообще обладает существованием лишь постольку, поскольку питается разумом «создателей», разумность «произведения» есть лишь отблеск разумности «создателей» и качественно отличается от последней неспособностью судить самостоятельно. «Обладать нравственной добродетелью во всей полноте», пишет Аристотель, может только «начальствующий». «Убором женщине служит молчание». Оно же, надо думать, служит если не убором, то знаком приличия рабу и всем остальным категориям зависимых и подчиненных⁴⁰.

То же самое приличествует и кантовскому «народу» (как «произведению» начальствующих): «...при существующем уже гражданском устройстве народ не имеет больше никакого опирающегося на право суждения, чтобы определить, как управлять этим устройством» [Кант О поговорке...: 90]. Именно это и требовалось доказать! Забвение «исторического основания» со стороны власть имущих и подстановка на его место фикций «принципов практического разума» есть в первую очередь операция монополизации политически значимых суждений власть имущими. «Глава государства, – подчеркивает Кант, – должен быть правомочен самостоятельно и единолично решать, содействует ли это (законодательство, направленное на счастье народа. – Б. К.) процветанию общества, необходимому для обеспечения его внутренней силы и прочности ...»⁴¹. Стоит ли на фоне этого обращать внимание на «нюансы» вроде такого, что вопрос о содействии «народному счастью» должен решаться сугубо под углом зрения того, способствует ли он прочности данного режима (во главе с теми же власть имущими), а отнюдь не «качества жизни» самих подданных?

Подведем некоторые итоги. Кантовская «невозможность» революции как практики, руководствующейся принципами⁴², есть ее невозможность в условиях сохраняющегося данного режима господства выявить его «историческое основание», устранить скрывающие его фикции «принципов практического разума» и заложить новое «историческое основание» нового строя. Такое понимание «невозможности» революции верно, как верен любой трюизм. И оно же абсолютно бесполезно для постижения того, как происходят революции, что делает их возможными и в чем состоят их свершения. При всей своей познавательной бесполезности кантовский трюизм «невозможности» революции как практического действия, т. е. действия согласно принципам, имеет только одно практическое значение, и состоит оно в нормативном запрете революций⁴³.

⁴⁰ 51 См.: Аристотель. Политика. 1260 а // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 400.

⁴¹ Там же. С. 89.

⁴² «...Практикой, – подчеркивает Кант, – называется не всякое действие, а лишь такое осуществление цели, какое мыслится как следование определенным, представленным в общем виде принципам деятельности» (Кант И. О поговорке ... С. 61).

⁴³ Некоторые исследователи, пытаясь изобразить отношение Канта к революциям как более «сложное» и содержательно «богатое», чем абсолютный нормативный запрет их, нередко ссылаются на его известные высказывания о Французской революции из «Спора факультетов». Там Кант описывает вызываемый ею у зрителей «отклик, граничащий с энтузиазмом», само выражение которого свидетельствует о наличии «морального начала в человечестве». См.: Кант И. Спор факультетов // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 102. При этом проходят мимо тех относящихся к абсолютному запрету революций замечаний, которые Кант делает тут же, в том же параграфе, в котором речь идет об «отклике, граничащем с энтузиазмом»: «революци-

Самое вопиющее и наглядное нарушение данного запрета, осуществляющееся, так сказать, в чистом виде, – это революционный открытый суд над королем и его публичная казнь. Поэтому оно и есть «*crimen immortale*» – преступление «неизгладимое» и остающееся на веки веков⁴⁴. Суть дела тут, конечно, не в умерщвлении короля как таковом. Верховных властителей всякого рода, включая самых сакральных, в истории убивали сотнями (или тысячами?) и нередко – гораздо более жестоким образом, чем тот, каким казнили Людовика Капета (или до него в Англии – Карла I). Но все эти несчетные умерщвления «помазанников», «живых воплощений божества» и «носителей высшего разума» не оказывали ни малейшего воздействия на принцип «бессмертия королевского достоинства». Этот принцип можно было разбить только другим принципом, а не фактом убиения очередной августейшей особы – принципом суверенитета народа, который и выразил себя (если возвратиться к Сен-Жюсту) в казни (бывшего) короля как короля, а не короля как политика или частного лица, совершившего те или иные ошибки или злодейства⁴⁵. Утверждение суверенитета народа, т. е. действие из принципа, т. е. практика в высшем кантовском же понимании этого термина, делает для Канта суд над (бывшим) королем и его последующую казнь «*crimen immortale*». В этом и выражается непримиримый антагонизм кантовского либерализма и демократии.

Для Канта «демократия в собственном смысле слова неизбежно есть деспотизм, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного (который, следовательно, не согласен), стало быть, решают все, которые, тем не менее, не все, – это противоречие общей воли с самой собой и со свободой»⁴⁶ [Кант К вечному миру: 269–270]. Здесь речь идет именно об одной из ключевых характеристик современной демократии (а не о специфических дефектах, реальных или мнимых, древней полисной демократии): в ее рамках нет и не может быть «руссоистского» единодушия, любое решение (большинства) всегда принимается «против» кого-то, кто не согласен (меньшинства). Видеть в этом деспотизм и противоречие всеобщей воли самой себе можно лишь в том случае, если совершенно не понимать того (или сознательно игнорировать то), что всеобщая воля являет себя – в качестве «исчезающего посредника» – только в закладывании «исторического основания», в установлении формы государства, а отнюдь не в повседневном его функционировании, не в форме управления им, которая от этого отнюдь не обязательно становится «деспотической».

Но это-то демократическое (народное) закладывание демократического «исторического основания» и является для Канта, как мы знаем, «невозможным» и недопустимым. Поэтому он и девальвирует, сколь возможно, не только революцию, но и само понятие формы государства. Она оказывается у Канта «всего лишь буквой [*littera*] первоначального законода-

онный путь» всегда «несправедлив», нельзя требовать «другого правительства, кроме такого, в лице которого народ участвует в законодательстве», «благоразумный человек» никогда не решится на «эксперимент», подобный Французской революции, и т. д. Кстати говоря, сам «энтузиазм» в качестве аффекта «не заслуживает полного одобрения, ибо аффект как таковой достоин порицания». См.: Там же. С. 102–104. Но важнее другое: Кант с самого начала заявляет, что Французская революция не интересует его как реальное событие. Точнее, она есть для Канта событие воздействия на «образ мышления зрителей», т. е. на то, как мыслят те безучастные, посторонние наблюдатели, которые не делают и не собираются делать что-либо для того, чтобы как-то на деле повлиять на ход (и возможный исход) революции. Все, чем они занимаются, – это любование возвышенностью собственного «образа мышления». Я не могу себе представить, каким образом это можно считать свидетельством «более позитивного» отношения Канта к революции, которая ведь только и существует в действительности как «реальное событие».

⁴⁴ Тонкий и глубокий анализ кантовского «*crimen immortale*» в связи с производством «повествований о начале» см.: Žižek S. *For They Know Not What They Do*. L.; N.Y.: Verso, 2008. P. 203–209.

⁴⁵ Такое значение открытости и публичности процесса над Людовиком Капетом очень убедительно показал Майкл Уолцер. См.: Walzer M. *Regicide and Revolution* // *Social Research*. 1973. Vol. 40. No. 4. P. 617–642.

⁴⁶ Кант И. К вечному миру. С. 269–270.

тельства», и вообще «для народа несравненно важнее способ правления, чем форма государства ...»⁴⁷. Не допуская явления всеобщей воли в закладывании «исторического основания» демократического строя, Кант больше нигде ее не находит и поэтому отождествляет ее с волей власть имущих, какие уж они ни есть – и не «боговдохновенные», и со своими слабостями и ошибками ... Мы же, сколь бы нам «ни приходилось солоно» от того, что они творят, должны думать, что властители не хотят поступать с нами несправедливо, должны беспрекословно подчиняться им и уж в совсем крайнем случае покорнейше представлять им петиции и молить их приоткрыть глаза на наши страдания, не нарушая их покой дерзкой мыслью о том, что им и так все отлично известно⁴⁸. (А если нет, то их следует вышвырнуть еще быстрее как совершенно непригодных к государственной работе.)

И вот теперь – в свете вышесказанного – нам совсем просто ответить на вопросы о том, что такое «злой разум», «безусловно злая воля» и кто такие «дьявольские существа», само понятие которых не применимо к человеку. «Злой разум» – такой, который отказывается играть по правилам господствующего разума. «Безусловно злая воля» – такая, которая из принципа стремится вскрыть «историческое основание» существующей власти, отменить обеспечивающие его забывание и осуществляющие его переодевание «принципы практического разума» и утвердить новое «историческое основание» государства и общественного строя. «Дьявольские существа» – это демократы, которые делают демократию. В грандиозных ли исторических масштабах (нации, региона, мира), только ли на своем рабочем месте или в своей соседской общине, но именно делают ее, а не всего лишь участвуют в ритуалах, называемых власть имущими «демократическими» и призванных вновь и вновь подтверждать их право на власть и нашу покорность ей. И Кант, несомненно, прав в том, что такое понятие «дьявольских существ» не применимо к человеку, каким он представляет его себе, – к благонамеренному обывателю, считающему своим долгом подчиняться любой власти, которая существует «здесь и сейчас», и усматривающему в этом подтверждение своей высокой моральности.

Слегка перефразируя Ницше, можно сказать, что «дьявольское существо» – это недостаточно «выдрессированное животное»⁴⁹. Хотя, пожалуй, к нашему предмету лучше подходит другая мысль философа: «дьявольское существо» – это такое существо, которое стремится преодолеть «узкую, мелкогражданскую мораль» [Ницше 2000: 74-75] (благонамеренного обывателя) и выйти к более «свободной и высокой» морали общественного человека. Но именно к морали, в которой чистый долг, «долг ради долга» не может не занимать центральное место.

Однако в «Религии в пределах только разума» мы также читаем: «Признаюсь, что мне решительно не по вкусу употребляемые порой даже и очень умными людьми выражения: известный народ (в смысле введения узаконенной свободы) не созрел для свободы; крепостные помещика для свободы еще не созрели; и далее: для свободы веры люди вообще не созрели. Но, если исходить из подобных предположений, свобода никогда и не наступит, ибо для нее нельзя созреть, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть свободным, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе). Первые попытки бывают, конечно, вполне неумелыми и обыкновенно сопровождаются большими затруднениями и опасностями, чем те, которым подвержен человек, не только подчиняющийся другим, но и состоящий на их попечении; однако для пользования своим разумом созревают не иначе как в результате собственных усилий (но чтобы предпринять их,

⁴⁷ См.: Кант И. Метафизика нравов ... С. 267; Кант И. К вечному миру. С. 270.

⁴⁸ См.: Кант И. О поговорке ... С. 89, 95.

⁴⁹ См.: Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 440.

нужно быть свободным). Я не имею ничего против, если власти, вынуждаемые обстоятельствами момента, будут отодвигать освобождение от этих трех оков весьма и весьма далеко. Но превращать в принцип то положение, что для подчиненных им людей свобода вообще не годится и поэтому справедливо постоянно отдалять их от нее, – это уже вторжение в сферу власти самого божества, которое создало человека для свободы» [Кант 1980: 262–263].

Что это? Еще один парадокс и без того пронизанного парадоксами сочинения? Люди сами обучаются свободе на собственном опыте? И обучаться ей, или «созревать» для нее, они могут, лишь уже будучи свободными, т. е. находясь в «условиях свободы»? Получается, как кажется, совсем уж невозможный парадокс: надо быть свободным для того, чтобы стать свободным (научиться «целесообразно пользоваться своими силами на свободе»).

Вся (возможно, лишь кажущаяся) парадоксальность этой формулировки состоит в том, что в обоих случаях – «быть» и «становиться» – речь идет именно об «эмпирической» свободе, т. е. о свободе человека в конкретных обстоятельствах и относительно их (в обстоятельствах крепостной зависимости, притеснений на религиозной почве, авторитарного режима, отказывающегося вводить «узаконенную свободу», и т. д.). Если бы в одном из этих случаев речь не шла об «эмпирической» свободе, то мы, вероятно, не заметили бы парадокса или приняли бы его за хорошо нам известное из всех трех кантовских «Критик» соотношение некоего варианта «чистой» свободы («трансцендентальной свободы» чистого разума, «моральной свободы», тождественной исполнению долга, практического разума и т. д.) и свободы «эмпирического» поступка.

При соотношении «чистой» свободы и свободы «эмпирического» поступка «быть свободным» тоже оказывается условием для того, чтобы «становиться свободным» (в поступке). Но парадокс при этом не возникает именно потому, что «быть свободным» – в отличие от «становиться свободным» – не принадлежит действительности, а остается нормативным предписанием или, в случае чистого спекулятивного разума, условием избегания регресса в бесконечность при попытке мыслить совокупность явлений. Однако и в том, и в другом случае – и когда «быть свободным» и «становиться свободным» принадлежат «эмпирической» действительности, и когда одно из них относится к сфере умопостигаемого, а другое – к чувственно воспринимаемому миру – сохраняется общее представление о том, что свобода может возникать только из свободы, что необходима «причинность свободы» (если использовать понятие «Критики чистого разума») [Кант 1994: 327] для того, чтобы был возможен свободный поступок или происходило наше становление в качестве свободных существ.

Однако если в «Критиках» «быть свободным» во времени, т. е. в истории, действительности людей и т. д., совершенно невозможно и даже немислимо, то в процитированном выше фрагменте «Религии» «быть свободным» перемещается в лоно времени и вследствие этого вступает со «становиться свободным» в совершенно новые (по сравнению с «Критиками») исторические и функциональные связи. Эти связи и выявляют необходимую сопряженность свободы со злом. Более того, их понимание позволяет свести вместе две пропозиции Канта, которые, начиная с Введения, были предметом наших размышлений: «зло возможно по законам свободы» и «история свободы [начинается] со зла»⁵⁰.

В самом деле, во времени истории, в историческом времени «быть свободным» в качестве условия «становиться свободным» может означать только стремиться к освобождению от того, что идентифицировано как «несвобода». «Быть свободным» существует здесь не как факт наличного бытия (таким фактом свобода вообще не может стать), но как деятельное стремление⁵¹, которое тоже есть часть действительности, только понятой не абстрактно в качестве ставшего, а конкретно и диалектически – в качестве становления. Но такое стремле-

⁵⁰ Кант И. Религия ... С. 106; Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 79.

ние может порождаться – в качестве необходимого, но еще не достаточного условия – только некоторым злом, только тем, что признано несвободой.

В этом смысле, конечно же, «история свободы» может начинаться (и каждый раз на каждом новом этапе истории возобновляться) только со зла, и с точки зрения статус-кво, скрепой или стеновым хребтом которого является данное зло, сама свобода, протестующая против него, неизбежно предстанет злом. Поскольку в историческом времени – в отличие от умопостигаемого мира, в котором существует чистая идея свободы, – свобода начинается с несвободы (так же как справедливость – с несправедливости, равенство – с неравенства и т. д.)⁵², кантовская пропозиция о генетической связи свободы и зла верна.

Но мы сказали, что зло в качестве генеалогической причины свободы является ее необходимым, но еще не достаточным условием. Таковым может быть только решение противостоять злу, отменить его каузальность в отношении меня или нас посредством освободительного действия, которое само выступит причиной новой серии событий в реорганизованной действительности. Такое действие будет «свободной причинностью» в отношении мира, каким он был раньше, поскольку каузальная схема этого мира меняется освободительным действием – оно вызвано этой схемой (и потому никак не является беспричинным), но оказывается противодействием ей и ее отрицанием. Старая каузальность мира обращается событием освободительного действия против себя самой, саму себя подрывает и упраздняет и тем самым «запускает» новую каузальность, не «выводимую» из прежней по законам ее собственной логики⁵³.

Так по «законам свободы» совершается зло в отношении наличной формы бытия, и если эту форму бытия отождествлять с бытием как таковым или с единственно разумной формой бытия, то творимое освободительным действием зло предстанет абсолютным или абсолютно невозможным для человека злом – «мятежом» против морали как таковой. Вопрос о морали, причем о морали именно кантовского типа, морали безусловного исполнения долга, встает именно при объяснении того, как формируются и что делает возможными такие решения о начале освободительного действия или участия в нем, которые вводят «причинность свободы» в историю.

Насколько такой подход к постижению и осмыслению свободы, отправляющийся от освободительных практик человека и учитывающий роль, которую в них играют формальные и «внеисторические» моральные принципы, а не от идеи свободы, отождествленной

⁵¹ Суть деятельного стремления определяется переходом, пользуясь выражением Альбера Камю, от умозрительной «формулы “нужно было бы, чтобы это существовало” к формуле “я хочу, чтобы было так”» (Камю А. Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 128).

⁵² Производность свободы от несвободы в качестве общего генеалогического «принципа» свободы верна лишь для современного мира, в который «для-себя-сущая свобода» уже исторически «введена». Там и тогда, где и когда свобода предстает, как писал Гегель, «еще как нечто природное», как некое специфическое и естественным образом данное состояние (данное обстоятельствами рождения, богоизбранностью или чем-то иным в этом духе), свобода и несвобода противостоят друг другу как всего лишь застывшие противоположности, не заключающие в себе динамики возникновения (новой) свободы из наличной несвободы. См.: Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. § 433, 482. М.: Мысль, 1977. С. 245, 324.

⁵³ Конечно, в исторической действительности старая каузальность никогда не может быть отменена полностью, «старый мир» никогда не бывает разрушен «до основания», а новая каузальность и «новый мир» есть в лучшем случае лишь реорганизация элементов и форм, унаследованных от прошлого, отчасти поставленных в новые соотношения друг с другом. Весьма целесообразно не только исследования революций, но и философские рассуждения о «причинности свободы» начинать с воскрешения в памяти первых абзацев Предисловия к книге Токвиля «Старый порядок и революция», в которых он описывает то, как самое радикальное отрицание прошлого, которым была Французская революция, осуществилось посредством старых «привычек и идей» и привело к строительству «здания нового общества» именно из материала «старого общества». См.: Токвиль А. де. Старый порядок и революция. СПб.: Алетей, 2008. С. 5 и далее.

с исполнением этих принципов и потому не нуждающейся в самостоятельном исследовании, соответствует или не соответствует «духу» и логике кантовской философии?

Ближе к концу так называемого докритического периода философского развития Канта он обнаруживает себя на развилке, которая с удивительной ясностью описана в известном его письме Моисею Мендельсону от 8 апреля 1766 г. Центральная задача философии, как ее понимает в то время Кант (или какой он воспринимает ее от предшествующей философии), состоит в том, чтобы ответить на вопрос, «каким образом душа может находиться в мире». По существу это вопрос о «первоначальной» причине действия, причем именно «внешнего» действия на мир, естественно, включающий вопрос о «рецептивности», о том, как воспринимается мир этим действующим началом. И тут обнаруживаются проблемы.

С одной стороны, Канту ясно, что для ответа на этот главный философский вопрос нужны «данные», без которых мы не можем даже приступить к его исследованию. Но такие данные собрать невозможно, ведь «мы не располагаем никаким опытом, на основе которого мы могли бы познать такой субъект в различных отношениях, которые единственно только и были бы пригодны к тому, чтобы раскрыть его внешнюю силу или способность ...» [Кант 1964: 366]. С другой стороны, казалось бы, можно было надеяться на мощь и помощь априорных суждений разума, способных раскрыть «силы духовных субстанций». Но такая надежда, уверен Кант, иллюзорна. Все, что не дано в опыте, может быть только вымыслено. Вымысел не может служить доказательством чего-либо. Сама мыслимость чего-либо, пусть она обосновывается невозможностью доказать немыслимость мыслимого предмета, «есть только мираж ...» [Там же: 366-367]⁵⁴. (Каково читать это в свете тех доказательств мыслимости свободы невозможностью демонстрации ее немыслимости, которые мы обнаруживаем в первой и второй «Критиках»?) Специфика кантовской развилки, отображенной в данном письме Мендельсону, состоит в том, что оба пути – так сказать, «эмпирический» и «априористский», между которыми Канту приходится выбирать, закрыты или, как он считает, ведут в никуда. А третьего пути, скажем пути «исторического праксиса», он не мог себе представить. Или этот путь вообще был тогда непредставим и стал представимым только на основе того, что сделал Кант (и что сделала сама история).

Как бы то ни было, Кант в конечном счете выбирает «априористский» путь, осмысленный им позднее как путь критики априоризма старой метафизики⁵⁵. Но стратегические цели, обозначенные в письме Мендельсону, не изменились: центральной задачей философии осталось понять, как возможна свобода в качестве «первопричины» действия человека в мире и его воздействия на мир (иными словами, «каким образом душа может находиться в мире»). Только в «критический» период Канту показалось, что ответ на этот вопрос требует некоторой пропедевтической работы, некоторой критики чистого разума, одной из главных задач которой и является формирование идеи свободы (на уровне чистого разума). На основе этой идеи и благодаря ей можно будет потом рассмотреть и понять то, как человек в «эмпирическом», т. е. действительном, мире способен практиковать свободу. Именно это определило порядок, в котором Кант построил свои главные философские вопросы: 1. «Что я могу знать?» 2. «Что я должен делать?» 3. «На что я могу надеяться?»⁵⁶.

⁵⁴ Там же, С. 366-367.

⁵⁵ Но и применительно к кантовской «коперниковской» революции мы видим справедливость общего вывода Токвиля, касающегося всех революций, о том, что совершаемый ими разрыв с прошлым всегда коррелирует с сохраняемой ими преемственностью с прошлым и обусловлен последней (см. примеч. 6 на с. 253). Что это конкретно значит в случае «двусмысленного» отношения кантовской «критики» к старой метафизике, убедительно показывает Карл Америкс. См.: Ameriks K. *The Critique of Metaphysics: Kant and Traditional Ontology* // *The Cambridge Companion to Kant* / P. Guyer (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

⁵⁶ См.: Кант И. Критика чистого разума. С. 471.

Само по себе в высшей мере примечательно и показательно то, что ответом Канта на третий и самый важный вопрос о надежде (об иерархии значимости этих вопросов мы говорили в первой главе книги) является, как известно, соответствие счастья и (исполнения) долга, а отнюдь не свобода. Это довольно странный ответ. С одной стороны, он удручающе беден содержанием – ведь счастье есть всего лишь «абстрактная всеобщность содержания» (Гегель), а долг, соотносимый с этой пустой абстракцией, остается пустым формализмом. Совершенно непонятным является то, каким образом «единичность», которая всегда определена и конкретна, т. е. данный «эмпирический» человек, вообще может иметь предметом своей надежды такую абстракцию и пустоту.

С другой стороны, поскольку счастье, соразмерное с исполнением долга, все же как-то соотносится с данным, этим «эмпирическим» человеком, превращается в его надежду, оно не может не приобретать значения свободы. Только собственное разумное самоопределение, которое и есть свобода, может установить «законную» меру соответствия счастья и исполнения долга в качестве именно его, данного человека, надежды, т. е. того, что объемлет его конкретное понимание счастья и соотносит это счастье с положенным им определением долга как универсального, всеобщего принципа отношения к другим людям и к самому себе. Свобода и есть единственная (Гегель скажет – «бесконечная») определенность отношения единичного и всеобщего (всеобщего проявления единичности и единичного воплощения всеобщности). Именно эта определенность только и может быть универсальной надеждой конкретного человека, сообщающей всем его другим особенным надеждам нравственную определенность, без которой они будут либо пустыми абстрактными мечтаниями, либо проявлениями грубого эгоизма.

Но такой путь рассуждений Канту заказан, поскольку на уровне его общефилософской схемы, где формулируются три главных вопроса философии и устанавливается их порядок, свобода предстает всего лишь идеей, которая является априорным условием, а не практическим (в смысле принадлежности историческому праксису) результатом их решения. Решением же третьего, важнейшего вопроса о надежде, соответствующим абстрактности идеи свободы как условия его решения, становится абстрактность счастья, соразмерного с исполнением формального и пустого долга.

Но что, если мы будем отправляться при рассмотрении трех главных вопросов философии не от абстрактной идеи свободы, а от конкретной практики освобождения – в духе того, что предполагается приведенной в начале Заключения выдержкой из «Религии в пределах только разума»? Тогда, вероятно, первым, на что мы обратим внимание, будет как раз надежда. Ни одна практика освобождения невозможна без надежды как ее ориентира и основания, причем именно без надежды на свободу (а отнюдь не на согласие счастья с исполнением долга как таковое). Тогда нам придется перестроить кантовский порядок главных философских вопросов: «на что я могу надеяться?», оставаясь важнейшим для человека, станет первым в их ряду, определяя горизонты того, «что я могу знать?» и «что я должен делать?». Изменить необходимо и направленность поисков ответов на два последних вопроса, обозначаемых Кантом как «спекулятивный» и «практический». Само их изучение предстанет уже не пропедевтической работой, предваряющей «прагматику», а ее, «прагматики», следствием и духовно-теоретической формой осуществления.

Конечно, при таком подходе «надежда», как и считал Эрнст Блох, выдвинется в центр философии. Будучи материалистически и диалектически осмысленной, она предстанет «не только ключевой характеристикой сознания человека, но и ... важнейшим определением действительности как целого» (в качестве ориентированного и вдохновленного надеждой дея-

тельного стремления к реализации возможности как «ещене-ставшего»⁵⁷. Более того, такое перемещение «надежды» в центр философии делает возможным реконцептуализацию и действительности (в качестве «становления без predetermined финала» вместо «уже ставшего»), и разума (в качестве участника становления вместо созерцателя мира явлений (и самого себя)). Очевидно, что при такой реконцептуализации существенно меняются (по сравнению с кантовскими) представления как о границах познания и познавательных способностях разума, так и о «природе» долженствования в качестве мотива (нравственно доброго) поступка. И главным направлением таких изменений будет их историоризация и демонстрация их обусловленности практикой как праксисом⁵⁸.

Обесценивают ли все эти изменения, вызванные перемещением «надежды» в центр философии, ядро кантовской «метафизики нравственности» – учение о постулатах практического разума, моральном законе, формализме долга и безусловности его исполнения? (Мы ставим этот вопрос применительно к критике практического, а не спекулятивного разума потому, что именно первая постоянно находилась на переднем плане наших рассуждений, а также потому, что ядро критики чистого разума, понятое как объяснение «конструктивистской» активности разума в отношении действительности человека, очевидным образом является необходимым и ключевым элементом той философии, которая центрирована на «надежде» и «антиципирующем сознании».) Иными словами, совместим ли последовательный историзм, распространяющийся на сам разум и формы и способы его участия в действительности, с фундаментальными принципами кантовской чистой моральной философии?

Выводы, к которым призвана подвести эта книга, следующие. Нет, историзм не обесценивает ядро кантовской практической философии, если только к нему не причислять отождествление свободы с безусловным исполнением долга как таковым, т. е. независимо от того, является ли оно нравственной составляющей практик освобождения или механизма воспроизводства статус-кво. Да, последовательный историзм не только совместим с фундаментальными принципами кантовской чистой моральной философии, но и невозможен без них. В завершение нашей работы резюмируем аргументы, подкрепляющие эти выводы.

Невозможна никакая освободительная практика, не обоснованная должным и в качестве должного. Это должное не только не выводимо из каких-либо данных «опыта» – оно

⁵⁷ См.: Bloch E. *The Principle of Hope*. Vol. 1 / transl. N. Plaice et al. Cambridge (MA): MIT Press, 1986. P. 7.

⁵⁸ Здесь не место разбирать, как такие изменения и реконцептуализации осуществляются самим Блохом. Отмечу лишь то, что многие его решения – именно с точки зрения историзма и обусловленности разума и форм действительности конкретным ходом праксиса (практиками освобождения) – не представляются удовлетворительными. Складывается ощущение, что у Блоха действительность как-становление и разум-как-участник-становления есть нечто вроде философских истин вообще, противостоящих заблуждениям, изображающим действительность в качестве ставшего, а разум – в качестве ее созерцателя. Конечно, в некоем тривиальном смысле Блох прав в целом: не бывает столь застывшей действительности, в которой что-то как-то не менялось бы, поэтому и ее можно описать как «становление». Равным образом и самый созерцательный и «отрешенный от мира» разум как-то, даже стремясь избежать этого, «участвует» в происходящем в мире. Но тривиальная правильность таких умозаключений затемняет принципиальную разницу между эпохами становления мира как сознательно-активного «творения истории» некоторыми народными формациями, превратившимися на время в субъектов политической деятельности, и гораздо более продолжительными эпохами «конца истории», в которые она принимает форму эволюции, происходящей именно по законам ставшего (пусть и при «незаметном» накоплении «побочных эффектов», потенциально способных в неопределенном будущем пустить ее под откос). Для таких эпох господства ставшего созерцательный разум адекватен, сколь бы это ни удручало социальных и философских критиков и как бы они ни изобличали его «абстрактность» и его мнимую «вневременную» природу. Но именно такой «абстрактный» и «вневременной» созерцательный разум (не перестающий быть таковым вследствие иногда обнаруживаемой им склонности к социальной инженерии) есть практически истинный разум «абстрактных» эпох «окончившейся» (до поры до времени) истории. И в этом – суть трагедии диалектических социальных и философских критиков в такие эпохи.

требует того, чего нет и не может быть в наличном мире, каков он есть, и потому является «априорным» по отношению к нему. «Априорность» такого должного неотделима от его универсальности, проявляющейся в двойном смысле. Во-первых, универсальность должного выступает его способностью представить любое присущее наличной действительности содержание как всего лишь нечто особенное, не имеющее права на существование в себе самом и не могущее разумно противостоять всеобщему требованию освободительного должного. Именно в этой логике, к примеру, требование «свободы – равенства – братства» Французской революции редуцировало к особенному, к укоренившемуся историческому предрассудку «божественное право короля», привилегии двух первых сословий и саму сословность, католическое воцерковление Франции и многое другое из подлинных столпов «старого порядка».

Во-вторых, универсальность должного выражается в формировании «всех», для кого его требования обязательны и кто вследствие признания их обязательными причисляется ко «всем» разумным и нравственным существам. Конечно, формирование «всех» предполагает проведение границы, по ту сторону которой оказываются неразумные, безнравственные или как-то иначе этически негативно квалифицированные существа (те, кто не подчиняется очевидному и бесспорному моральному долгу). Должное всегда делит и разделяет, а также устанавливает определенное отношение между разделенными «всеми» и противоположными им «иными»⁵⁹. Но в случае освободительной практики именно так осуществляется первостепенной важности политическая функция нравственного очерчивания границ противостоящих лагерей и нравственной мобилизации сторонников «правого дела», становящихся – благодаря универсальности должного – «всеми» (скажем, «людьми доброй воли»).

Однако долженствованию освободительного должного неизбежно присуща и абсолютность, т. е. его признание предполагает «безусловность» (в строгом кантовском смысле) подчинения ему. Любая релятивизация долга, любое обусловливание его исполнения наличием некоторых «эмпирических» обстоятельств, тут же превращающее «категорический императив» в «гипотетический», имеет своим политическим эквивалентом замену радикальной эмансипации оппортунизмом, т. е. (используем применявшиеся ранее термины – см. примеч. 12 на с. 258) продолжение эволюции как противоположности «творимой истории».

Таким образом, понимание освободительных практик, как и их осуществимость «на деле», предполагает принятие долга именно в строгой кантовской его трактовке, т. е. как «априорного», чисто формального (пустого), универсального и абсолютного, и без такого принятия по-кантовски осмысленного долга революционное трансцендентирование наличной действительности окажется немислимим. То же самое можно сказать и о кантовской идее постулатов, «расширяющих» практический разум до включения в него предметов наших надежд. Они, конечно, не обязаны совпадать с кантовской троицей Бога, бессмертия и свободы, которая – с учетом специфики кантовских отношений между ее ипостасями – годится именно для слабых людей, чье участие в радикальных освободительных проектах, характерных для Современности, наименее вероятно.

⁵⁹ В той мере и постольку, в какой и поскольку свобода становится нравственно должным, а это происходит именно в условиях Современности, на нее переносится свойство делить и разделять. Свобода, пишет Зигмунд Бауман, «...отнюдь не принадлежность, не достояние самого индивида, а свойство, связанное с определенным различием между индивидами ... она имеет смысл лишь в оппозиции какому-то иному состоянию, прошлому или нынешнему». Соответственно, «свобода родилась как привилегия и с тех пор всегда ею оставалась. Свобода делит и разделяет» (Бауман З. Свобода. М.: Новое издательство, 2006. С. 20, 22). Однако нужно уточнить, что досовременная свобода не столько сама «делила и разделяла», сколько являлась следствием (вспомним Гегеля) «природных» (уже данных, наличных) различий и разделений. Самостоятельную способность «делить и разделять» свобода получает от мира, в котором она признана в качестве должного, и в этом тоже проявляется нераздельность свободы и зла.

Историзм – в отличие от историцизма с его пафосом релятивизации всего и вся – призван выяснить именно то, каким образом в определенные периоды истории «возникает» представление об «априорном», формальном, универсальном и абсолютном долге – в смысле актуализации идеи такого долга, «всегда» присутствующей в арсенале культуры, прошедшей хоть какое-то «обучение» в школах стоицизма и скептицизма. Более того, историзму следует понять, каким образом идея такого долга в действительности становится существенным моментом политических и культурных практик, выступает, если использовать выражение Блоха, в качестве «априори политики и культуры», которые, конечно же, всегда принадлежат «эмпирическому» миру и так или иначе формообразуют его⁶⁰.

Суть задачи, следовательно, состоит не в том, чтобы показать «реальную» обусловленность (исполнения) долга «эмпирическими» обстоятельствами, тем самым релятивизируя его и сводя его к статусу «гипотетического императива», а, напротив, в том, чтобы выявить, как такие «эмпирические» обстоятельства вызывают к жизни именно «априорный», формальный, универсальный и абсолютный долг, как они создают реальную потребность в нем и как он реально удовлетворяет эту потребность. То, как он это делает, вносит свою лепту в закладывание новых оснований новых жизненных миров, и эти основания сохраняют для этих миров (покуда они существуют) значение абсолютного.

Историзм определяется в его отличиях от историцизма именно способностью не просто увидеть присутствие абсолютного в потоке относительного, но и понять абсолютное в качестве условия и основания относительного. А это, говоря об условиях Современности, невозможно сделать без понимания той роли, которую формализм сознания играет в организации материи жизни в целом, а формализм долга – в установлении абсолютных оснований (разных видов) человеческого общежития в частности.

Скажем так: историоризация формального долга историзмом заключается не в показе мнимости его формализма и в выявлении его (будто бы) неизбежной отягощенности некоторыми конкретно-историческими содержаниями. Она состоит в раскрытии того, как такие содержания «исключаются» освободительными практиками, как это «исключение» «опустошает» моральный долг, конституируя его в качестве пустого и формального, и как произведенный таким образом формальный долг участвует в освободительных практиках, вновь отягощаясь благодаря им, их успехам и завоеваниям новыми конкретно-историческими содержаниями⁶¹.

И последнее замечание. Историзм может сохранить себя только в том случае, если он избегает рассмотрения любого возможного институционального порядка в качестве «окончательной» объективации свободы, в качестве законченного (хотя бы в своих основаниях и в ключевых принципах своего *modus operandi*) разумно-нравственного устройства общества, в котором, как говорит Гегель, «свобода имеет место как наличная необходимость», как уже ставший «объективный дух»⁶².

«Свобода как наличная необходимость» и есть формула примирения субъективной воли и объективного мира (в качестве ее продукта). В отношении такого осуществившегося примирения новые освободительные практики невозможны, и субъективная воля, ощущающая в них потребность и выражающая «недовольство существующим строем», предстанет всего лишь «предоставленной на произвол судьбы обособленностью», которая остается «во власти условий природы, каприза и произвола». Более того, хотя такая «обособленная» субъек-

⁶⁰ См.: Bloch E. *The Spirit of Utopia* / transl. A.A. Nassar. Stanford (CA): Stanford University Press, 2000. P. 278.

⁶¹ Сходное с этим рассуждение Славоя Жижека, повлиявшее на мой подход к данному вопросу, см.: Žižek S. *Class Struggle or Postmodernism? Yes, please* // Butler J., Laclau E., Žižek S. *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. L.; N.Y.: Verso, 2000. P. 111 ff.

⁶² См.: Гегель Г.В.Ф. *Энциклопедия философских наук*. Т. 3. § 385. С. 32.

ективная воля, конечно, создаст «всевозможные запутанные положения», она обязательно найдет «выход их них», который, само собой, может быть выходом только к примирению со ставшей необходимостью свободой установившегося разумно-нравственного порядка⁶³.

Историзм должен историзировать и такую (мнимо) «окончательную» объективацию свободы, чтобы не быть отосланным в тот «предбанник» истории, в котором она только готовится к вступлению в фазу совершенства и истины. И сделать это он может, только восстановив право субъективной воли критиковать объективность (претендующую на «окончательность» и совершенство) с позиции универсального и абсолютного должного, а не всего лишь под влиянием «природы и каприза», т. е. показывая такую критику как движение свободы, а не явление произвола. А для этого историзму придется показать то, как долг может вновь «опустошаться» исключением из него исторических содержаний, характерных для данного очередного «конца истории», как он опять становится кантовским формальным долгом и в этом качестве еще раз находит свое применение в освободительных практиках.

Воистину, оставаясь по своей природе «гегелевским», историзм не может обойтись без Канта, без «априоризма» и формализма его этики в первую очередь, если он желает избежать самоубийства в гегелевском «конце истории». Как пишет Блох, нужно позволить «Канту проплыть сквозь Гегеля: “я” должно оставаться во всем. Хотя оно может вначале экстерниоризировать себя во всем, оно должно звучно пройти сквозь все для того, чтобы взломать мир, делая его открытым ... и это должно быть именно желающее и требующее “я”. Еще не укорененный постулируемый мир его априори есть самый прекрасный плод [философской] системы и ее единственная цель, и поэтому Кант, в конце концов, стоит выше Гегеля ...» [Bloch 2000: 187].

Парадокс этого необходимого «проплавления» Канта сквозь Гегеля состоит, конечно, в том, что оно предполагает снятие кантовской печати запрета с «мятежа против морали», т. е. нечто вроде высвобождения кантовского формализма от наложенных на него самим Кантом вериг. Будучи избавленным от них, кантовский формальный долг вступает в ту игру с добром и злом, которая осуществляет его историоризацию и показывает, каким образом он в действительности становится условием свободы.

Алексеев-Попов В.С. 1969. *О социальных и политических идеях Руссо // Руссо Ж.-Ж. Трактаты.* – М.: Наука.

Аристотель. *Политика. 1260 а // Аристотель. Сочинения: в 4 т.* – Т. 4. – М.: Мысль. – 1983.

Бауман З. 2006. *Свобода.* – М.: Новое издательство.

Гегель Г.В.Ф. 1977. *Энциклопедия философских наук.* – Т. 3. – М.: Мысль.

Камю А. 1990. *Бунтующий человек // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство.* – М.: Политиздат.

Кант И. 1966. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: в 6 т.* – Т. 6. – М.: Мысль.

Кант И. *К вечному миру // Кант И. Сочинения: в 6 т.* – Т. 6

Кант И. 1965. *Критика практического разума // Кант И. Сочинения: в 6 т.* – Т. 4. – Ч. 1. – М.: Мысль.

Кант И. 1994. *Критика чистого разума.* – М.: Мысль.

Кант И. 1965. *Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Сочинения: в 6 т.* – Т. 4. – Ч. 2. – М.: Мысль.

⁶³ См.: Там же. § 539. С. 355.

- Кант И. 1994. О мнимом праве лгать из человеколюбия / Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 8. – М.: Чоро.
- Кант И. *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»* // Кант И. Сочинения: в 6 т. – Т. 4. – Ч. 2.
- Кант И. 1964. *Письмо Моисею Мендельсону 1766 г.* // Кант И. Сочинения: в 6 т. – Т. 2. – М.: Мысль.
- Кант И. 1980. *Религия в пределах только разума* // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука.
- Кант И. 1994. *Спор факультетов* // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 7. – М.: Чоро.
- Канторович Э. 2014. *Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии.* – М.: Изд-во Института Гайдара.
- Ницше Ф. 1990. *К генеалогии морали* // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль.
- Ницше Ф. 1996. *О пользе и вреде истории для жизни* // Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль.
- Ницше Ф. 2000. *Утренняя заря* // Ницше Ф. *Утренняя заря. Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре». Переоценка всего ценного. Веселая наука.* – Минск. – М.: Харвест – АСТ.
- Токвиль А. де. 2008. *Старый порядок и революция.* – СПб.: Алетейя.
- Шмитт К. 2010. *Учение о конституции (фрагмент)* // Шмитт К. *Государство и политическая форма / пер. О. Кильдюшова.* – М.: Изд. дом ВШЭ.
- Юм Д. 1996. *О первоначальном договоре* // Юм Д. Сочинения: в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль.
- Agamben G. 2005. *State of Exception / transl. K. Attell.* – Chicago: University of Chicago Press.
- Ameriks K. 1996. *The Critique of Metaphysics: Kant and Traditional Ontology* // *The Cambridge Companion to Kant / P. Guyer (ed.).* – Cambridge: Cambridge University Press.
- Aquinas Thomas St. 1949. *On Kingship. To the King of Cyprus (49) / transl. G.B. Phelan.* – Toronto: The Pontifical Institute of Medieval Studies.
- Beck L.W. 1971. Kant and the Right of Revolution. – *Journal of the History of Ideas.* – Vol. 32. – No. 3.
- Beck L.W. *Kant and the Right of Revolution.*
- Birch F. 1937. *This Freedom of Ours.* – Cambridge: Cambridge University Press.
- Bloch E. 1986. *The Principle of Hope. Vol. 1 / transl. N. Plaice et al.* – Cambridge (MA): MIT Press.
- Bloch E. 2000. *The Spirit of Utopia / transl. A.A. Nassar.* – Stanford (CA): Stanford University Press. – P. 278.
- Bloch E. *The Spirit of Utopia.* – P. 187.
- Foucault M. 1981. *Is It Useless to Revolt? – Philosophy and Social Criticism.* – Vol. 8. – No. 1.
- Hancock R. 1975. *Kant and Civil Disobedience.* – *Idealistic Studies.* – Vol. 5. – No. 2.
- Hill Th.E., Jr. 2002. *Questions about Kant's Opposition to Revolution.* – *The Journal of Value Inquiry.* – Vol. 36. – Nos. 2–3.
- Hume D. 1985. *Of the Independency of Parliament* // Hume D. *Essays Moral, Political, and Literary / E.F. Miller (ed.).* – Indianapolis: Liberty Fund. – P. 42.
- Korsgaard Ch.M. 1997. *Taking the Law into Our Own Hands: Kant on the Right to Revolution* // *Reclaiming the History of Ethics. Essays for John Rawls / A. Reath et al. (eds).* – Cambridge: Cambridge University Press.

Letter to Johann Erich Biester. April 10, 1794 // Kant I. Correspondence / A. Zweig (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press. – 1999.

Lüsebrink H.-J., Reichardt R. 1997. *The Bastille: A History of a Symbol of Despotism and Freedom. Bicentennial Reflections on the French Revolution / transl. N. Schürer.* – Durham (NC): Duke University Press.

McNeil G.H. 1953. The Anti-Revolutionary Rousseau. – *The American Historical Review.* – Vol. 58. – No. 4.

Nicholson P. 1976. Kant on the Duty Never to Resist the Sovereign. – *Ethics.* – Vol. 86. – No. 3.

Raëff M. 1975. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt of a Comparative Approach. – *The American Historical Review.* – Vol. 80. – No. 5.

Regicide and Revolution. Speeches at the Trial of Louis XVI / M. Walzer (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press. – 1974.

Reiss H.S. 1956. Kant and the Right to Rebellion. – *Journal of the History of Ideas.* – Vol. 17. – No. 2.

Shklar J.N. 1998. *Rereading The Social Contract // Shklar J.N. Political Thought and Political Thinkers / S. Hoffmann (ed.).* – Chicago: University of Chicago Press.

Skogly S.I. 2011. *Extraterritoriality: Universal Human Rights without Universal Obligation // Research Handbook on International Human Rights Law / S. Joseph, A. McBeth (eds).* – Cheltenham (UK): Edward Elgar. – P. 71–96.

Taylor R.S. 2012. *The Progress of Absolutism in Kant's Essay What is Enlightenment? // Kant's Political Theory / E. Ellis (ed.).* – University Park (PA): Penn State University Press.

Walzer M. 1973. Regicide and Revolution. – *Social Research.* – Vol. 40. – No. 4.

Weber M. 1978. *Economy and Society / G. Roth, C. Wittich (eds).* – Berkeley (CA): University of California Press. – P. 1148.

Žižek S. 2000. *Class Struggle or Postmodernism? Yes, please // Butler J., Laclau E., Žižek S. Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left. L.* – N.Y.: Verso.

Žižek S. 2008. *For They Know Not What They Do. L.* – N.Y.: Verso.

О БЕЛЫХ ПЯТНАХ В ИСТОРИИ ЭСТЕТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ: ВЛИЯЛА ЛИ ТРАДИЦИЯ ЭПИКУРЕИЗМА НА КАНТОВСКУЮ «КРИТИКУ ВКУСА»?

Н.А. Хренов

Государственный институт искусствознания
Министерства культуры РФ

Аннотация: Статья посвящена выдающемуся немецкому философу XVIII века Иммануэлу Канту и приурочена к 300-летию со дня его рождения. Она написана на основе доклада, прочитанного на состоявшемся Круглом столе «Рецепция культурфилософских идей И. Канта в гуманитарном дискурсе», организованного в рамках юбилейного Международного конгресса «Мировое понятие философии» в 2024 году в Калининграде. Оценка философии Канта, являющегося одним из самых известных лидеров мировой философии, зависит от того, как сегодня понимается предмет философии. Иначе говоря, является ли философия наукой? Кант известен как реформатор философии, за что его называли «Коперником» в философии. Смысл проводимой им реформы заключается в том, чтобы философия ассимилировала достижения, что в XVIII веке имели место в естественных науках, т. е. в эпоху величайшего подъема в этих науках. Собственно, достижение этой цели превращало философию в одну из наук, использующей также строгую методологию. Таким образом, кантовская реформа философии могла прочитываться как манифест позитивизма. Именно так можно прочесть первую из его знаменитых «Критик», а именно, «Критику чистого разума». Однако если так смотреть на дело, то становится не совсем ясно, почему тот же Кант делает значительный вклад в возникновение в XVIII веке и становление новой гуманитарной науки, а именно, эстетики. Свои идеи этого рода он изложил в последней, т. е. в третьей «Критике», известной как «Критика способности суждения». А вот этот труд уже совершенно далек от позитивистского духа и ориентирован на осмысление тех явлений, которыми занимаются гуманитарные науки. Это обстоятельство диктует смотреть на предмет философии иначе, а именно, рассматривать философию как основу мировоззрения. На альтернативной Канту позиции по отношению к философии стоят такие философы, как Шопенгауэр, Шеллинг, Бергсон, Бердяев и другие, не придерживающиеся точки зрения, согласно которой философия является наукой. Но и философия античности, начиная с Сократа и Платона, тоже далека от позитивистских установок. Альтернативное понимание философии в XX веке выражает также М. Хайдеггер, который, возвращаясь к Канту, подчеркивает, что предметом философии является человек и его существование в мире. Для доказательства этой идеи автор статьи обращается к античной философии, стараясь обнаружить среди древних философов идеи, близкие именно такому мировоззренческому пониманию философии. В статье убедительно и, пожалуй, впервые в отечественной

науке показано, что традиция гедонизма, которая в кантовском понимании эстетики является основополагающей, – это традиция, возникшая еще в античной философии, а именно, в философии Эпикура. Правда, Эпикуру не повезло. Практически из его многочисленных сочинений мало что сохранилось, между тем, созданная им философская школа в античности была одной из самых популярных. Эпикур был забыт и, более того, проклят. Эпикура заново откроют лишь в эпоху Ренессанса. Но настоящим новым рождением Эпикура является все же XVIII век, т. е. век Канта, когда эпикуреизм становится духом этой эпохи. Это не могло не воздействовать на Канта, возвращающего в формах эстетики гедонистические мотивы эстетики Эпикура. Автор статьи утверждает, что Эпикур может считаться «идеологом» всех имевших место в истории «оттепелей». Он учил, как достичь счастья, как ценить жизнь, культивировать в ней природное, естественное начало, не допускать религиозного аскетизма и политического фанатизма, а также искусственных потребностей.

Ключевые слова: эпикуреизм, стоицизм, христианство, гедонизм, европейский декаданс, римский декаданс, отвергнутое знание, естественные науки, гуманитарные науки, предмет философии, эстетика, герменевтика, «Критика чистого разума», «Критика способности суждения», Платон, И. Кант, Эпикур, Лукреций, Сенека, Марк Аврелий, М. Хайдеггер, Э. Кассирер, А. Риль, Ж.М. Гюйо, Д. Мережковский, А. Лосев.

1. От критики философии Канта к герменевтическому истолкованию его замыслов

В связи с юбилеем И. Канта, идеи которого изучаются в высших учебных заведениях России, невозможно не высказать суждения, что у автора этого текста накопились за годы преподавания эстетики. Кстати, нельзя не напомнить, что И. Кант имеет отношение к России еще и потому, что он – почетный член Петербургской Академии наук, во главе которой, когда рассматривали дело И. Канта, стоял Кирилл Григорьевич Разумовский, а директором Академии была Екатерина Романовна Дашкова. Диплом члена Академии Кантом был получен в 1794 году. Все это подробно описано в книге А. Круглова "Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков" [Круглов 2009: 50].

Известно, что каждый выдающийся мыслитель имеет не только почитателей и последователей, но и критиков. Так, например, Эпикур, к которому мы будем обращаться в связи с Кантом, уже в римской империи в качестве почитателя и единомышленника имел Лукреция, а в качестве критика Цицерона. То же имеет место и в случае с Кантом. Одним из поздних его критиков был М. Хайдеггер. Хотя у Хайдеггера это даже не критика, а целая и оригинальная интерпретация кантовской системы. Прочему эта тема столь значима? Мы полагаем, что иногда в критике выдающихся мыслителей имеется рациональное зерно, позволяющее лучше понять их идеи. Это можно обнаружить в критике Канта Хайдеггером, хотя это именно интерпретация учения Канта, предпринятая с точки зрения философской системы самого Хайдеггера, а, еще более точно, с точки зрения онтологии.

В комментариях неокантианца Э. Кассирера, касающихся этой хайдеггеровской интерпретации Канта, есть много чрезвычайно значимых для тех, кто занимается эстетикой, суждений. Как известно, Кант обогатил философию теорией познания, показав в ней пределы, и совершил в ней величайший поворот, а мы сегодня чувствительны к происходящим в гуманитарных науках многочисленным поворотам (о чем свидетельствует, например, Книга Д. Бахман – Медик [Бахман 2017], и по этому поводу не можем не высказаться. Известно, что Кант обогатил философию теми открытиями, что в его время происходили в естественных науках. Это обстоятельство приводило к тому, что метафизика как синоним существо-

вавшей тогда философии приобретала вид науки. Философия разрывала с богословием и трансформировалась в науку. Именно поэтому Канта называли «Коперником в философии».

Но Кант предстает Коперником и в еще одной науке, рождающейся как раз в его время. Поддержав принадлежащий А. Баумгартену проект новой науки, а именно, эстетики, Кант дал собственное обоснование эстетики в работе, которую первоначально он, как известно, имел намерение назвать как «Критика вкуса», но которая будет известна как «Критика способности суждения». Но ведь осуществляемая Кантом реформа в философии, казалось бы, такого открытия совершенно не предполагала. Конечно, в открытии эстетики Кант не был первым. Но то, что мы сегодня считаем эстетикой, без идей Канта, изложенных в сочинении «Критика способности суждения», представить невозможно. Хотя, наверное, не все сказанное им об эстетике не бесспорно. Это, конечно, не означает, что возникшее в XVIII веке представление Канта об эстетическом так в этом виде и осталось, застыло, не развивалось. Ведь и сам Кант признает: «Я не разделяю мнение одного достойного человека, который советует, чтобы, убедившись в чем-нибудь, больше в этом не сомневаться. В чистой философии это невозможно. Надо ...взвешивать положения в различных их применениях... пробовать принять противоположное и ждать, пока истина не воссияет со всех сторон» [Кассирер 1997: 381].

В интерпретации учения Канта Хайдеггером можно обнаружить рациональное зерно. Философия Канта, выпустившая под воздействием подъема естественных наук, которые Кант преподает в Кенигсбергском университете соответствующий XVIII-му, а в еще большей степени XIX веку, позитивистский дух, все-таки ориентирована на человека. А потому в том обстоятельстве, что Кант является одним из основателей гуманитарной науки, которую мы знаем как эстетика, есть логика. Ведь гуманитарные науки и ориентированы на человека. Именно в этом аспекте и на этой территории и смыкаются естественные и гуманитарные науки. Может быть, если быть еще более точным, естественные науки не могут обойтись без наук гуманитарных. Ведь не случайно же в последнее время происходит подстегиваемый технологическими нововведениями дрейф в сторону биологии.

Как нами уже отмечалось, Э. Кассирер критически осмысливает интерпретацию идей Канта Хайдеггером. В суждениях этого рода Хайдеггер предстает последователем герменевтики. Кассирер пересказывает понимание Хайдеггером Канта так: не следует судить о мысли Канта по тому, что он сказал. Этого недостаточно. Нужно прочитывать его глубже и иметь в виду, что он хотел сказать, а не то, что сказало. Выявить недосказанное, но предполагаемое – это уже функция интерпретатора. «Это Кант сам сказать не мог, как и вообще в каждом философском познании решающее не то, что сказано в отчетливо выраженных фразах, а то, что оно посредством сказанного предлагает взору как еще не сказанное... Чтобы овладеть тем, что слова хотят сказать в борьбе с тем, что слова говорят, в каждой интерпретации необходимо насилие» [Кассирер 1997].

Мы в данном случае не склонны устраивать ликбез по герменевтике. Но после этого высказывания Хайдеггера становится очевидным его влияние на философов постмодернизма, а заодно и тех современных режиссеров, которые в соответствии с этим «насилием» прочитывают классику, что сегодня в России порождает множество дискуссий и конфликтов. А то, что такое прочтение возможно и приемлемо, можно подтвердить суждением самого Канта, сделанным самим Кантом по поводу суждения Платона, касающегося способности человека познавать мир, которое Кант, как это можно понять, разделяет, но, может быть, не всегда реализует. В суждении Канта, которое мы процитируем, ощущается его отношение к тому, что мы называем позитивизмом. Судя по всему, Кант отдавал отчет о его уязвимой стороне. «Платон ясно видел, – пишет Кант, – что наша познавательная способность ощущает гораздо более высокую потребность, чем разбирать явления по складам согласно синтети-

ческому единству, чтобы прочесть в них опыт, и что наш разум естественным образом поднимается до знаний, которые идут так далеко, что ни один предмет, данный опытом, никогда не сможет совпасть с ними; тем не менее они обладают реальностью и отнюдь не суть химеры». Вместо того, чтобы порицать его, следовало бы восхищаться «полетом мысли философа», который возвысил его от наблюдения физического в миропорядке до архитектурной связи его согласно целям, т. е. идеям: усилие, которое заслуживает уважения и подражания» [Кассирер 1997: 388]. Кстати, по поводу мышления Канта в его сопоставлении с мышлением Платона автор книги о Канте Ж.М. Гюйо оставил любопытное суждение. «Кант, авторитет которого даже в истории философии не может не быть признан, – пишет он, – сказал однако, что если Платон является величайшим философом вещей, постигаемых умом, то Эпикур является самым выдающимся философом вещей, постигаемых чувством» [Гюйо 2015: 364].

В подтверждение сказанного о том, что под интерпретацией следует понимать не то, что сказалось, а то, что еще не сказалось, но все же существовало, мы, предваряя разговор об Эпикуре, сошлемся на знаменитую поэму эпикурейца Лукреция «О природе вещей». В этой поэме Лукреций не просто пересказывает учение Эпикура, а дает, как мы попытаемся показать далее, ее глубокую интерпретацию. Это обстоятельство констатирует А. Лосев. «И вообще, – пишет он, – многому учит нас в эпикурействе Лукреций, хотя это уже не тот изначальный тонкий, чтобы не сказать утонченный, и ароматичный эпикуреизм самого основоположника этой философии. Лукреций приподнимает завесу для целого ряда философских секретов эпикурейства, которые иначе приходится находить только путем очень обстоятельного и вдумчивого анализа» [Лосев 2000: 363].

По сути, А. Лосев понимает герменевтику так же, как и анализирующий тексты Канта Кассирер. В данном случае речь идет о понимании Эпикуром движения атомов по типу процессов человеческой психики. А. Лосев замечает, что только после истолкования Лукрецием этой идеи Эпикура «становится вполне ощутимой связь теории отклонения атомов с общим эпикурейским имманентизмом» [Там же: 364]. В качестве примера мы приводим интерпретацию Лукреция еще и потому, что в ней огромную роль играет расхождение во времени. Эпикур и Лукреций – не современники. Несходство во времени идей Эпикура и интерпретации этих идей Лукрецием позволяет улавливать разницу между римским пониманием эпикурейства, т. е. пониманием Лукреция и старым греческим пониманием, между ранним и поздним эллинизмом. Тут многое определяет атмосфера времени. «На Лукреции видны яснее многие отличия эпикурейства потому, что его эпоха была очень энергичная эпоха, – пишет А. Лосев, – это великолепный бурный Рим первой половины I века до н. э. Внешняя пассивность и внутренняя сосредоточенность эпикурейства, несомненно, составляет контраст с яркими, страстными, волевыми эпизодами истории, которыми заполнено это время. Потому многое здесь получило не только более грубый, но и более яркий и резкий характер» [Там же: 365].

Но столь восхищающая А. Лосева интерпретация Эпикура Лукрецием тоже, как и сама философия Эпикура, ушла в прошлое. Ушла в прошлое даже философия Канта. Но уже время Канта способствовало еще одной по сравнению с Лукрецием интерпретации Эпикура. Ведь лишь после Канта можно говорить еще об одной и особой интерпретации Эпикура. Идеи Эпикура у Канта родились как бы заново, но уже в системе самого Канта, как слабое его системы. Однако так получилось, что Канта больше сопоставляют со стоиками, нежели с Эпикуром.

Ставляющий своей целью герменевтический анализ философии и эстетики Эпикура А. Лосев предостерегает от существования обилия вульгаризаторских интерпретаций гедонизма как определяющей идеи Эпикура, заимствуемой у античного философа Кантом. Он го-

ворит, что учение Эпикура – это учение об удовольствии. Почему об удовольствии, а не о наслаждении, как повсеместно утверждается. Кант тоже пользуется понятием «наслаждение». А. Лосев настаивает на том, что точнее было бы все же говорить не о наслаждении, а об удовольствии. Однако так уж получилось, переводить с греческого «hedone» и с латинского «voluptas» принято как «наслаждение». А. Лосев настаивает, что понятие «удовольствие» точнее передает смысл того, что имел в виду Эпикур, а именно, удовольствие носит благородный, спокойный, уравновешенный и чисто созерцательный характер. Такому пониманию духа первоначального смысла эпикурейства не соответствует погоня за острыми и небывальными ощущениями, вплоть до провоцирования эротических эмоций, что, например, было присуще Филодему. Судя по всему, раз эпикуреизм был осужден, а сам Эпикур оклеветан и проклят, не без участия, как некоторые исследователи утверждают, христианства, вульгарных интерпретаций Эпикура, который был аскетом, имелось достаточно.

Поскольку интерпретации Эпикура мы ставим в зависимость от времени, нам, ощутившим несходство идей Эпикура с их пониманием и с их интерпретацией, например, у Лукреция, важно поставить вопрос, к кому же ближе оказывается интерпретация Эпикура Кантом – к самому Эпикуру или же к Лукрецию. Хотя понятно, что Лукреций хотя и был эпикурейцем, но вроде бы собственной теории не выдвигал, ограничиваясь анализом идей Эпикура. Разобраться в этом поможет взгляд античных философов на историческое время, в частности, теория прогресса того же Лукреция в превосходном изложении А. Лосева. Но чтобы понять изложенную А. Лосевым трагическую сущность прогресса, вдумаемся в суждения Сенеки, уже отдававшим отчет в том, что некоторые истины можно понять лишь в больших временных длительностях, т. е. в пространстве времени многих поколений, удивительна однако современная мысль. Такое ощущение, что Сенека уже мыслит время, как сегодня готовы мыслить его мы. Он пишет: «Наступит время, когда скрытое теперь будет извлечено на дневной свет благодаря стараниям более продолжительного периода. Для исследования столь великих вещей недостаточно одного поколения, чтобы целиком заниматься небом. Да и как же может быть иначе, если столь немногие годы мы делили между занятиями и порочной жизнью таким неравномерным делением! Потому объяснение это получит только в течение длинного ряда поколений. Наступит время, когда наши потомки будут удивляться тому, что мы не знали таких ясных вещей... Мы не можем знать то, без чего ничто не существует; и – мы удивляемся, когда чуть-чуть узнаем какие-то искорки, в то время как величайший момент (pars) мира, бог, остается скрытым. Сколько много живых существ мы впервые узнали в этом веке и наши огромные трудности даже в этом. Многое, неизвестное нам, узнает народ только в веке грядущем. Многое сохраняется будущим векам, когда уже исчезнет и память о нас» [Лосев 2000: 354].

Воспользуемся этим глубоким суждением Сенеки и попытаемся понять не только то, что Кант берет у Эпикура, но и то, как он Эпикура понимает, а также то, какое влияние на понимание Кантом Эпикура оказывает время, в которое жил и работал Кант. Судя по всему, в понимании времени Кант не расходился с общим мировоззрением Просвещения, а оно под воздействием той же просветительской философии воспринималось линейным. Ко времени Канта теория Д. Вико уже существовавшая, оставалась непонятой, ведь мировосприятию философского модерна она не соответствовала и, по сути, оказывалась по отношению к нему альтернативной. То, что когда-то открыл Д. Вико, заново будут открывать ближе к рубежу XIX–XX веков, о чем, например, будет свидетельствовать рефлексия Н. Бердяева. Тогда-то жизнь и заставит ощутить ту трагическую сущность прогресса, которую выразил Лукреций, предложивший то толкование эпикуровской философии, которое, конечно же, в этой философии было, но только «кровавое столетие конца римской республики» продиктовало более

четкое и ясное ее понимание. По сути, «успокоенно-наслажденческая», по выражению А. Лосева, эстетика «старого Эпикура» приобрела драматизм и даже трагизм.

Спрашивается, так к кому же – к «старому Эпикуру» или Лукрецию кантовская интерпретация ближе? Ведь и у Лукреция было то, что ассоциируется с модерном. В частности, у Лукреция уже чувствуется необходимость в совершенствовании общества с применением науки. Это можно вычитать в изложении А. Лосевым идеей Лукреция. «Но через три столетия, прошедшие от Эпикура до Лукреция, выступившая в эпоху раннего эллинизма изолированная человеческая личность стала гораздо нервнее и чувствительнее, стала с огромными волевыми усилиями набрасываться на переустройство общественной жизни человека и стала гораздо принципиальнее используемая наука для создания картины мира, в то время как у Эпикура наука имела значение только для освобождения человека от страха перед смертью и потусторонним миром и вовсе не имела конструктивного значения для мировоззрения и, в частности, для натурфилософии» [Лосев 2000: 352]. Вот это «переустройство общественной жизни человека» и делало идеи Лукреция близкими установкам философского модерна XVIII века. Но все дело в том, что, несмотря на этот мотив возросшей социальной активности, интерпретация Лукрецием философии и эстетики Эпикура несет на себе печать того, что Ф. Ницше обозначит как декаданс. А вот атмосфера начавшегося декаданса тоже входит в понятие воздействующего на мыслителей времени. Лишь позднее, когда европейский мир войдет в эпоху декаданса, осуществится то, что имел в виду Сенека: многое об истории и о нас самих мир узнает, когда исчезнет память о нас.

2. Экскурс в историю забвения и реабилитации идей Эпикура

Ренессансу философии и эстетики Эпикура в позднем европейском мире, начиная с XVII века, предшествует длительная история того, что на конференции Государственного института искусствознания «История искусства и отвергнутое знание: от герметической традиции к XXI веку» было обозначено как отвергнутое знание [История искусства и отвергнутое знание... 2018]. Это, правда, касалось герметизма, а не эпикуреизма. Но эпикуреизм – тоже отвергнутое знание. Это отторжение начинается еще при жизни Эпикура, продолжаясь в средние века. Попытка реабилитации философии Эпикура была предпринята в эпоху Ренессанса, о чем свидетельствует написанное в 1431 году и вышедшее в первой редакции в 1512 году сочинение итальянского гуманиста Лоренцо Валлы. Ж. М. Гюйо об этом пишет так: «Но только эпохе Возрождения с ее духом исследования и умственной свободы суждено было вернуть эпикурейским идеям всю их мощь» [Гюйо 2015: 272].

В своем сочинении Л. Валла сопоставляет три разных точки зрения на отношение человека к миру – точку зрения христианина, стоика и эпикурейца. В нем особенно выделяется аргументация эпикурейца, отвергающего идею стоицизма и враждебности человека и природы, и исходящего из культивирования природного начала в человеке. Обосновывая принцип наслаждения, Л. Валла утверждает, что оно является высшим благом, позволяя удовлетворить естественные потребности и избежать страданий. Противопоставляя эпикурейскую этику стоикам, Л. Валла пишет: «Мы, следующие законам природы, говорим, что надо стремиться к удовольствиям; они призывают к бесцельным трудам, мы – к радости, они – к мучениям, мы – к наслаждениям, наконец, они – к смерти, мы – к жизни» [Валла 1981: 77–108, 83].

Л. Валла пытается примирить христианское учение с естественной потребностью к наслаждению. Поэтому он в христианстве ищет гедонистическое начало. Реабилитируемый Л. Валлой гедонистический мотив позволяет отвергнуть насаждаемый христианством в средние века аскетизм. Хотя здесь невозможно допустить вульгаризации. Ведь даже Августин отзывался об эпикуреизме положительно, что все же свидетельствует о том, что точки сопри-

косновения между эпикуреизмом и христианством можно отыскать. У Л. Валлы получается что-то вроде апологии гедонизма. По сути, этот диалог у Л. Валлы реабилитирует отвергнутое христианством учение Эпикура, что соответствует духу Ренессанса [Валла 1981: 78]. Он свидетельствует о том, что эстетика Ренессанса уже поставила многие вопросы, которые подхватит и продолжит эстетика Просвещения. Так, что ориентация эстетики модерна на гедонизм, о чем свидетельствуют идеи Канта, преемственность в развитии эстетических идей подтверждает.

Однако опять же все дело не только в том, что эстетика модерна продолжает реабилитацию гедонизма, столь остро сформулированную Л. Валлой, но и в интерпретации гедонизма. Так, Л. Валла, реабилитируя гедонизм, исходит из античной традиции. Наслаждение он не противопоставляет пользе, чего нельзя сказать о Канте. А почему? Видимо, это можно опять же объяснить духом времени. Трактат Л. Валлы уже дает возможность в этом разобраться, а заодно объяснить, почему открытие и понимание Кантом эстетического не только невозможно противопоставить духу Просвещения, но все же и констатировать отклонение от этого духа. Ведь Кант, возрождая традицию гедонизма, продолжает отрывать философию от богословия, что, собственно, уже делал и Л. Валла. Это опять же свидетельствует о том, что это касается не только этики и мировоззрения, но и научного процесса.

Внимание к Эпикуру в Новое время неотрывно от научного подъема, и это отмечает Ф. Ницше. «Еще теперь многие образованные люди, – пишет Ф. Ницше, – полагают, что победа христианства над греческой философией есть доказательство большей истинности первого – хотя в этом случае лишь более грубое и насильственное одержало победу над более тонким и духовным. Как дело обстоит с этой большей истиной, можно усмотреть из того, что пробуждающиеся науки шаг за шагом примыкают к философии Эпикура и шаг за шагом отвергают христианство» [Ницше 1990: 280]. Кантовское понимание гедонизма у Л. Валлы уже присутствует. Л. Валла предвосхищает Канта. Ведь означая реабилитацию в Европе античного язычества, Ренессанс придерживается действенного, активного начала. Этот комплекс впервые возникает в античности и в последующей европейской истории получает продолжение. Без него европейской культуры нет. Западный, т. е. «фаустовский» человек есть человек действующий. И это показал в финале своего «Фауста» Гете. Возможно, именно поэтому на всем протяжении истории, вплоть до XIX века, пока не наступает декаданс, западный человек предстает больше стойким, нежели эпикурейцем. Видимо, направленная против эпикурейцев ненависть стойков как раз и основывалась на неприятии эпикурейцами действия и предпочтении созерцания. А ведь в этом уже можно усмотреть влияние на эпикуреизм Востока. Хотя ведь и в Европе имели место эпохи «оттепели», когда установки классицизма уступали место романтизму и побеждал эпикуреизм.

Таким и было время Канта, что, видимо, не могло не оказать влияния на Канта, возрождающего гедонизм, а вместе с ним и увидевшего в гедонизме возрождение эстетики, свободной от богословских установок. А почему бы, спрашивается, Канту не открыть это созерцание, ведь, в общем, оно, как его понимал Л. Валла, и как его понимает Кант, не противостоит познанию. Это отмечает и Хайдеггер, утверждая, что у Канта «все человеческое познание связано с созерцанием» [Кассирер 1997: 386]. Более того, с точки зрения Хайдеггера, созерцание по Канту является «подлинной сущностью мышления». Но только тут имеется один нюанс. Ведь если углубляться в созерцание, то мы невольно и в самом деле не можем не вспомнить А. Шопенгауэра, заметно повернувшего западный мир к Востоку, с чего, может быть, начинается, но еще не осознается декаданс. А ведь его смысл заключается в отречении от воли и в ослабление воли, что определяет философию А. Шопенгауэра. Не случайно когда Ф. Ницше будет говорить об «уставших от жизни» людях и желающих «глубокого сна» и покоя, вспоминает не только индийскую философию и знатока индийской философии

в Европе П. Дейссена, но и «ясного, по-гречески трезвого, но страдающего Эпикура» [Ницше 1990: 502]. Однако что касается Л. Валлы, то наслаждение он соотносит не столько с действием, сколько с созерцанием. Это потому, что оно связано не только с телом, но и с душой, а душа требует созерцания. Чтобы в доказательстве этого положения быть более убедительным, Л. Валла ссылается то на авторитет сравнивающего созерцание игр с философским созерцанием Пифагора, то на Аристотеля, который блаженство иллюстрировал с помощью испытываемого бездействующими богами наслаждения. Но чувство блаженства у богов достигается не с помощью действия, а именно, созерцания, а оно ведь тоже представляет ценность, поскольку означает «процесс познания». «Ведь всякий созерцает с целью познать то, – пишет Л. Валла, – чего он не знает...» [Валла 1981: 101]. И вот тут-то как раз у Л. Валлы и появляется нечто общее с Кантом, ведь Кант тоже в созерцании усматривает познание.

Одна из первых попыток возродить философию Эпикура связана с именем французского католического священника XVII века Пьера Гассенди. Можно утверждать, что возрождение оклеветанного философа началось с сочинения П. Гассенди «О жизни и нравах учения Эпикура» (1647). Но в процессе реабилитации философии и эстетики Эпикура XVIII век выделяется. Об этом свидетельствует не только концепция эстетики Канта, но и напечатанная в одном из выпусков серийного издания «Энциклопедия» статья Д. Дидро «Эпикуреизм». По мнению Д. Дидро, «нигде и никогда эпикурейская школа не была более великолепной, чем во Франции, и особенно в последнем веке» [Дидро 1991: 543]. Может быть, XIX век как век позитивизма и социологизма, а в еще большей степени как век рождающегося массового общества, для философии и эстетики Эпикура, кажется, благоприятным не был. Тем не менее, философия Эпикура в соответствии с новым веком стала объектом и философии, и социологии, о чем свидетельствует сочинение Жана Мари Гюйо «Мораль Эпикура и ее связь с современными течениями», которое в наше время было переиздано [Гюйо 2015: 296].

Ближе к концу XIX века интерес к учению Эпикура нарастает и, в том числе, в России. Этому состоянию в философии В. Модестов посвящает целую статью, опубликованную в журнале «Русская мысль». Так, он высказывает удивление перед тем фактом, что в разных городах России одновременно появились сразу три публикации об Эпикуре и его учении. Так, в 1889 году профессор Киевского университета Ю. А. Кулаковский опубликовал свою лекцию под названием «Философ Эпикур и вновь открытые его изречения». Автором второй публикации, посвященной Эпикуру, является преподаватель Новороссийского университета О. Ф. Базинер. В Казани также было опубликован осуществленный П. Гвоздевым перевод сочинения Цицерона «О высшем благе и зле», посвященного Эпикуру. «Чем объяснить такой внезапный интерес к Эпикуру и такое живое стремление познакомиться русскую публику с учением греческого философа, – задается вопросом В. Модестов, – о котором до сих пор если и заходила речь в нашей литературе, то разве мимоходом и случайно, хотя слово «эпикуреец» с давних пор было одним из ходячих слов между ними?» [Модестов 1890: 43]. Интерес к Эпикуру в России В. Модестов объясняет тем, что в западной философии такой интерес возник еще раньше и под воздействием этого интереса возникает открытие учения Эпикура и в России. Россия ведь, как считали некоторые мыслители, двигалась к русскому «Ренессансу» начала XX века. В своей публикации В. Модестов изложил элементарную информацию об Эпикуре, его идеях и об истории отношения к ним в разное время, а самое главное, его статья помогает зафиксировать эволюцию движения обществ, начавших часто переживать ситуацию, которую можно было бы обозначить как «оттепель» и роль в ней учения Эпикура [Хренов 2020].

Но вернемся к весьма глубокому сочинению Ж. М. Гюйо. Представляя читателям XIX века учение Эпикура, Ж. М. Гюйо писал: «Утилитарная мораль, исповедуемая в прошлом веке таким множеством французских мыслителей, а в наши дни главенствующими фи-

лософами Англии, далеко не представляет собой нового явления в истории. Известно, что подобное учение под именем эпикуреизма соблазнило античный мир: в Греции и Риме это была самая популярная философия» [Гюйо 1899: 102]. О ней знали и в других странах. Плутарх пишет, что Эпикура приходили слушать даже из Египта. По этому поводу Ж.М. Гюйо цитирует Диогена Лаэртца, а тот пишет: «Последователи и друзья Эпикура были столь многочисленны, что целые города не могли бы вместить их» [Гюйо 1899]. Учение Эпикура подрывало религиозные основы мировоззрения римлян. Поэтому не удивительно, что у Эпикура появилось множество недоброжелателей, в том числе, со стороны других философских школ. Первой среди таких недоброжелателей была школа стоиков. Несмотря на жесткую критику эпикурейцев со стороны стоиков, некоторые из стоиков попадали под влияние Эпикура. К таким, например, относят Сенеку и Марка Аврелия.

Конечно, учение Эпикура – это и этическое, и вместе с тем мировоззренческое учение. Однако как пишет Ж. М. Гюйо, Эпикур созвучен также и поздним научным и позитивистским представлениям. Но сторонником Эпикура в эпоху Возрождения был не только Л. Валла. Ж.М. Гюйо, например, высказывает мысль о том, что почитателем Эпикура был и скептик М. Монтень. Хотя на словах Монтень, не желающий идти против течения, т. е. не сопротивляющийся критике Эпикура, на деле был его почитателем, о чем свидетельствуют его известные «Опыты». Среди выдающихся мыслителей, не прошедших мимо учения Эпикура, Ж. М. Гюйо называет француза П. Гассенди, англичанина Гоббса, а также Ларошфуко, Гельвеция, Гольбаха, Бентама, Стюарта Милля, Спенсера, Дарвина. Самое удивительное, что в этом списке выдающихся мыслителей, равнодушных к идеям Эпикура, М. Гюйо упоминает и Канта, но только как мыслителя, более близкого стоицизму, нежели эпикуреизму, а потому и противопоставленному Эпикуру. А это уже современная ситуация, т. е. ситуация Нового времени, повторяющая расстановку сил, которая когда-то имела место в античном мире. «Эти два учения оспаривают друг у друга власть над современной мыслью, над современным человеком, – пишет Ж.М. Гюйо, – горячая борьба между эпикурейцами и стоиками, некогда длившаяся целых пять веков, с новой силой разгорелась в наши дни и приняла большие размеры» [Гюйо 1899: 95]. Очень странная точка зрения. Как будто Ж. М. Гюйо по какой-то причине не успел перечитать «Критику способности суждения», в которой излагается еще один вариант гедонизма.

3. Чем объяснить возврат философии модерна к «заблуждениям» античной философии?

Хайдеггера обвинять за его понимание интерпретации текста как насилия трудно. Ведь это именно он находит точку соприкосновения между естественными и гуманитарными науками, между философией как наукой, предметом которой является познание, и философией, предметом которой является человек, личность. В конечном счете, между философией как строгой наукой, использующей методы естественных наук, и философией как основой мировоззрений, что в соответствии с некоторыми представлениями, имевшими место в истории философии, с философией не имеют ничего общего. Но если мы говорим о мировоззрении, то, следовательно, подразумеваем и человека. И если мы ради научности философии жертвуем ее связью с мировоззрением, то мы жертвуем и человеком. Мировоззрение якобы выводит философию за пределы науки.

Для Хайдеггера выходом из этого противоречия является онтологическая интерпретация учения Канта как учения о человеческом бытии, человеческом существовании. «Именно этот вопрос, и никакой другой, волновал, по мнению Хайдеггера, Канта, – пишет Э. Кассирер, – и определил направление всех его метафизических исследований. Если он и углубляется в расчленение познавательной способности человека, он никогда не теряется в нем. Оно

для него не самоцель, а только средство: проникновение в форму человеческого познания должно превратиться в понимание сущности человека, характера и смысла его существования» [Кассирер 1997: 380]. Вообще, Хайдеггер не раз демонстрировал склонность к произвольному толкованию текстов своих предшественников. П. Гайденко уличила его в неверном истолковании отношения ко времени Аристотеля, сделанного в интересах предложенной Хайдеггером концепции времени. Однако понимание философии Канта Хайдеггером все же заслуживает внимания. В данном случае мы имеем дело с традицией, а точнее, с одной из традиций, существовавшей в истории культуры, но, в том числе, и в истории философии.

Согласно Канту, философия существует во времени и время ее может изменить, но он говорит также о «проникновении взора в невременное – горизонт сверх – временности» [Кассирер 1997: 391]. Что же это за традиция, противостоящая пониманию философии как науки? По этому поводу Э. Кассирер цитирует немецкого философа-неокантианца Алоиза Рилья, а тот, стремясь сохранить за философией статус науки, отрицает ее понимание в мировоззренческом духе. Отрицая это, он говорит о происхождении традиции, в соответствии с которой Хайдеггер толкует Канта. Эта традиция возникла в античной философии. Здесь мы уже сталкиваемся с проблемой отношения философии Просвещения, т. е. модерна к античной философии. А это ведь специфический дискурс, особое понимание, которое уже само по себе представляет проблему интерпретации. Эта интерпретация, если вспомнить претензии Гердера к истории греческого искусства И. Винкельмана, была проблемой уже XVIII века. А что уж говорить об интерпретации античности после Ф. Ницше.

Конечно, трудно понять феномен Просвещения без соотнесенности ее с античной философией, точнее, с возникшей в античности традицией. Однако для проблемы, в которой хочется разобраться, а именно, влияния на Канта философии Эпикура, это важно. Эту традицию, связанную с античной философией, А. Рилья считает не столько традицией, сколько «заблуждением». «Заблуждением, – пишет Э. Кассирер, – перенятым Новым временем из греческой спекуляции представляется ему то, что философия может быть якобы чем-то большим, чем просто наукой, что ей надлежит одновременно заключать в себе «мировоззрение» и разрабатывать его в систематической форме» [Кассирер 1997: 379]. По этому поводу Э. Кассирер излагает свою точку зрения. «Только отношение общих научных воззрений к человеку, – цитирует Э. Кассирер А. Рилья, – особенно их отношение к требованиям его души, превращают эти воззрения в «мировоззрение». Это отношение, это применение к человеку, по мнению Рилья, необходимо; однако оно не составляет больше предмет строгого научного образования понятий – и тем самым выпадает из сферы философии. «Мировоззрения не суть дело только рассудка. Они обращены ко всему человеку, ко всем сторонам его существа. Душа, а не рассудок их подлинный творец. Поэтому они в своей подавляющей части субъективны и не составляют задачу науки. Мировоззрения относятся ... не к науке, а к вере» [Там же].

А. Рилья говорит это о философии, взявшей в XVIII веке курс на строгую методологию естественных наук и, в силу этого, на превращение себя в науку. А что уж говорить о той науке, которая с философией не порывает и основы которой закладывает опять же Кант, а именно, об эстетике. Здесь субъективности еще больше. Да и сам Кант перед тем, что он открыл, растерян и пытается это осмыслить. Разве то, что он открыл, является наукой? Но в данном случае возникает еще и сопутствующий вопрос. В наше время мы можем говорить об эстетике Эпикура, но была ли она в реальности? Это была одновременно и философия. Да и вообще идеи эстетического характера, имевшие место у античных философов, словом «эстетика», как нас убеждает А. Лосев, не обозначились. «Сами эпикурейцы, – пишет он, – конечно, не называли это эстетикой, поскольку такой термин отсутствовал и у них и вообще у всех античных философов. Но европеец после Баумгартена и Канта, конечно, обязан счи-

тать подобного рода теорию вполне эстетической, так как иначе не будет схвачена сама специфика эпикурейства» [Лосев 2000: 240].

В «Критике чистого разума» у Канта по этому вопросу еще нет четкости. Он делает сноску и пишет: «Только одни немцы пользуются теперь словом эстетика для обозначения того, что другие называют критикой вкуса. Под этим названием кроется ошибочная надежда, которую питал превосходный аналитик Баумгартен, – подвести критическую оценку прекрасного под принципы разума и возвысить правила ее до степени науки. Однако эти старания тщетны. Дело в том, что эти правила, или критерии, имеют своим главным источником только эмпирический характер, а, следовательно, никогда не могут служить для установления определенных законов, с которыми должны были бы согласоваться наши суждения, касающиеся вкуса, скорее эти последние составляют настоящий критерий правильности первых» [Кант 1964: 128].

Что же могут дать древние философы для разработки Кантом проблемы эстетики? В чем состоит смысл того, что А. Рилем обозначено как «заблуждение»? А под ним следует понимать выход эстетики и вообще философии за пределы понимания философии как теории познания, который можно иллюстрировать разными направлениями в современной философии и в эстетике и оценивать уже не «заблуждением», а становлением комплекса наук о духе, наук о культуре. Вариантом такого «заблуждения» может служить философия Эпикура, а она, несомненно, является одним из слагаемых эстетики Канта. Конечно же, в переосмысленном виде. Может быть, Канту удалось то, что когда-то не удалось Паскалю, а именно, примирение эпикуреизма и стоицизма. Ведь возрождая эпикуреизм, Кант с его категорическим императивом в этике является скорее ближе к стоицизму, нежели к эпикуреизму.

О том, что Кант внимателен по отношению к Эпикуру, свидетельствует частое обращение к его имени в сочинениях Канта. Так, в «Критике чистого разума» имя Эпикура упоминается 5 раз, а в «Критике способности суждения» – тоже 5 раз. В «Критике чистого разума» Кант его упоминает в связи с двумя типами в познании разума – сенсуалистами и интеллектуалистами. Эпикура Кант считает «самым выдающимся представителем сенсуализма», соответственно, Платона – «самым выдающимся представителем интеллектуализма» [Кант 1964: 693]. «Хотят это различие между школами, – говорит Кант, – весьма тонкое, оно возникло уже в самые ранние времена и долго сохранялись. Сторонники первого направления утверждали, что действительны только предметы чувств, а все остальное есть плод воображения; сторонники второго направления, наоборот, утверждали, что чувства дают только видимость, а истинное познается лишь рассудком» [Там же].

Что касается более значимой для понимания третьей «Критики», то здесь Эпикур упоминается, когда Кант соотносит чувство прекрасного и возвышенного с рассудком и чувственными ощущениями. Говоря о том, что независимо от того, имеем ли мы дело лишь с чувственными или только с полностью интеллектуальными представлениями, они всегда связаны с наслаждением и болью, а следовательно, и с телом. В качестве авторитета в утверждении своего суждения Кант ссылается на Эпикура и пишет: «Более того, наслаждение и страдание, как утверждал Эпикур, в конечном счете, всегда телесны, будут ли они брать свое начало в воображении или даже в рассудочных представлениях, ибо жизнь без ощущения телесного органа есть лишь осознание своего существования, а не ощущение здоровья или нездоровья, т. е. стимулирования или торможения жизненных сил; ибо душа сама по себе есть целиком жизнь (сам принцип жизни) и препятствия или стимулы надо искать вне ее и тем не менее в самом человеке, стало быть в связи с его телом» [Кант 1966: 289]. Очень даже актуальное для сегодняшнего времени, озабоченном телесностью, суждение.

Следующее упоминание Эпикура в этом сочинении Канта тоже связано с мыслью Эпикура, связывающего всякое удовольствие с телесным ощущением. Дальнейшее продолжение

мысли Канта примечательно тем, что он выходит на открытие и осознание связи между телесными ощущениями и игрой, которая уже сама по себе является еще одним значимым открытием Канта, предвосхищающего интерес к игре в последующей истории, например, в сочинениях Й. Хейзинги. Хотя очевидно, что Кант в этом смысле возрождает еще одно «заблуждение» древних, связанное с игрой. «Всякая сменяющаяся свободная игра ощущений (которые не имеют своей основой никакой цели) доставляет удовольствие, – пишет Кант, – так как она поощряет чувство здоровья, все равно будем ли мы по суду разума находить удовлетворение от его предмета и даже от самого этого удовольствия или нет; и это удовольствие может дойти до аффекта, хотя к самому предмету мы не питаем никакого интереса, по крайней мере такого, который был бы соразмерен степени удовольствия» [Кант 1964: 350]. Далее в игре ощущений Кант выделяет три типа игры: игру азартную, игру звуков и игру мыслей, которые доставляют наслаждение, в том числе, эстетическое.

Используя слово «наслаждение», мы, наконец, добрались до сути, а именно, до того, какого рода «заблуждение» античных философов возрождается в философии Канта и, в особенности, «заблуждений» Эпикура. Удивительно, что эта соотнесенность Канта с Эпикуром в нашей литературе исследования не получила. Даже А. Лосев, который, излагая античную эстетику, часто и легко позволяющий себе параллели с последующей европейской эстетикой, когда дает подробный и глубокий анализ философии Эпикура, его учеников и последователей и вообще этой школы в целом, в этом проблемы не видит. Правда, он признает, что Эпикуру в нашей философии и науку не повезло. «Эпикуру, да и всему античному эпикурейству, включая Лукреция, тоже у нас не повезло. Весь этот раздел античной философии и эстетики для широкого читателя закрыт густым туманом чуть ли не вековых предрассудков, всякого рода мелкобуржуазных интерпретаций и непониманием самого главного, а именно античного философско-эстетического стиля Эпикура и его последователей» [Лосев 2000: 211].

4. От европейского декаданса рубежа XIX–XX веков к эллинистическому декадансу. Интерпретация идей Эпикура в духе декаданса

В забвении эпикуреизма немалую роль, видимо, сыграло то, что Эпикур был критиком христианства, а оно терпимость к нему по этой причине не выказывало. Поэтому высказанное в XIX веке суждение В. Модестова по этому поводу можно считать справедливым. «Слабели и падали другие философские школы, но эпикуреизм стоял на ногах, стоял до тех пор, пока не заставило его замолчать утвердившееся христианство, с которым он вел на первых порах ожесточенную борьбу как принципиальный враг всякой религии. Но едва стала в новой Европе пробуждаться философская мысль, как имя Эпикура явилась знаменем освобождения от церковной схоластики, и эпоха Возрождения насчитывает не одного более или менее явного приверженца эпикуровской школы» [Модестов 1890: 45]. По этому поводу важные суждения сделаны в XIX веке Гюйо. Он утверждает, что, в отличие от других философских систем эллинизма, эпикуреизм все же продолжал существовать вплоть до У века новой эры. Казалось, что он затем уже совершенно исчез, и это его исчезновение Гюйо объясняет противостоянием эпикуреизма христианству. Победа христианства, казалось бы, привела к его полному исчезновению. «Несмотря однако же на такое торжество христианства, оставался какой-то след эпикурейского духа, который сливался с духом неверия» [Гюйо 1899: 271].

А вот это уточнение, пожалуй, тоже объясняет невнимание к Эпикуру уже в поздней истории. Врагом Эпикура еще и в XVIII веке, когда философия очень сильно начала подрывать устои церкви, а Кант в этом смысле тоже проявил активность, за что его преследовала официальная церковь. Однако к этому времени смысл эпикуреизма успел расшириться, и под

ним стали понимать все то, что связано с неблагонадежностью и свободомыслием. Вот как об этом пишет Гюйо. «Несколько веков спустя по Р. Х., мы видим уже отцов церкви, смешивающими в своих опровержениях и проклятиях в одну кучу эпикурейцев и свободомыслящих всех оттенков... В глазах евреев, как и христиан, всякий неверующий примыкал таким образом к знамени Эпикура; Эпикур, – вот кто между античными философами предстал как истинный противник Христа или Библии» [Там же]. Конечно, оппозиционно настроенному по отношению к церкви Канту отторжение Эпикура церковью не мешало.

Имея в виду вклад Канта в разработку проблематики эстетики и влияние на Канта в этой разработке идей Эпикура, А. Лосев в этом вопросе четко формулирует главное, а именно, зависимость эстетических идей Канта от античного философа. Он пишет: «Все эстетические категории, которые продумал Кант, – пишет он, – уже налицо у античных эпикурейцев, хотя это и не имеет ничего общего с каким-нибудь априоризмом и субъективизмом» [Лосев 2000: 229]. Сильно и категорично сказано. Конечно «налицо», конечно, продуманные Кантом, но заимствованные все же у Эпикура категории эстетики у Канта не могут не наполняться и другим смыслом. Ведь в связи с Кантом мы говорим о совсем другом времени. А следовательно, здесь тоже, как с интерпретацией идей Эпикура Лукрецием, нужно иметь специфическую интерпретацию, порожденную и другим временем. Не случайно в связи с превосходным изложением философии Эпикура А. Лосев ставит вопрос об адекватном понимании используемой Эпикуром терминологии. И когда он в этом начинает разбираться, то оказывается, что исключительный сенсуализм Эпикура, который ему приписывают, не существует. Нет у него, по выражению А. Лосева, «оголтелого сенсуализма». «Впрочем, – пишет А. Лосев, – античное эпикурейство никогда не было проповедью только чисто чувственных благ, – мало того, и в самой чувственности, как видим, они нашли не только чувственные элементы» [Лосев 2000: 226].

А ведь это очень важно для понимания того, почему современники Эпикура, представляющие другие философские школы, его и не понимали, и не принимали. «Однако стоит только вдуматься в эти смысловые структуры, пронизывающие собою чувственный опыт, как вдруг оказывается, что, взятые сами по себе, они совсем лишены у эпикурейцев всякой чувственности. И даже больше того, говорить о них как просто о каком-то бытии никак невозможно. Эти структуры чувственного бытия, сами по себе вполне свободны от этого бытия, безразличны для него, не находятся с ним в каком-нибудь фактическом взаимодействии. Они в отношении его, попросту говоря, иррелевантны» [Лосев 2000: 229]. Но здесь, конечно, в связи с Эпикуром следует также говорить и об эпикурействе, т. е. об эпикурейской школе и ее представителях. Так, если в чувственном наслаждении Эпикур видит также и духовность, что дает уже возможность говорить о нетелесном характере чувственных наслаждений, то, например, Аристипп является сторонником чистого наслаждения, происходящего исключительно в настоящем. Хорошее, между прочим, предвосхищение к тем поздним течениям в искусстве вроде импрессионизма и последующего, вытекающего из него символизма.

Но в связи с эстетикой нас интересует определение Кантом предмета этой науки. И вот здесь-то, конечно, пройти мимо «заблуждения» Эпикура и его влияния на Канта невозможно. Но в связи с отношением Канта к Эпикуру нас будет интересовать то, почему в эпоху эллинизма идеи Эпикура трансформировались, приобрели более острую и, по сути, если не трагическую, то драматическую форму. Трудно отыскать другие источники, кроме А. Лосева, которые помогли бы этот нюанс воспроизвести, а заодно, следуя идеям Ф. Ницше и О. Шпенглера, воспользоваться атмосферой позднего эллинизма, понять и осмыслить ситуацию, что возникает в Европе уже после Канта, когда вместе с кризисом классицизма становится уязвимым видение античности, характерное для И. Винкельмана, исходящего из среднего периода в истории античности, так называемого «античного Просвещения». На смену этой гармонии

ческой картине мира приходит понимание того, что в античности был весьма актуальным пласт культуры, который в гармонический период ее истории оказывался на положении бессознательного, а это происходило уже во времена Рима времени республики, но со временем этот пласт все активнее начал выходить в сознание, что соответствовало уже императорскому Риму. Это что-то вроде «античного Средневековья». Иначе говоря, со временем в античной цивилизации начинается эпоха декаданса, которую можно восстановить с помощью найденных под пеплом Геркуланума рукописей эпикурейца Филодема, а также и с помощью поэмы Лукреция, в которой ощущается не только призыв к социальной активности и совершенствованию с помощью науки мира.

Своей целью мы ставим спроецировать эту эпоху римского декаданса на те процессы, что разворачиваются в самой европейской культуре уже после Канта, и с помощью этой проекции глубже осмыслить происходящее на рубеже XIX-XX веков в европейском мире. Естественно, что, как можно представить, человечество, продолжающее осмыслять то, что произошло в Европе под воздействием, кстати, философии модерна во время революции конца XVIII века и уже ощущающее приближение новой революции, на этот раз в России, было озабочено тем, что связано с «переустройством общественной жизни человека». Тем не менее, по этой же причине размышлений, касающихся жертвоприношений в ситуации революции, происходит обратный процесс – активизация порождаемых революциями пессимизма и угасания активности, отхода в соответствии с идеями Эпикура от государственных дел и социальных преобразований. Это как раз и порождает атмосферу декаданса, что уже была известна в эпоху эллинизма. Но осознать эту созвучность римского декаданса европейскому декадансу конца XIX- начала XX века можно лишь на фоне общей логики движения истории, исключаяющей столь значимый для философии модерна линейный принцип.

По сути, у Лукреция вычитывается принцип повторяемости в истории и, соответственно, циклическая логика, к которой придет уже Д.Вико, а в XX веке П. Сорокин. «В первобытные времена человек, – пишет А. Лосев, имея в виду Лукреция, – выступает у Лукреция как дикий зверь без логики и без совести на фоне ожесточенной и бесконечной борьбы за свое изолированное и чисто животное существование. Сплошное насилие, сплошная кровь, сплошное общественное хищничество – вот что такое человек в его первобытном состоянии. В течение своего исторического развития человек бывал и в состоянии мирной и безмятежной жизни, наполненной благоденствием и эстетическими радостями. Однако все эти благословенные времена, с точки зрения Лукреция, ушли в безвозвратное прошлое; и та человеческая жизнь, которая водворилась при нем, опять полна зла, насилия, крови и звериной жестокости» [Лосев 2000: 352]. Конечно, такая логика истории от Канта далека. Но раз у Эпикура Кант заимствует философию гедонизма, то это уже можно считать началом того процесса, что будет определять мировоззрение человека рубежа XIX-XX веков, т. е. эпохи декаданса.

Однако не выражая дух кантовской философии, то начало, что ощущает у Эпикура Лукреций, в эпоху Просвещения получило выражение не столько в философии Канта, сколько во французских аристократических салонах до начала революции, не являясь распространенным и универсальным. От этого духа избавит гильотина. А о том, что Эпикур будет определять атмосферу французских аристократических салонов, сказано у Д. Дидро. Но эта атмосфера салонов эпохи Людовика XIV повторится позднее, в том числе, в салонах русской интеллигенции до 1917 года как значимого феномена Серебряного века, когда начинается то, что отдельные ее представители назовут «русским Ренессансом», в котором и получит развитие декаданс.

5. Европейская оттепель конца XIX – начала XX веков и идеи Эпикура

Наконец, мы дошли до последних десятилетий XIX века и начала XX века, когда в Европе возникает то, что Ф. Ницше обозначит как декаданс. Это свидетельствует о том, что возникает ситуация, когда Европа будет смотреть в позднюю античность, как в свое зеркало. Под этим углом зрения написано сочинение Д. Мережковского. Так, Д. Мережковский в своем отзыве на книгу Ренана «Марк Аврелий и конец античного мира», пытаясь понять психологию стоика императора Марка Аврелия, изображаемого им с глубоким пониманием и сочувствием, поскольку он все больше ощущал в том массовом обществе, которое впервые в истории в императорском Риме оказалось уже реальным, полное одиночество. Правление Марка Аврелия происходит в 60-70-е годы второго века новой эры. Подъем человеческого духа, связанный с возникновением и утверждением христианства, начал ослабевать. Эта эпоха – «недолгий перерыв, глубокое затишье между двумя бурями» [Мережковский 1995: 361-370, 362]. Впереди борьба язычества с христианством, античного мира с варварами и «закат» столь мощной цивилизации. Значит, время Марка Аврелия – осень императорского Рима. Постепенно утрачивалась любовь к философии. Авторитет Марка Аврелия тоже ослабевал.

Характеризуя отчуждение императора и философа от массы, Д. Мережковский пишет так: «Философия, наконец, всех утомила. Высоких целей не понимали, а видели, что циники, эти грубые люди-псы, как они сами себя называли, с огромными палками, запущенной бородой, мешками, в изодранных грязных плащах, буйствуют на больших дорогах, считая себя, ввиду покровительства императора, не ответственными перед законом» [Мережковский 1995: 365]. В этой ситуации происходил упадок искусства и науки. Распространялись грубые, нелепые суеверия. Если Ренессанс, как доказывал Э. Панофский, возникал уже в Средних веках, то Средние века уже начинаются с «осени» императорского Рима. Христиане не зря предсказывали конец мира. Возникают настроения Апокалипсиса. Христиане ждали преображения этого мира. Но оно уже разворачивалось в глубинах психологии, в том числе, самого императора-философа. «В сущности нравственное настроение императора, – пишет Д. Мережковский, – имеет часто более сродства с апостолом Павлом и Сакья-Муни, чем со стоиком Эпиктетом» [Мережковский 1995: 367]. Так постепенно смерть становится разрешением всех проблем. Смерть преследовала лишенных веры римлян.

И вот тут Д. Мережковский проводит параллель между «осенью» императорского Рима и Европой XIX века как, в соответствии с идеями Шпенглера, исходной точкой финальной фазы всякой великой культуры, которую он называет фазой цивилизации. И на этой фазе переживание танатологического толка оказывается предельно активным. «Его (Марка Аврелия – Н. Х.) преследует мысль о смерти, – пишет Д. Мережковский, – это хорошо знакомый нас страх, никогда не затихающий и неотразимый. Он преследовал римлян времен упадка, лишенных веры, и теперь после долгого перерыва снова пробудился; он преследует людей XIX века самых различных темпераментов, национальностей и направлений – одинаково Бодлера, как Леопарди, Байрона, как Толстого, Флобера, как Ибсена» [Мережковский 1995: 367]. И потом в этом небольшом очерке Д. Мережковский, когда он говорит о равнодушии императора к жизни, снова скажет, чем близка его психология человеку XIX века. Прочитав фрагмент из сочинения Марка Аврелия, в котором он говорит «что бы ты ни делал и ни думал, не забывай одного: возможно, что в следующее мгновение ты умрешь. Покинуть мир, если есть боги, не страшно: они тебя не сделают несчастным: если же их нет, или если они не заботятся о людях, стоит ли жить в таком мире, где нет богов и нет промысла?», Д. Мережковский пишет: «Вот чем Марк Аврелий близок нам, людям XIX века, таким скептикам, жаждущим веры, как Ренан» [Мережковский 1995: 369].

Характеризуя римский декаданс и его влияние на Лукреция, А. Лосев задается вопросом: не с отчаянием ли мы здесь имеем дело? Не есть ли это «полное разочарование» в жизни, окончательной и бесповоротной неудачей, внутренней и принципиальной неготовности, неспособности для жизни?» [Лосев 2000: 360]. А. Лосев пытается ощутить сознание и психологию римского эпикурейца. Все-таки ответ у него получается отрицательный. Ведь если мы оставим эпикурейца наедине с отчаянием, то это будет уже не эпикуреец. Если это и отчаяние, то это такое отчаяние, оборотной стороной которого является наслаждение. Речь ведь все-таки идет об эпикуреизме, а для этой философии наслаждение – вещь определяющая, как, впрочем, и для Канта. И вот вывод глубокого теоретика. «Однако будем ближе к истине, если скажем, что тут произошло как раз соединение того, что обычно считается несоединимым. Тут слилось разочарование с самодовлением и отчаяние – с наслаждением» [Там же]. Но что касается отчаяния, то оно, конечно, проявляясь в самоубийстве, достигает в римском декадансе своих крайних форм. Ведь это разочарование в жизни приводит к добровольному уходу из жизни. Вот как в изложении А. Лосева мыслит эпикуреец эпохи римского декаданса. «Вы предлагаете мне науку, сулите радость искусства, обещаете политический и экономический рай на земле, приманиваете милостями богов? Нет, возьмите себе вашу науку и ваше искусство, а я уж как-нибудь обойдусь без этого. Возьмите себе и всю политическую жизнь с ее импозантными идеалами, да заодно и всех богов с их неизреченными милостями. А я уж как-нибудь так, без этой дорогой и тревожной, изнурительной роскоши. Все это – надежды, тревоги, ожидания, море страстей и чувств; все это – упование на будущее, на очень отдаленное будущее. Нет уж, надейтесь сами, а я обойдусь без вас. Умру один, и без вас, без богов и героев, без борьбы и надежды, без победы и поражения» [Лосев 2000: 362].

Эта философия получила выражение в Риме у философа, тоже эпикурейца, по имени Гегезий. Не случайно Гюйо называет его «проповедником смерти». При этом Гюйо вспоминает философа XIX века А. Шопенгауэра. Ведь Шопенгауэр, как и Гегезий, проявил интерес к Востоку. Восток в это время был для римлян величайшим соблазном. «Гегезия и Шопенгауэра, между прочим, – пишет Гюйо, – сближает то, что оба они вероятно вдохновлялись мирозерцанием Индии» [Гюйо 1899: 199]. Исходя из идеи, что наслаждение является единственным благом, Гегезий при этом полагал, что оно слабее страдания и не является эффективным средством, как считал сам Эпикур, преодоления страданий и достижения счастья. Следовательно, наслаждение не достигает цели – блаженства. К успокоению и гармонии это не приводит, а потому разрешением, выходом из этого неразрешимого противоречия оказывается только смерть. Вот еще одна интерпретация учения Эпикура. Идея представленной Гегезием крайней формы эпикуреизма, связанной с добровольным уходом из жизни, власть беспокоила. «Толпы слушателей валили к нему; – пишет Гюйо, – учение его быстро распространялось, и по слову его убежденные ученики кончали с собой. Это взволновало царя Птолемея, и он, боясь, чтобы отвращение к жизни не приняло характера эпидемии, велел закрыть школу Гегезия и изгнать учителя» [Гюйо 1899: 198].

Вывод, который А. Лосев делает из истории с Гегезием, является весьма любопытным. Однако он слишком сильно разводит само учение Эпикура с его возможными интерпретациями. «Не была ли эпикурейская эстетика жизни уже с самого начала каким-то частичным самоубийством? – задается вопросом философ – И не так ли уже далеко и всякая эстетика чистого наслаждения отстает от жажды смерти и от проповеди обдуманного, идейного самоубийства?» [Лосев 2000: 367]. С этой мыслью однако согласиться трудно. Да и заимствуемый Кантом у Эпикура гедонизм и его понимание Кантом как философом модерна этому противостоит. Правда, этому не противостоит атмосфера рубежа XIX-XX веков в Европе и, в частности, в России. Более того, не только не противостоит, но и понимание Эпикура определяет. Так вот почему в это время у Ф. Ницше рождается идея «сверхчеловека». Это

ведь вариант того деятельного человека, возникшего еще в Древнем Риме в благополучные эпохи его истории. У Ф. Ницше он возникает как реакция на вырождение человека, а виновником этого вырождения философ делает христианство. Отстаивая идею бегства от вырождения западного человека, Ф. Ницше склоняется к радикальной критике христианства.

Но что у него оказывается весомым аргументом против христианства? Как ни странно, именно гедонизм как средство избежать волнений и достичь покоя. Необходимо избежать всякого зла и страдания и попытаться достичь блаженства. Но ведь мы имеем дело с болезнью. Как же ее обозначить? Как ее обозначали в раннем и позднем эллинизме, т. е. обозначали как гедонизм. Как языческое учение о спасении. Здесь-то Ф. Ницше и называет вождя этого распространенного в массах учения. Это Эпикур – вождь римского декаданса. Итак, решающий вывод сделан. Эпикур не только соотнесен с декадансом, но и представлен его выразителем. Вот решающий вывод Ф. Ницше: «Эпикур – типичный *decadent*, впервые признанный таковым мною» [Ницше 1990: 280]. Ну, раз Ф. Ницше первым открыл и объяснил, что есть декаданс, то он должен был отыскать его выразителя в истории. Он это и сделал. И, кстати, своего «сверхчеловека» он ведь тоже нашел в Древнем Риме. Странное однако заключение, сформулированное им, как признается сам философ, впервые.

Но неужели с этим заключением можно согласиться? Ведь христианство как раз и явилось способом преодоления подорвавшего деятельный образ римлянина эпикуреизма. И потому христианство и эпикуреизм – враждебные системы. И не случайно Ф. Ницше рисует образ Эпикура как как воинствующего, активного борца против христианства, которому Эпикур объявил войну в его зародышевой форме. Потому христианство сделало все, чтобы учение Эпикура было забыто. А вот Ф. Ницше, делая христианство виновником вырождения человека и, следовательно, декаданса, возвращал к критике христианства Эпикуром. «Читайте Лукреция, чтобы понять, – пишет Ф. Ницше, – с чем боролся Эпикур, не с язычеством, но с «христианством», я хочу сказать, с порчей душ через понятия вины, наказания и бессмертия» [Ницше 1990: 688]. И ведь Эпикур, как пишет Ф. Ницше, победил, поскольку «всякий достойный уважения дух в римском государстве был эпикурейцем». Да, об этом мы говорили и повторим еще раз: популярность Эпикура и его школы превосходила всех остальных философов Рима этого времени. И это продолжалось до появления апостола Павла.

Асмус В. 1962. *Немецкая эстетика XVIII века*. – М.: Искусство. – 311 с.

Баумгартен А. 2021. *Эстетика*. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке. – Университет Дмитрия Пожарского. – 760 с.

Бахман-Медик Д. 2017. *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. – М.: Новое литературное обозрение. – 504 с.

Валла Л. 1966. *Об истинном и ложном благе // Кант И. Сочинения. В 6 т. – Т. 5.* – М.: Мысль. – 564 с.

Эстетика Ренессанса: Антология. 1981. В 2-х т. – Т. 1. – Составление и научная редакция В. П. Шестакова. – М.: Искусство. – 495 с.

Верен Д. Ф. Кант, Гегель и Кассирер. 1997. *Происхождение философии символических форм // Кассирер Э. Жизнь и учение Канта*. – СПб.: Университетская книга. – 447 с.

Гьюй Ж. М. 2015. *Мораль Эпикура и ее связь с современными учениями*. – М.: Книжный дом «Либроком».

Дидро Д. 1991. *Сочинения в 2-х т. – Т. 2.* – М.: Мысль. – 604 с.

История эстетической мысли в 6 т. 1985-1990. – М.: Искусство.

- История искусства и отвергнутое знание: от герметической традиции к XXI веку. – *Сборник статей*. – М.: Государственный институт искусствознания. – 2018. – 416 с.
- Кант И. 1994. *Критика чистого разума*. – М.: Мысль. – 591 с.
- Кант И. 1966. *Критика способности суждения* // Кант И. Сочинения. В 6 т. – Т. 5. – М.: Мысль. – 564 с.
- Кассирер Э. 1997. *Жизнь и учение Канта*. – СПб.: Университетская книга. – 447 с.
- Круглов А. 2009. *Философия Канта в России в конце XVIII – первой половины XIX веков*. – М.: Канон – Плюс. РООИ «Реабилитация». – 568 с.
- Лосев А. 2000. *История античной эстетики. Ранний эллинизм*. – Харьков.: Фолио. – М.: 000 «Издательство АСТ». – 960 с.
- Модестов В. 1890. Эпикуреизм и современный интерес к нему. – *Русская мысль*. – М. – № 3. – С. 41 – 57.
- Мережковский Д. 1995. *Марк Аврелий // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники*. – М.: Республика. – 624 с.
- Овсяников М. 1986. *Кант // История эстетической мысли*. – Т. 3. – М.: Искусство.
- Хайдеггер М. *Кант и проблема метафизики. Замечания к интерпретации Канта Мартином Хайдеггером*. // Кассирер Э. *Жизнь и учение Канта*. – 404 с.
- Хренов Н. 2020. Трагедия эпикуреизма: эпохи оттепели в истории культуры. – *Terra aetheticae. Теоретический журнал Российского эстетического общества*. – СПб. – С. 42–78.

Интеллектуальное событие

От редакции

Завершаем печатать статьи из капитального труда, посвященного анализу семи поколений московских философов¹. В данном номере представлена часть трудов философов поколения 2010-х годов.

В.П. Макаренко

КРИЧАЩИЕ МАШИНЫ. ПУСТЫННЫЕ ХРОНИКИ²

И.Н. Белоногов

Институт философии РАН

Аннотация: Данный текст является экспериментальной попыткой сделать «объективное» поколенческое высказывание. Для этого постулируется локальность и неэталонность используемого в качестве примера субъекта-автора и вводится требование экспликации его точки зрения для ее объективирования. Вводится представление о поколениях и их спецификации. Авторская точка зрения объективируется за счет описания основных принципов, пристрастий и средового фактора, являвшихся определяющими для формирования его субъективности. После этого производится высказывание о поколении в широком смысле слова. Далее, указываются основные преподаватели-аттракторы, повлиявшие на формирование философских аспектов субъективности автора, после чего производится высказывание о философском поколении. В завершение делается прогноз относительно будущего.

Ключевые слова: философское поколение, поколение Y, 2007, RPG, Жиль Делёз, Фридрих Ницше, Фриказоид, Белоногов Иван, «le Shizo»

...мы ощущаем сегодня одиночество, отчаяние и меланхолию в том, что можно было бы обозначить ужасным и фальшивым словом «поколение».

Деррида Ж. Дальше мне предстоит идти одному

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

² См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1147–1177.

Говорить о своем поколении – значит развязывать войну. Ведь в этом слове – «поколение» – естественно просвечивают «мы» и «они». За этим слоем следующий – «я» и «мы». Риски растут.

Как говорить о своем поколении и при этом не говорить за него? Как, выступив с этой речью вперед, не прослыть бастардом? Рефлексируя о всех тех, кто вместе со мной говорил «мы», и при этом не дав им слова – в данной речи, здесь и сейчас, – как не произвести двойное предательство: не быть тем, кто отстранился, чтобы проанализировать; не быть тем, кто незаконно приватизировал «голос» поколения?

Как говорить о «мы», если здесь, честь по чести, только «я» или, точнее, «он»?

Быть может, мне повезло. Повезло потому, что «одиначество», «аутичность», «отстраненность» и совершенно невинная наглость являются очевидными чертами того поколения, к которому я принадлежу.

А значит, задачу надо скорректировать.

Не «мое поколение», но «я поколения».

Что значит «я как сформированный поколенческим со-бытием».

Некто, назовем его, скажем, Белоногов Иван, является сингулярной актуализацией тех событий, что произошли в Российской Федерации с 1992 по 2020 год (шестью днями можем пренебречь³). И то, что называется «его Я» – это продукт времени, который в данном тексте будет препарирован и проанализирован в качестве частного примера. Примера, который в силу самой исторической ситуации не может выступать как «эталонный»: в славную эпоху российского постмодернизма такие понятия, как «эталон» или «авторитет», отправились в исторические архивы словесности.

С помощью этого хода, этого постановления, гласящего – «Белоногов Иван есть далеко не эталонный пример, выбранный исключительно в силу его доступности автору данного текста», снимаются обвинения в «незаконной приватизации».

Но тогда на нас обрушивается, со всей неумолимостью, другое обвинение – в фиктивной отстраненности. Оно удваивается – «он» не только вызвался говорить о своем поколении так, словно может смотреть на него объективно, но и утверждает, что так же объективно может рассмотреть свое «Я».

Это обвинение требует ответа на вопрос о точке зрения. Какова точка зрения, с которой возможна эта объективность?

Для этого, первым шагом, процитируем одного современного философа, что оказался крайне «моден» на момент написания данного текста: «существует своего рода сущность, объектность субъекта, а объектность – это точка зрения» [Делез 2015: 33]; «субъект вторичен по отношению к точке зрения субъект конституируется точкой зрения, а не точка зрения – субъектом» [Там же: 32]. Следовательно, используя нашего субъекта в качестве неэталонного примера, мы рассматриваем его как один из объектов в поле зрения, которое само является частью мира. Тогда под «субъективностью» здесь будет пониматься набор приписываемых «субъекту» ролей внутри сложившегося социального режима («ребенок», «отрок», но и «школьник», «студент», а также «панк», «эмо» e. t. c.). Эти роли, накладываемые на точку зрения, тогда становятся маркерами, указывающими на ее расположение в определенный период («смотреть на мир глазами ребенка», «видеть сквозь призму подросткового максимализма», «делать философию как отмороженный панк» e. t. c.).

Вторым шагом уточним: «То, что определяет мою точку зрения, подобно своего рода прожектору, который во мраке смутного и запутанного мира сохраняет ограниченную зону

³ Официальной датой образования Российской Федерации считается 25 декабря 1991 года. Но покуда от последующего года эту дату отделяет лишь 6 дней, мы «округляем» до 1992.

ясного и отчетливого выражения» [Делез Там же: 34]. А «то, что я выражаю ясно и отчетливо есть то, что сопряжено с моим телом» [Там же: 35]. С такой точки зрения описываемые события и люди оказываются объективны – ведь это они формируют точку зрения, и, одновременно, откуда они есть то, что было сопряжено с «моим телом», они же и позволяют определить положение – тела и точки зрения.

Сделав эти два шага, можно постулировать: последующий рассказ «субъективен» в том смысле, что включает в себя лишь то, что было увидено со вполне определенной точки зрения; в то же время он объективен, поскольку сам анализ объективирует эту точку зрения, определяя ее указанием координат.

Обретенная невинность открывает возможность начать речь о «поколении». И поскольку это будет речь «научного сотрудника Института философии РАН», то начинается она с экспликации теории поколений и методологии его анализа.

Поколения конца [алфавита]

*Я такой же как ты, такой же как я
Я не такой как ты, не такой как я.
Психея «Поколение Ты»*

Существует множество трактовок понятия «поколение»: люди, родившиеся в определенный промежуток времени; живущие в сходной экономической, политической и культурной ситуации; разделяющие одни ценности (конечно, есть и биологические, и генеалогические понятия «поколений», но здесь и сейчас от них нет проку).

Но, прежде чем обращаться к ним, зададимся вопросом: будут ли два поколения, оказавшиеся в одних и тех же, неизменных на протяжении их жизней, условиях, полностью схожи между собой? Думается, их различие будет устанавливаться через символические отношения между ними: антагонизм «отцов и детей» или асимметрия «учитель – ученик» будут задавать их отличие в различные периоды. И даже если последующее поколение повторит путь предыдущего, то стоит обратить внимание на смену их ролей относительно друг друга: «отцы» и «дети» превращаются в «отцов, ставших стариками», и «детей, ставших родителями», сделав тем самым структуру их отношений тернарной – дополнив ее отношениями «деды и внуки». А ведь можно говорить и о поколении «младших» и «старших братьев». Потому, помимо «содержательных» определений, следует помнить и о структуре взаимоотношений между поколениями. Тем более в нынешней ситуации она не столь проста.

Но задача оказывается гораздо проще, стоит лишь начать решение: развал СССР и появление РФ оказывается водоразделом, трансверсальным всем выделяемым аспектам. Это и политический разрыв, и экономический (приход рынка), и культурный, который, в свою очередь, призвал новые ценности.

Для удобства возьмем уже имеющуюся, навязываемую информационными медиа четверицу: беби-бумеры [«бумеры»] и поколения X, Y и Z.

Так поколение бумеров оказалось носителем, который вырос и прожил половину жизни в одной ценностной среде, а после оказался в новой. Которая полна событий и идей, вступающих в противоречие с успешными прижиться ценностями. В философии это вылилось в книги и разглагольствования, полные ностальгии и меланхолии. И полные ненависти к «постмодернизму», который ассоциировался с пришедшим на руины нерушимого дивным новым миром. В связи с этим долгое время (примерно до 2015 года) это поколение было поколением «Терминала»: подобно герою Тома Хэнкса (и его реальному прототипу – Мехрану Карими Нассери) из фильма «Терминал», это поколение, не имея возможности вернуться

обратно в СССР (в силу его исчезновения), но не желая принимать РФ с его новыми ценностями и правилами игры, на несколько десятилетий зависло в коллективном фантазме о «траве, что была зеленее»⁴.

Но поколение X оказалось не менее везучим: так, в Америке оно также называлось «поколением Прозака» – из-за высокого уровня самоубийств, доведенных до конца благодаря выписываемому врачами препарату от депрессии – прозаку, – который дарил готовность быть активным и достигать своих целей, но не затрагивал самих этих целей, которые у обладателей депрессии чаще всего сводились к одной – суициду.

В России же этому поколению был выдан другой «подарок»: закончив советскую школу, оказаться в капиталистическом мире, ориентированном строго на Запад. Ценности, коими они были заражены в школьные годы, никуда не делись, но к ним с необходимостью (в первую очередь, в связи с необходимостью выживания в хищническом мире глобального рынка) прибавились новые, идущие вразрез с имеющимися. И их головы забурлили: прыжки из крайности в крайность, постоянно возникающие бредовые идеи, являющиеся результатом, всегда не окончательным, решения возникшего в их умах противоречия; ирония – как обезболивающее, позволяющее следовать новым правилам в режиме «как бы». Во многом ситуация последних 30 лет – их рук дело. Еще одно их название – «Поколение П» (что, по одной из версий, значит «Пепси», а по другой – «Пустота»).

Ситуация же в философии имеет интересную параллель с ситуацией в экономике. Самвел Аветисян в одном своем интервью⁵ говорит, что можно выделить три волны менеджмента в России: первая, прошедшая сквозь 90-е, ознаменовалась тем, что основную задачу – ввезти новые продукты в страну – выполнили преступные элементы; вторая определяется поражением – вместо того, чтобы создавать новые бренды, внедрять новые модели, российские менеджеры довольствовались купленными франшизами, которые в силу новизны приносили доход и потому не заставили менеджеров задуматься, а растущие за счет роста цен на нефть их зарплаты поддерживали сладкую грезу о том, что они всё делают правильно; третья же волна только предрекалась (ибо интервью имело место в 2013 году) и должна была принести с собой необходимость в производстве своего и нового.

То же верно и для философии: 90-е были временем переводов, когда различные философы и философские школы занимались в основном тем, что пересказывали, переводили и публиковали зарубежных авторов либо критиковали это дело и Запад вместе с ним; на втором этапе произошел переход от заимствованного содержания к заимствованным формам – стали применяться схемы и модели философствования, которые привели к славе зарубежных мыслителей, и поначалу это, в силу новизны, действительно приносило свои плоды. И вот, третья волна, которую датирую 2009 годом, как годом своего поступления в МГУ, когда смог наблюдать, как иксы сталкиваются с задачей – начать творить что-то стоящее – и, пока неумело, начинают свои попытки.

Напоследок, для того, чтобы всё не выглядело столь мрачно и цинично, добавим один интересный и романтический факт: один из «Иксов» выдал как-то мне, что гимном его поколе-

⁴ Так же о различии поколений («Терминала», X и Y), о событиях, которые вывели эти различия на поверхность, и о некоторых концептах, с помощью которых эти различия можно зафиксировать см.: Белоногов И.Н. О связи понятий «человек» и «идентичность» в современной философии // URL: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/video/197-belonogov-i-n-o-svyazi-ponyatij-chelovek-i-identichnost-v-sovremennoj-filosofii> (дата обращения: 20.10.2020).

⁵ Интервью Самвела Аветисяна «Эпоха менеджеров закончилась!» // URL: <https://www.e-xecutive.ru/management/biznes-liderstvo/1851757-epoha-menedzherov-zakonchilas> (дата обращения: 20.10.2020).

ния могла бы стать песня «Моя оборона» группы «Гражданская Оборона», а конкретнее – строка, утверждающая, что «пластмассовый мир победил»⁶.

Следующими же в нашей программе будут выступать: первые рожденные в РФ, посреди рынка. Выросшие на хитрых западных конфетах, мультиках, книгах и играх, в соседстве со всем зверинцем «90-х»: бандитами, менеджерами, героинщиками, рекламщиками, программистами и рейверами. Встречайте – «Поколение Y», или «Миллениалы».

О них, в следующих главах, и планируется вести речь. Точнее о том, чем стали те из них, кто выбрал своей стезей философию. Еще точнее – о том, что видел, пережил и подумал некто Белоногов Иван, родившийся на планете Земля, что в Солнечной системе, в городе Москва, только ставшей столицей Российской Федерации, где-то в начале 90-х и взятый нами как неэталонный пример этого самого поколения...

Иваново детство: 90-х милая пора

Это не я иду против движения –

Это вы оказались на моем пути!

Я такой, какой есть

И такой, каким никто не хочет меня видеть.

Психея «Поколение Ты»

Субъект загружается, ждите...

Загрузка почти завершена. Пожалуйста, не выключайте внимание и не закрывайте текст...

Распаковка...

Установка...

...Установка завершена.

Запуск...

Так непривычно говорить «Я», говорить от «своего» имени. Стал это делать лишь после того, как год назад пришлось получить трудовую книжку. А до того любил я пользоваться псевдонимами, никами и прозвищами.

Возможно, это потому, что одним из философских экспериментов придумал такой: стереть всю субъективность, все личностные привязанности и черты, чтобы говорить как «Никто». Результат, что интересно, в какой-то момент оказался прямо противоположным: под субъективностью нашлись точка зрения и тело, привычки и гены – всё то, что оказалось довольно твердым фундаментом для индивидуальных отличий. Особенность этого фундамента в том, что его нельзя просто снести – это приведет к смерти. Его надо медленно пере-страивать. Дело это, конечно, идет, но дело не в этом. Дело в том, что эти неустранимые hic et nunc тела и точки зрения требуют признать собственную сингулярность, единичность. И не имеет значения, как ее называть.

Может, конечно, причина другая: желание освобождающей анонимности. Не для того, чтобы троллить людей в интернете, но чтобы продолжать быть ускользающим от навязанного контроля. Контроля, исходящего от тех, чьи намерения сомнительны как в плане целей,

⁶ Почему бы не деконструировать эти слова, поняв «Пластмассовый мир» как «Мир LEGO», мир пластмассового конструктора, превратившегося из игрушки в инструмент. От набора для архитекторов Lego Architecture Studio, через LEGO Serious Play для бизнеса, к философским статьям и книгам, как то, книга Резы Негарестани «Intelligent and Spirit», к которой можно было купить набор «философского лего» – Лего само всё больше превращается в инструмент деконструкции, который наполняет концепт «клипового мышления» позитивным смыслом.

так и в плане качества интеллектуальной проработки. Но в последние годы это уже даже перестало быть альтернативой между «будь рабом с именной кредиткой» и «лишись всех благ цивилизации [и беги в лес]». Никакой альтернативы – всякое лицо уже давно считала камера и обработал искусственный интеллект. Оно давно уже есть в картотеке.

Думается, эти две причины связаны между собой – так просто отказаться от личности, когда знаешь, что где-то есть резервный файл.

А может, дело началось гораздо раньше, когда я – третий, второй и первый ребенок одновременно – узнал, что получил имя дедушки, к которому относился с особым теплом и который был готов передавать знания, наставлять и учить, заражая теми принципами, что сделали его несомненным главой семьи. Получалось, по моему тогдашнему разумению, что имя «мое» мне вовсе не принадлежало – мало того, что мне его кто-то дал, так еще и само оно было именем живого человека, который им всё еще продолжал пользоваться. И даже если бы никто не возражал, если бы им в своем праве пользовался и я, оно всё равно еще имело и определенную символическую нагрузку, определенные обязанности. Пятнать имя – свое или чужое – всегда паскудное занятие. А уж если оно одновременно и твое, и дедушки твоего, то тут лучше и не прикасаться. Особенно если ты – неловкий гиперактивный ребенок. Дедушка к тому же выставил планку крайне высоко. Короче, не хотелось обременять себя таким грузом, а имя собой.

Со временем мне более-менее удалось занять неопределенную высоту, а подъем планок стал полюбившимся делом. А когда осознал, что память, прошлое и история всё еще отпечатаны на мне; что имя, пользуясь я им или нет, так или иначе, используется системой идентификации; что, постоянно ускользая от контроля, уходя от встречи с ним, начинаешь отставать в развитии, ибо не знаешь, каков нынче враг – тогда уже имя само ко мне приросло, не испрашивая никаких позволений. Впрочем, это даже круто – получить Имя-Отца. Пусть и небесплатно.

Думается, таково вот введение, позволяющее составить психопортрет.

Может, надо добавить – родители инженеры, связанные с космической промышленностью. Потому и шучу, что-де все родились в роддомах, а я в космосе, в Солнечной системе, на планете Земля... и т. д.

Сестра и братья – маркетологи да бизнесмены (плюс один психоаналитик, что хочется отметить отдельно). С ними прошел сквозь мир рекламы, пиара и продвижения брендов, что позволило ознакомиться с новыми правилами игры, в которую играет общество. Да посмотреть на мир с «Крыши Мира», через оптику жителей верхних этажей социума, не испачкав рук и не замочив ног.

Квартира – большая библиотека. Казалось, вся история и культура человеческой цивилизации – это то, что расставлено по полкам и до чего рукою можно дотянуться.

Маман, атеистка с тремя высшими образованиями, учит и требует.

Интересно сказала мне в детстве: «ты новое, следующее поколение. Ты – улучшенная версия нас. Если ты будешь просто умен так же, это должно считаться отставанием в развитии». Уже в университете узнал, что это – один из аспектов техногенной цивилизации, сменившей традиционную. Та была направлена в прошлое, в воспроизводство. А техногенная держит курс в будущее, ставя на прогресс. И тогда каждое следующее поколение оказывается модификацией предыдущего и задает современность, относительно которой уже происходит отбор опыта более ранних поколений – что из этого опыта всё еще актуально, а что перешло в разряд «истории».

(Вообще, такое понятие как, «авторитет», тем более возрастной и «непререкаемый», не сложилось. То результат нескольких факторов. Во-первых, в памяти у него отложилось, что мужчина моложе 80 – это «мальчик». Ну, так их маман называла. Во-вторых, возмож-

ность идентифицироваться с дедушкой, данная вместе с его именем. Этот немотивированный дар свел на нет ощущение любой возможной возрастной разницы. В-третьих, в семье учили уважать и оценивать в первую очередь ум, знания, смелость и честность. Ну и «добро-ту» (Спросив как-то родителей, что значит «милосердие», с удивлением обнаружил, что они вдруг затрудняются с ответом. Потому «доброта» – это качество не семьи, но других людей, которых стоит оберегать, ибо они ради нее умом пожертвовали.) В школе, университете, да и практически везде эти принципы не раз приводили к непониманию, даже агрессии со стороны окружающих. Зато они же сделали встречу с философией возвращением домой.)

Что «секс – это не повод знакомиться». И с тех пор он не знакомится исключительно ради секса, а для секса не ищет ни повода, ни знакомства. Принимая во внимание психоаналитическую составляющую философии XX века, эта его особенность многое объясняет. В первую очередь – легкость ее принятия и освоения.

И что «мужчина должен уметь всё или мочь быстро научиться». Хорошее напутствие для изучения философии. И установления враждебного отношения с другими существами мужского пола.

Особый интерес – умные книги читать в детстве мне запрещали. Да, в общем-то, и в пубертате говорили, что «ты туповат и вряд ли поймешь, лишь книги испортишь». Это объясняет такую заикленность на чтении – всё то, что нам запрещают в детстве родители, становится потом нашими желаниями. Потому читает, курит и пьет. С любовью.

Отец живет отдельно. Закончил бауманку. «Православный коммунист-ракетостроитель» – обычно представляю его так. Приезжает в выходные. Иногда берет с собой на МАКС (фестиваль аэрокосмических достижений). Любит зачитывать понравившиеся цитаты из книг. Учит наслаждаться поэзией и классической музыкой. Во время прогулок разговоры либо о моих выдумках да отгадках, либо о науках. Читает в качестве сказки на ночь «эक्клезиаста». Думается, это внесло свою лепту в мое отличие от тех детей, с которыми отцы играли в футбол.

Если добавить к этому, что ребенок он поздний и родители его – бумеры, то можно описать его как субъекта-миллениала, взращенного бумерами-интеллигентами [по образу инженера-изобретателя-героя-универсала] и нахватавшегося лучшего у Иксов (которые, будучи братьями, с точки зрения генеалогии, были того же поколения, оставаясь старше на 20 лет).

Любимые художники с детства: Энди Уорхол, Винсент Ван Гог, Сальвадор Дали. Позже к ним добавится Кандинский, Ротко и Бэкон. Отсюда интерес в университете сразу пал на французскую философию и начала XX века (узнав, что есть еще такие сюрреалисты, как Жорж Батай и Антонет Арто), и его второй половины («постмодернизм» ассоциировался с Энди Уорхолом и сразу воспринялся в позитивном ключе).

Квартира полна животных – две собаки, попугай, черепаха. Межвидовая коммуникация с младых лет. «Животные, они же не люди, с ними говорить надо» – узнал он и запомнил. Это в итоге повлияло на выбор темы дипломной работы – сознание животных.

И конечно – юмор. Шутили все. Надо всем, всеми и, конечно, собой. Людям без чувства юмора не доверяли. Ведь если «для умных жизнь – комедия, а для чувствующих – трагедия», то человек, который не смеется и не плачет, интерес представляет лишь технический.

Все становится чудесатее, когда мы берем масштаб города – весь этот литературно-героический зоопарк, располагался посреди самого криминального района Москвы.

В округе убивали, грабили, умирали от передозировок. Забыв лишний раз оглянуться, можно было легко оказаться окруженным, а после побитым и далее по описи. Возможно, это были «90-е» и их эхо в самом соку.

Школа была простой. Ну, или не очень, ведь в ней была даже курилка. А выпускники раз в шесть лет убивали на выпускном бомжа. Такое в действительности случалось лишь два раза, но в силу общей циничности присущей гетто, это подавалось молодым поколениям как традиция.

Леворукость сыграла шутку – нечитабельный подчерк и учительница, не желавшая принять его как данность, обратились в «тройку» по «Русскому языку». Прочитав ныне Фуко, задаюсь вопросом – не стала ли эта «тройка» первой стигмой, что предрешила весь школьный путь? Ведь раз «тройка», то «троечник». Раз «троечник» – друзья хулиганы. Короче, дивергент косолапый.

Друзья-хулиганы. Сказано громко, но отражало действительность. Точнее лишь – «отморозки». Наименованием этим гордились, несомненно. Компания – ребята, приезжие из разных городов, а скорее, деревень. Живущие иногда и за чертой бедности, но чаще – на самой этой черте, проходящей сквозь все 16 улиц. Драки, срывы уроков, прогулы, а там и полный набор рок-звезд. Даже гитары были. И старый наркоман из соседствующего со школой мужского общежития, игравший и певший нам русский рок.

И если говорить за самый узкий круг моих философских контактов, то, думается, улица тоже участвовала в их воспитании.

С тех пор не люблю «белую кость». И это не реваншизм из низов, нет. Побывав и внизу, и вверху, точно знаю – если человек из себя что-то строит, значит само не выросло. Элитарные общества не создают, ими оказываются.

С тех пор радуюсь, что не оказался в итоге «тепличным». Посмотрел на мир, да на то, как люди живут. Себя проверил. Да, есть деформации – когда меня ехидно критикуют коллеги, не по делу, а по личной неприязни, то первый вопрос, всплывающий в голове – «Есть ли у них стоматологическая страховка?» Там, где он вырос, люди доставали ножи, пистолеты или, в крайнем случае, коротким отточенным движением делали из бутылки розочку и из-за меньших разногласий⁷. И думается, это важно – философ должен понимать цену жизни. Как своей, так и чужой. Иначе будет слишком просто говорить о гуманизме и равенстве, «плоских онтологиях» и «мире без насилия», да «измазанной в котлете губой, похотливо напевать Северянина».

И последняя деталь пазла – панк-рок. Конечно, пролетарии готовы рвать глотку, понося буржуев и весь Вавилон, но лишь пока они чувствуют себя обделенными. Их протест заканчивается детьми и ипотекой.

Совсем другой эффект оказывает панк-рок на интеллигентный, крепко воспитанный разум. Ограничения, правила поведения и хорошего вкуса, необходимость держать лицо и с гордостью нести фамилию, сохранять традиции да заучивать догмы обращаются в сильное Супер-Эго – в жесткую цензуру и постоянное вытеснение. Лишь человек, чей разум постоянно бьется о прутья решеток, станет бороться за свободу разума и духа, даже имея возможность вкусно поесть и в тепле поспать. Убивают в себе государство лишь те, кто его в себе имеет и кому оно сильно докучает. Потому ближайший мой круг общения в конечном итоге состоял из очень воспитанных девчонок и ребят, которые, хлебнув не однажды той легкости, что обретается путем преодоления границ, словесных шаблонов и свержением догм,

⁷ Не стоит эти слова рассматривать ни как угрозу, ни как предупреждение. Это просто констатация факта. Впрочем, зная, что существуют представители философского сообщества, пользующиеся тем, что в этом сообществе рукоприкладство – табу, стоит задуматься о том, чтобы ввести философски отрефлексированную возможность борьбы (быть может, даже именно греко-римской) как сдерживающего фактора. Причем, чтобы она начала функционировать в этой роли, к ней нет необходимости прибегать, достаточно продумать эту возможность, концептуализировать и прописать, оповестив сообщество об их появлении.

со всей смелостью, яростью и упорством срывали с себя все ограничения, установленные производителем.

Думается, именно так объясняется совпадение трех черт, которые легко обнаруживаются у каждого из моих коллег и товарищей – панк-рок, Ницше и «французский постструктурализм».

Такой удивительный, честно скажу – неожиданный для меня, парадоксальный вывод: ближайший круг общения, сформировавшийся в настоящем времени, выводится из наиболее ранних, «личных» моих воспоминаний.

Впрочем, достаточно я пробыл в этих тесных глубинах детских воспоминаний. Пора расширить горизонт, сменить масштаб на ступень вверх. Туда, где царствуют

Ницше и Фриказоиды

Что я знал о junk'e?

Jane Air «Junk»

Россия довольно большая страна, и в различных регионах экономические и культурные факторы будут различны. Видимо, по стигматам, полученным в детстве, ты находишь друзей. Ты узнаешь в них геральдику родных просторов. В нашем случае – клеймо со «знаком качества» из тех мест на краю ночи, куда добираются лишь те, чья смелость граничит с безумием.

Но это всё приватное дело, столь узкий круг людей, что он рискует обратиться в клуб для избранных.

Нет, мы этого не допускали и не допустим. Всегда были открыты ко всем, кто приходил к нам. Сами, будучи аутсайдерами и маргиналами еще в то время, когда это не только не было еще мейнстримом, но даже не приносило ничего кроме буллинга и бед, мы всегда были готовы впустить беглеца, отринутого обществом, в наш круг и прикрыть, в случае необходимости, его своими спинами. Конечно, всегда уточняя: «Мы не секта. Вам тут не рады».

Впрочем, всему свое время.

А сейчас, поскольку попытка узнать свое поколение по своему прошлому привела нас к тесному кругу общения, являющемуся скорее стаей, постольку стоит попробовать сменить метод.

Действительно, не перечислять же всех своих друзей, товарищей и знакомых, в надежде вывести из них формулу поколения. Вместо этого попробуем обратиться к тем предикатам, что можно приписать поколению а priori.

Так, с начала 90-х годов и примерно до середины «нулевых» российское телевидение могло похвастаться лишь крайне ограниченным набором каналов – вначале их было 6, потом добавилось еще несколько (СТС, РЕН ТВ, ТНТ и т. д.). И то, как сеть эта раскинулась по всей стране, да то голливудское раздолье, что стало доступно простому зрителю благодаря телевизору, достаточные причины, чтобы предположить, что те мои сверстники, которые по удивительным причинам телевизор в детстве не смотрели, это не треть и не половина поколения, даже не четверть, но обыкновенное множество, по размеру не большее, чем другие таксоны. То есть «тех, кто не смотрел телевизор», вряд ли больше, чем «тех, кто смотрел покемонов», или «тех, кто смотрел мультики по СТС», или «тех, кто смотрел Сейлор Мун», и т. п.

Поскольку мультики – это такой же ментальный вирус, как и любое другое содержание медиа, и также содержащий меньшие вирусы (вирусные образы персонажей, вирусные образы поступков, манер и черт, вирусные ценности и принципы, Et cetera), постольку они

не только являются маркером, сообщающим о том, как распределялось время у того или иного индивида, имевшего возможность посмотреть тот или иной [мульти]фильм, идущий в то или иное время (мультифильмы в субботу утром, днем в будни, вечером в четверг и т. д.), но и о том, какие предпочтения он имел в те годы. Мультифильмы также сообщают о настоящем индивида, в котором теперь содержится определенный вирусный набор, воздействующий как на его образ, так и на его предпочтения. Оттого представители моего поколения, словно ментальные франкенштейны, состоят из частей образов телегероев – этика, собранная из несвязанных между собой принципов, китчевые манеры, стихийные знания. Для нас нет большой проблемы совмещать в себе Кота Леопольда и Саске, Геральда и Пятачка или, например, Гендальфа, Гамлета и Рика Санчеза. Думается, это важная модификация, отличающая мое поколение от предыдущих – мы не выбирали одну роль на всю жизнь, но всегда, практически в любой момент, могли сменить отыгрываемого персонажа. И каково же было наше удивление от того, какие роли – банальные, шаблонные, предсказуемые – выбрали себе ярмом на всю жизнь наши предшественники.

Мультики, а не фильмы, столь важны потому, что вместе с моим поколением пришел и жанр *adult swim*, возникший вместе с мультифильмом «Фриказоид». Этот мультифильм был создан для поколения американцев, которые выросли на «Аниманьяках» – еще одном мультифильме, отличительная черта которого, как это принято говорить, абсурдный юмор и слом четвертой стены. «Фриказоид» пошел по его стопам. Фриказоид – это супергерой, в которого может превращаться *perd*-подросток, после того как его, в результате, конечно, случайного стечения обстоятельств, засосало в интернет. Получив всю информацию интернета, весь поп-перовский «мир 3», всю культуру, он сошел с ума. Думается, Фриказоид мог бы послужить одним из образов, описывающих поколение Y.

Но «Фриказоид» – это только образ. Сам мультифильм не был популярен. Тем более не был так популярен, как «Покемоны». Можно было бы сосредоточиться на той истерии, что они вызвали, но лучше обратить внимание на ту модель, что они содержат: модели коллекционирования, прокачки и соревнования. Модель RPG – ролевой игры, настольной или компьютерной. В случае «Покемонов» их модель RPG предполагала конечного, но бесконечно дополняемого (поскольку всегда можно придумать нового покемона, отталкиваясь от уже имеющихся – по принципу различия) набора существ, которые распределялись согласно их типам, видам, энергии; каждый из покемонов имел несколько форм эволюции, каждая мощнее предыдущей, и переходил от стадии к стадии благодаря накоплению опыта; цель ловца покемонов состояла в том, чтобы изучить как можно большее число покемонов для того, чтобы выбрать среди них наиболее подходящих себе и тренироваться с ними, учиться и эволюционировать, дабы побеждать других ловцов. Когда встретил статью о модели RPG в журнале «Финиковый Компот», то понял, что не один, к счастью, ощутил ее плодотворность для ориентации в обществе⁸. Ведь жизнь как процесс «по сути» состоит в постоянном получении опыта, XP⁹. Важно лишь правильно выбирать встречи, которые принесут новые, пригодные для дальнейшего продвижения к цели, способности. Мир знания делится на науки, течения, навыки и особые приемы. И сам философский факультет – это пространство, расчерченное школами, союзами, группами и адептами. Те или иные спецкурсы позволяют получить различные навыки: методологии, мыслительные ходы, риторические фигуры, образы мысли и мышления. Воспринимая себя при этом как определенного персонажа, с кропотливо созданным образом, с любовью подобранной прокачкой и экипировкой.

⁸ Мишура А. Система развития навыков в RPG как поле философской рефлексии // Финиковый Компот. Вып. 7: Видеоигры. URL: <http://philosophy.ru/fk/fk-7/sistema-razvitiya-navykovv-rpg/> (дата обращения: 20.10.2020).

⁹ От английского *experience* ‘опыт’. Сокращение «XP» используется в компьютерных и настольных играх.

И эта модель в не меньшей степени пересекает важное событие «нулевых», которое связано вовсе не с 2001 годом, который иногда приписывают, наравне с интернетом, моему поколению как фактор влияния, а с 2007 годом. Недаром «верните мой 2007» стало мемом. Эпоха особо выразительных, ярких и шумных субкультур – панков и эмо. «Ягуары» и «страйки», «Amatory» и «Король и шут», «тунели» и дреды, «скорость» и «хлеб». Здесь можно было бы рассказать множество историй, но, к сожалению, сейчас, когда я пишу этот текст, существует возможность попасть в список экстремистов за наличие в аудиозаписях песни группы «Психея» – авангарда альтернативной музыки тех лет. Но, быть может, хоть какое-то представление о том, насколько прекрасные, свободные и дикие это были времена, доверху заполненные сигаретным дымом и рвотой, даст всё еще имеющаяся в интернете запись прямого эфира передачи «Воздух», где выступала та самая группа. Несомненно, это событие еще ждет своего исследователя. Здесь и сейчас же стоит сказать, что оно было похоже на взрыв – взрыв ярости, скопленной в молодежи, направленной внутрь («Са-мо-раз-рушение!») и вовне («Все государства – концлагеря!»), уставшей быть тем будущим, которое никто не хочет ни понимать, ни принимать. Асоциальность, протест и безумие, в одиночку и группами. В-себе и для-себя.

Другим трендом – потоком, – проходящим сквозь «2007», была «оранжевая серия»: книги «маргинальных», «трансгрессивных» и «проклятых» писателей: Паланик, Уэлш, Берроуз, Керруак, Томпсон, Буковски, Кизи и многие другие, вплоть до классиков – Лотреамона и Сада. Под сопровождение из панк- и альтернативного рока эти учения выкристаллизовались в «расширение сознания», «слома заостенелых норм» и эксперименты над собой. Хочется, конечно, сказать, что это также дало нам понять, что действительные таланты всегда где-то в стороне, в то время как всё то, что популярно и толпе знакомо, по сути своей – корм для свиней. Но, к сожалению, даже сейчас всё еще многие мои сверстники ведутся на криво скроенный пиар и банальную «замануху».

Последний и, возможно, самый важный фактор – это доступность интернета. Интернет позволил локальным и маргинальным культурам распространяться над географией. И самое широкое определение рассматриваемого поколения могло бы быть связано с сетями и принесенным ими плюрализмом. Тем сказано: «поколение Y» – первое «сетевое поколение». «Свободный интернет» (забытое уже словосочетание) – это было чем-то общим, но также и плацдармом для различий. Каждый мог самостоятельно отправиться серфить в Сети, ища то, что интересно именно ему. Даже живя в экономическом гетто, можно было найти себе круг по интересам или скрытое от чужих глаз море крайне экзотической информации. Об этом можно сказать многое, но обойдусь одним тезисом – мое поколение имело практически всё знание еще до того, как оказывалось в ситуации его практического применения.

Этот тезис взывает обратиться к фильму Кирилла Серебренникова «Изображая жертву». Ведь если «Бригада» – это фильм про российских «иксов», то «Изображая жертву» – это фильм про «игреков», и я готов подписаться под каждым словом, начиная с первой фразы главного героя, сквозь его замечание, сказанное бумеру-отчиму о том, что «границы остались лишь у вас в головах», и заканчивая финальным монологом еще одного бумера в ресторане. Мне удобнее называть это «интуитивным маркетингом» – мы знали, что наша личность – это некий бренд, вокруг которого нужно строить легенду, для которого нужно подбирать черты и особенности. Потому вся конкуренция между моими сверстниками строилась именно здесь – так ли ты аутентично отыгрываешь свою роль (знаменитое деление «тру / не тру»¹⁰), или, наоборот, насколько твой образ экзотичен и необычен (что достигается потреблением менее известных фильмов, книг, музыки), насколько интересные черты и манеры

¹⁰ От английского True, значение которого в данном контексте ближе всего к 'истинный', 'подлинный'.

ты собрал, насколько гармоничны сочетания. Помню, как один из моих товарищей-однокурсников сказал: «признай, что у меня лучше получается изображать инфантильного гения». И каково же, первое время, было наше внутреннее удивление, когда мы увидели, что старшие поколения принимают всё это за чистую монету. Всё это напускное уважение, симуляция кротости и скромности, невинности и возвышенности. Ведь вроде бы у них тоже есть телевизор, есть интернет. Да что там! У них должен быть хоть какой-то жизненный опыт...

Возможно, именно это удивление превратилось в разочарование всеми, кто был до нас. Ибо они были, и, честно скажу, по-прежнему остаются, слепыми котятками в ловких руках юных циничных манипуляторов. Высокие идеалы – морковка для ослов. А для нас – что-то вроде настольной игры – ты принимаешь их, чтобы хоть как-то развлечься. Идеология? Ложное сознание? Любая игра – это идеология со своими правилами и ограничениями. Выбери ту, которая тебе сегодня по душе. Надоест – выплюнешь, как потерявшую вкус жвачку. Главное – здесь нет ни капли обмана – мы никого никогда не стремились обмануть. Я хочу, чтобы это было четко и ясно артикулировано – мы всегда играли честно, симулировали с полным погружением. Честность актера в выборе масок и их сочетаниях. Какой смысл симулировать для кого-то? Мы выбирали игру для себя – ради наших ощущений. И если кто-то на это повелся, то это его проблемы. Телевидение, интернет, философия – всё ясно и открыто, сказано, повторено, объяснено. Всё прозрачно. Думается, этот текст – лишнее тому подтверждение.

Играем в открытую. И уж поверьте – выиграем. Потому что все знания прошлого – они прямо здесь. Бери – не хочу. И потому те, кто этого хотел, понимали со всей ясностью: быть гением легко. Тем более предыдущие поколения так низко опустили планку, что об нее можно разве что споткнуться.

Аттракторы

*When I was a young boy
My father took me into the city
To see a marching band
He said, «Son, when you grow up
Would you be the savior of the broken
The beaten, and the damned?»
My Chemical Romance
«Welcome To The Black Parade»*

Когда мне исполнилось 14, по-моему, лет, отец отвел меня в книжный магазин выбрать подарок. Только попросил, чтобы это были не обычные книжки, которые я читаю и забуду, но что-то действительно стоящее. Что-то содержащее мудрость. Не знаю, предполагал ли он, что направление поисков тут же стало мне очевидно, но в итоге мы оказались в разделе «философия».

Увидев книжку за авторством «Ницше», мне стало интересно – я встречал в интернете и литературе упоминания этого имени, иногда даже с восхищением и трепетом. «Генеалогия морали» называлась она. Аннотация срезонировала с моими тогдашними размышлениями – в тот период я как раз понял, что никакого окончательного основания, абсолютного обоснования знания быть не может. А быть может, что «добро» – это зло, а «зло» – это добро. Кто знает?

Вместе с этой книгой отец купил две на свой выбор – трилогию Ивана Ильина о «поющем сердце» и «Русскую трагедию» Зиновьева, – чтобы мудрость, которую мне предстоит почерпнуть, была всё же мудростью родных просторов.

Читая Ильина и Ницше (Зиновьева я, конечно, читать не стал) был удивлен – неужели есть люди, которые, как и я, задаются такими вопросами? Когда твои сверстники всей душой уверены, что сажа бела, а маму нужно любить, встреча с Ницше оказалась встречей с родной душой и первой философской любовью¹¹; Ильин немного перегибал с религиозностью, но показался очень похожим на Ницше. После, узнав о том, как Фридрих умирал – психиатрическая больница, одиночество, болезнь, – я возненавидел стадо всей душой, возненавидел всех тех посредственностей, что могут лишь «обламывать цветы и бабочку ночную, проглатывать с травой в неведенье тупом». В общем, дал себе зарок: «в мою смену такого не повторится». То есть я сделаю всё возможное, чтобы защитить тех, «чей путь высок, далек и горек». Попробую изменить «судьбу больших заслуг, перед судом ничтожеств». Буду защищать сильных от слабых.

Для этого, конечно, понял я, мне самому необходимо знать, мочь и уметь. Впрочем, эта необходимость и так была установлена вместе с воспитанием.

Возможно, в тот же год прочитал «Графа Монте-Кристо» и был очарован сценой обучения в тюрьме – того, как из него готовили идеального мстителя, знающего и людскую психологию, и устройство общества, и все науки, что позволяют использовать мир как инструмент. И там же прочитал, что есть еще наука наук, та, к которой приходят, лишь изучив всё остальное и набравшись достаточно жизненного опыта, – философия. Вот к чему надо стремиться.

Так он начал этот путь – бросай себя в новые ситуации, выбирай путь как можно сложнее, ведь именно на нем зарабатывается тот бесценный опыт, учишься у лучших и превозмогай себя.

К концу школы встал вопрос – куда теперь идти? Мне хотелось быть писателем и музыкантом – так восхищала сила, скрытая в ноте и слове. Но из музыкальной школы он вылетел, а в возможность зарабатывать деньги писательством в России не верилось. Решил пойти по стопам сестры и брата – пойти на социологический факультет МГУ и стать рекламщиком – управлять стадом.

Но вдруг неожиданность – школьный товарищ, что на класс старше был, сообщил, что поступил на «политологию» на «философский факультет». Прости, что? Философский факультет? Ты хочешь сказать, что есть факультет, на котором сразу учат науке наук, дают знания, оставленные нам величайшими умами в истории человечества? Хочешь сказать, что есть такая профессия, что заключается в том, чтобы читать, размышлять, уметь и делиться этим?

И хотя выбор был очевиден, решил спросить совета у семьи и своей школьной учительницы литературы. Сестра заметила, что никто не мешает изучить дополнительные профессии и, в случае необходимости, зарабатывать деньги. Отец был счастлив, но сказал, что предпочел бы видеть меня именно религиоведом – человеком, идущим по пути познания к высшему существу. Учительница, обладавшая циничным умом, большим кругозором и достаточной проницательностью, чтобы увидеть в главном хулигане школы талантливого молодого человека, сразу дала ответ: из тебя может получиться философ, а, следовательно, зачем выбирать что-то еще?

¹¹ Стоит отметить, что шутка – «да, я читал Ницше. Как и любой прыщавый подросток» – была и остается актуальной. «Так говорил Заратустра» занимает первое место по скачиванию и чтению в метро, см.: URL: <https://otr-online.ru/news/tak-govoril-zaratustranicshe-nazvana-samoy-populyarnoy-knigoy-onlayn-biblioteki-metro-moskvy-110898.html> (дата обращения: 20.10.2020). Таким образом, в современности Ницше оказался настолько востребованным, мейнстримным философом, что с ним знакомятся уже в пубертате.

Решено. А дальше – год безостановочной подготовки. Большинство социальных связей как балласт отброшено. Всё лишнее оставлено и забыто.

Потерпите еще немного – еще немного, и он дорасскажет об этом субъекте. Впрочем, думается, извинения излишни. Ведь вы уж, наверное, понимаете, что всё это нужно для того, чтобы в случае надобности мочь ответить на вопрос «почему он считает именно так», когда мы вновь вернемся к «поколению»; «почему он так резок в суждениях?»; «почему так безапелляционно презирает всех тех, кто, “занимаясь философией”, лишь тешит свое Эго?».

Итак – он поступил. Последнее, что стоит добавить, – один из товарищей на первом курсе заметил, что в силу эпатажного и вызывающего стиля одежды он казался «пафосным понторезом», но со временем всё же становилось понятно, что это человек, так безумно алчущий знаний, что на парах он чуть ли не ложится грудью на парту, в попытке как можно ближе оказаться к источнику этих знаний. Думается, это тоже важная черта моего поколения: мы знаем, без лживой скромности, кто мы.

А теперь вопрос: если он – безумец, влюбленный в Ницше и «свободные умы», ему успели надоест секс и алкоголь и он знает, что те, кто толпе кажется «странными», обычно, самые талантливые люди, то кого он найдет себе в качестве товарищей? А кто отсеется? Стоит добавить, что его внешний вид разработан как «проверка на идиота» (под «идиотом» здесь имеются в виду люди ограниченные, «зашоренные», полные предрассудков): разные носки, смесь кричащих цветов и необычного сочетания костюмов, галстуков и субкультурных нарядов. Так отсеиваются отпугиваясь люди, с которыми не хотелось бы иметь дело.

Мне встретились замечательные ребята – умные и образованные, читавшие в школьные годы Ницше, Кафку, Кастанеду и т. д. Более того – эти ребята знали философию гораздо лучше меня. Так что именно они стали первыми маяками, с помощью которых я ориентировался в море философских текстов. Конечно, сразу прочитал Платона, аж 12 диалогов. Схватился за Фрейда, и уже не отпускал до самого выпуска. Но также – Витгенштейн, Хайдеггер, Деррида, Жорж Батай. Мы обсуждали философию и издевались над обществом – таким запуганным и зажатым.

Уже после того, как каждый из нас пошел своим путем, понял: все мы были, в итоге, самыми забытыми аутсайдерами своих школ. В нас горела ненависть ко всему остальному обществу, что не приняло нас когда-то, что исторгло нас из уст своих. Отсюда два направления: эпатаж и издевательство над «порядочными людьми» (а на деле – желание привлечь к себе внимание) и путь к расширению сознания, чтобы быть как можно менее похожими на тех людей, что мы так презирали.

В этой связи всплывает важная деталь: мой курс был первым, принятым по ЕГЭ, без дополнительных, университетских вступительных испытаний. Отсюда немалое количество людей, которые попали на философский факультет «случайно»: отслужившие в армии, инвалиды и сироты получали автоматом 100 по ЕГЭ и могли выбирать любое место учебы, и это создало страшную конкуренцию, которая лишь усилилась в связи с тем, что можно было одновременно подавать документы во все вузы, что в итоге привело к тому, что на философский факультет попали те, кому просто не хватило места на других факультетах. На нем был самый маленький конкурс.

На первом курсе стоит выделить среди преподавателей, которые повлияли на нас – Дмитрия Бугая и Василия Юрьевича Кузнецова. Оба умели задавать нам вопросы, подрывающие нашу веру в свои знания. То есть они проводили нас сквозь первый этап – прививку скептицизмом.

Поскольку Бугай вел семинары по истории зарубежной философии, то вместе с ним вспоминается и Михаил Анатольевич Гарнцев, который вел лекции так, что ему посвятили отдельную группу во ВКонтакте. Он с легкостью переходил с одного языка на другой, среди

которых был даже древнеегипетский, часто забывая вернуться к русскому. Это была демонстрация возможностей и уровня. Возможностей человека и уровня университета. И они, несомненно, впечатляли. Он же добился того, чтобы программа курса по ИЗФ начиналась именно с изучения мысли – большей частью космогоний – древних цивилизаций Египта, Индии, Вавилона. Интересно будет в будущем установить, как повлияло это расширение понятия «зарубежная философия» на наши юные умы. А еще он летал подобно орлу, сидя на парте. Так фраза «Хэпер тебе» стала локальным мемом.

Бугай, в свою очередь, учил, а точнее, тренировал воспринимать древние тексты как древние, не пытаясь интерпретировать их через современные понятия. Избавлял от предубежденности относительно достоверности или недостоверности текста в зависимости от его формы, давая понять, что и мифопоэтический стиль изложения и наукообразный могут с одинаковой вероятностью как нести зерно истины, так и быть порождением «сна разума». Приучил говорить «ег \oplus птяне», а не «египт Π не». Конечно, он не настаивал на этом произношении, сообщив, что сам перенял его у своего учителя. Мы осознанно решили поступить так же. А еще он умел закатывать глаза так, что оставались видны лишь белки. Нам казалось, что так он либо связывается с высшим разумом, либо любит свой мозг.

На парах у Кузнецова было особенно интересно – он сразу выслал нам папку с отобранными им текстами, каждый из которых мы по очереди разбирали на семинарах. Показав тем самым, что философский факультет действительно таков, как и грезился – утопическое место, где основная задача – знакомиться с текстами великих мыслителей, отчитываясь мыслями собственными. Он учил нас, как читать ровно то, что написано, не внося туда «отсебятины». Как говорить лишь от себя, не вызываясь быть представителем тех, чьи мысли нам не даны. Но на его семинарах мне было сложно перебивать остальных студентов – у меня уже не было школьного желания как-то выделиться, чтобы преподаватель запомнил меня, в надежде, что это обеспечит его любовь и, как следствие, автомат. Хотелось только узнавать новое. А следовательно – больше слушать, чем говорить. Не скрою, что был польщен тем, что оказался одним из трех студентов в группе, кто сдал зачет у Кузнецова с первого раза. Тогда меня восхитила его жесткость, неумолимость – либо человек понимал и мог рассказать, что прочитал за эти семинары, либо отправлялся на пересдачу. Когда сел сдавать зачет, то сначала достался текст, который я не прочитал, о чем честно ему и сказал. Еще больше восхищения – он разрешает выбрать текст самому, «лишь бы мог рассказать, о чем он». Я выбираю «Порядок дискурса» Фуко – уже тогда я понял, что этот «Фуко» что-то такое модное, что те, кто хотел с первого курса изобразить из себя «ценителя» и «знатока», при упоминании этой фамилии начинали трепетно восторгаться его работами и всячески демонстрировать свое знакомство с ними¹². Не просто изображать знание, но и делать это под влиянием моды и общественного мнения – это казалось мне отвратительным, противоречащим самому духу философии. Потому «Порядок дискурса» прочитал через силу, самым последним, прямо перед зачетом. Честно скажу, был удивлен – текст был понятен и прост, больше – просто очевиден. Зачет был сдан легко, а Кузнецов лишь заметил: «одного ума недостаточно – читайте больше». Я лишь улыбнулся в ответ – ведь знал, что чтение – единственное, чем я занят помимо учебы. Однако решил кичиться этим как можно меньше. Вплоть до того, что в дипломной работе решил указать лишь те источники, на которые ссылался, а не запикивать в библиографию сотни книг, прочитанных за пять лет. Как следствие, на защите моего диплома Кузнецов не поленился взять речь и сказать, что книг в библиографии указано мало и потому, по его мнению, оценку следует снизить. Это привело к моему

¹² Отдельно стоит заметить, что следует отличать творчество Мишеля Фуко от его профанации и моды на него. В данном случае речь идет именно о его фетишизации среди студентов и к действительному содержанию работ, довольно высоко мною оцениваемых, отношения не имеет.

разочарованию в нем – не понятно было, почему он мог оценить мою начитанность лишь по списку в конце работы, а не с помощью вопросов о знании или понимании. Ведь это единственный действительный критерий, единственное возможное доказательство чтения философского текста. Да к тому же стоит помнить, что «многознание уму не научает».

На первом же курсе было введение в специальность. Самое смешное – я не знал, что такое «кафедры». Мне было вообще невдомек, что в философии может быть специализация. Какая глупость! Философ – универсальный мудрец. Он познаёт мир целиком. Целиком, Карл! Что значит – учить всю жизнь эстетику или логику? Всю жизнь копать в биографии одного и только одного мыслителя? Еще бредовее – в одной теме. Всю жизнь! Это до сих пор не укладывается у меня в голове. Ощущение, что людей, которые думают, что в философии есть специализация, кто-то очень ловко обманул, чтобы не мешались под ногами.

Стал узнавать, что и как с этими «кафедрами» и на какой можно стать универсалом. Сказали: есть ИЗФ, но это скорее история, нежели философия. Еще есть две сильные, конкурирующие между собой кафедры, где можно заниматься философией в самом широком смысле, – онтологии и антропологии.

Первая себя именно так и позиционирует, а те, кто на ней учится, чувствуют себя элитой. В случае моего курса это оказались те же люди, что трепетали от Фуко и всех, кто «в моде», на семинарах у Кузнецова. Удивительное совпадение. Еще у них там декан.

Вторая – это какие-то фрики, говорящие странные вещи. А еще у них там единственный философ факультета – Федор Гиренок. Странная личность, сказали мне. Его здесь никто не любит.

Как ясно из предыдущих глав, мой выбор был предсказуем – я хорошо знаю, что одобренное большинством и элитарное на поверку оказывается раздутым мыльным пузырем. А таланты следует искать среди всеми гонимых маргиналов. Ведь именно это – способность продолжать быть впереди, несмотря на сопротивление общества, будучи непонятым толпой и ею непризнанным, делать свое дело так, что она не может просто игнорировать, – а не общественный консенсус является основным фактором. Легко прослыть одним из лучших, вложившись в первую очередь в PR. Но быть им, несмотря на предубежденность общества, – это показатель чистоты эксперимента. Потому, раз этого Гиренка все не любили, стоило задуматься: не является ли эта сторона верной, раз уж на другой очевидное большинство? Раз его не любят, значит не могут просто сбросить со счетов; не замечать; забыть.

И вот пара от кафедры антропологии. В аудиторию входит женщина, от которой не оторвать глаз. Она говорит вещи, которые греют мне душу: «вам скажут “человек в мире”, мы говорим – “мир в человеке”». Легко могу вызвать в памяти то, как она это говорила.

Здесь стоит добавить: думая над тем, что хотел бы углубленно изучать в университете, понял – безумцев. Ведь всегда есть проторенная тропа, на которой очередь людей, лишенных воображения. А есть обходные, тайные пути, доступные лишь тем, кто способен мыслить свободно. Тем, чье мышление не укладывается в рамки, что зовутся «нормой». И именно эти пути могут привести к настоящим сокровищам, а не к ощипанному и вытоптанному лугу, на котором теснятся и толкаются одуроченные овцы.

Подумал – вот это да, то есть можно пойти учиться к красивой женщине, которая к тому же учит именно тому, что мне представляется единственно верным путем. Ведь очевидно – раз философ – это человек, необходимо в первую очередь изучить человека, то есть себя, все самообманы, все возможности разума и воображения. Более того – это королевский путь к победе над любым противником, куда тот будет человеком.

В тот же вечер пошел в магазин и купил книгу Натальи Ростовской «Человек обратной перспективы», посвященную юридивым. Неплохо, подумал я. Жаль только, уж слишком она религиозна. Впрочем, кто не без греха?

Пошел разузнать о ней побольше. Узнал – это жена того самого Гиренка, который, кстати, еще и специализируется именно на безумцах. Всё логично, понял Штирлиц: философ потому и тянется к мудрости, чтобы выбирать всегда самое лучшее. Лучших женщин в том числе. Следовательно, у этого мужика явно есть чему поучиться. И я вытрясу из него всё – все знания и умения, все секреты мастерства и тайные ходы – всё, что только смогу вытрясти.

Придя на кафедру антропологии, встретил там Екатерину Трушкину. Она шутит сама и смеется над моими шутками. Отлично, подумалось. Если люди шутят – это хорошие люди. И ощутил себя дома.

Встретившись наконец-то с Гиренком, со всей своей ироничной наглостью заявил: «Слышал, что Вы пришли к тем же мыслям что и я. Значит, Вы – умный человек. Потому хочу у Вас учиться». Он посмеялся, но сказал, что у него и так много студентов и мне, скорее всего, места уже не найдется. К счастью, рядом с ним сидел его товарищ, который заметил и сообщил: «Да он левша! Бери его не раздумывая». Гиренок лишь добавил: «Я человек занятой, нянчиться с тобой не буду. Если что-то надо от меня – сам ищи и сам выпытывай у меня». Думается, в тот момент он не понимал, что развязывает мне руки для воплощения моих планов в жизнь. Так я нашел своего идеального научного руководителя, с которым, до самого окончания учебы, даже мысли не имел расстаться.

Надеюсь, однажды я всё же напишу о нем книгу. Книгу о человеке, который карабкался на самый верх, потому что боялся высоты. О самом техничном философе конца XX века, что, принимая во внимание, что этот конец века «техничностью» и был ознаменован, и значило – Философ. О человеке, который играючи бился один против всех и выходил победителем. О хитреце и пронице, гипнотизере и манипуляторе, пишущем тексты так, чтобы дураку они казались донельзя простыми, и он даже бы не замечал, как его водят за нос, а вдумчивый читатель найдет в них бездну, в которой парят конструкции, составленные из перемещающихся относительно друг друга слоев, отсылок, лакунов, игр слов, подводных камней и подземных ходов, так, что каждое предложение вызывает сдвиги во всем тексте, а те в свою очередь вызывают новую лавину смыслов. О философе, который научил меня тому, что философ – это прежде всего Человек, и если вы плохой человек, то не получится из вас и плохого философа.

(Думается, основное уважение Гиренок вызывает еще и в связи с тем, что он, как и наиболее честные с собой мои современники, хорошо понимал – общество – это спектакль. Он отлично играл роль «Русского Философа», сам ее же для себя и написав. Умел манипулировать залом и оппонентом, читателем и слушателем.)

Путь был избран, и уверенность в его верности лишь крепла. Ведь именно там, давайте сделаем вид, будто это могло быть неожиданностью, на кафедре антропологии и проблем комплексного изучения человека, мне повстречалось еще множество прекрасных людей и отменных преподавателей, каждый из которых достоин отдельного упоминания.

В первую очередь, несомненно, Дарья Павловна Козолупенко. «Женщина, научившая меня читать» – так я о ней вспоминаю. Стоит добавить – восхитительная. Она брала в руки книгу и медленно ее читала, давая свои комментарии. Это были «О Грамматологии» Жака Деррида и «Бытие и Время» Мартина Хайдеггера. «Именно так, – говорила она, – великих философов и надо читать». Медленно, размышляя над каждым предложением, пока оно не станет понятным. Она научила видеть подводные камни в текстах, уловки авторов, противоречия между пассажирами. Показала, как автор может водить нас за нос, отвлекая наше внимание. Как строится философский текст и как его можно деконструировать. Как в простом с виду утверждении распознать скрытую полемику... об этом можно писать еще и еще, но, думается, мой текст уже сказал даже больше, чем задумывалось.

Необходимо сказать и о Вячеславе Данилове, человеке, вызывающем у меня уважение и «недоумение» разом. Его знаменитое «ИЗФ», полное желчи, но и метких замечаний, лаконичных и точных определений, и в то же время – едких комментариев. Быть может, это самый важный труд, оставшийся неопубликованным. Это был подвиг Прометея – принести людям весть о том, что все короли под одеждой голые, обнаружить тайные рецепты академической кухни, выбить на гранитной плите интернета все истории, которые их участники надеялись похоронить в Лете. Конечно, после этого он стал для всех гостем незванным и нежеланным. «Не-руко-пожатным». Бесстрашная суицидальность – поступок вызывает уважение. А вот «недоумение» вызывает тот факт, что в конце он сломался и попросился обратно, под свет софитов. Да, его место по-прежнему позволяет ему раздвигать рамки академического дискурса, но это место дано ему самой же академией, с позволения которой он и раздвигает ее стены (впрочем, судя по всему, и орел продолжает клевать его печень). Это уже не революционно-подрывная серия поступков, но обыкновенная работа по расширению возможностей системы. И всё же – именно благодаря ему и его спецкурсам мы стали понимать, куда попали, что это за чудище – «современная российская академическая философия». Более того, он знакомил и с современной западной философской модой – о чем ведутся споры, какво проблемное поле, кто и что на слуху. В общем всё то, что я бы никогда не узнал сам, просто потому, что не стал бы интересоваться. Такова его роль – напоминать, что, рождая мысль для завтрашнего дня, устремив при этом свой взгляд в прошлое, на историю философской мысли, нужно озаботиться свежими картами сегодняшнего дня. Нужна социология философии, чтобы история философии могла успешно обратиться в практическую любовь к мудрости.

Вячеслав Дмитриев и Яков Иосифович Свирский – два человека, столь по-нищешански легких, что их лекции были чем-то гораздо большим, чем пошлым, клишированным и растражированным «глотком свежего воздуха». Это был веселый и невинный танец воина на палубе тонущего корабля. Два философа, два человека достойных и столь неимоверно талантливых, что им, кажется, самим за это стыдно. Два смеющихся философа. Поэтому нет ничего удивительного, что именно эти люди направили меня к изучению Делёза, с первых страниц ставшего моей второй философской любовью. Здесь, конечно, нужно добавить, что во всем остальном они различны – и в делах своих, и в стилях, и по форме, и по существу. А потом добавить еще много восторженных слов – о графанализе и «Анонсенсе», у которых еще столькому надо научиться; о неоплатном долге и терпеливости в ответах на мои бесконечные вопросы; но скажу лишь без всякого пафоса: какая же должна быть дикая внутренняя мощь, чтобы идти сквозь ад смеясь!

Мне неловко, признаюсь вам, перечислять всех поименно. Ведь текст линейен, а значит, в нем есть первые и вторые. Разве можно не сказать о Елене Косиловой, чьи лекции по философии психиатрии и истории психологии были ценны не только содержательно, но и эстетически. Они были музыкой. Они были чарующей песней. Впрочем, почему «были»? Ведь ее лекции до сих пор можно скачать в интернете, что она сама и предлагала сделать, и слушать на плеере, на любом музыкальном проигрывателе. Словно они для того и созданы.

О Владимирах Аршинове и Буданове, которых мы называли «латентными постмодернистами», имея в виду, что они понимают современность, но для них это почему-то казалось оскорблением. Синергетика, теория систем, сложность – во время учебы это казалось какой-то сверхсовременной техномагией, наукой философского ниндзя эпохи киберпанка. Курс КСЕ и синергетики был примером нового способа хранения и передачи знаний. Владимир Григорьевич рисовал на доске эзотерические схемы, описывающие функционирование огромного разнообразия ментальных машин – от фигуры из трех треугольников, вырастающих друг из друга и заключавших в себе всё историческое развитие физики, до спиралей,

позволявших обнаружить скрытые переходы между состояниями сознания. Семинары Владимира Аршинова представляли из себя практические уроки в лаборатории мысли. Словно утомившись за многие годы исследования от всех мыслей, теорий и систем, что были в прошлом, но даже и тех, что циркулировали в настоящем, он требовал нового, и только нового. Дав нам самоорганизоваться, он на равных вступал в обсуждение выбираемых нами докладов и предлагаемых идей. Еще был курс Вячеслава Семеновича Стёпина. Почему-то многие видят какой-то негативный, чуть ли не оскорбительный смысл в том, что я восхищаюсь Стёпиным как «мощнейшей и сложнейшей машиной». Надеюсь, в контексте сказанного о модели RPG становится ясно, что подобная ассоциация – это продукт искреннего уважения к человеку, достигшему высших уровней и собравшему по пути сборку навыков, достойную считаться произведением искусства. Видя, как оперирует мыслями, состоящими не из нескольких статичных объектов, даже не из структурных отношений между объектами, но из отношений между динамически развивающимися системами разных типов, ритмов и траекторий, я впервые был действительно потрясен возможностями мозга и интеллекта. Основным подтверждением моих слов является тот факт, что ныне мне они коллеги. И потому лишь добавлю, что привели меня к ним поиски наиболее мощных методологий и ныне чувствую себя словно в тайном тибетском монастыре, где великие монахи-воины делятся со мной техниками секретных боевых искусств.

У самого завершения стоит отдельно сказать о тех современных философах, которые пусть не преподавали нам, но чьи книги взращивали в нас веру в то, что можно здорово мыслить и вкусно писать на русском языке, – о Вадиме Рудневе, Сергее Зимовце, Викторе Мазине, Вадиме Рабиновиче.

Неловко забыть кого-то важного. Кого-то обидеть слишком коротким упоминанием. Потому скажу так: это не топ 10 хотя бы потому, что здесь перечислены 15 человек. Но всё же это топ – вершина, внутри которой уже не хочется выстраивать никакой иерархии.

Прежде чем закончить, на правах неожиданного поворота сюжета, сделаю еще одну зарисовку. Когда начался курс религиоведения, я понял, что религиовед из меня не мог бы выйти, ибо его во мне и в помине нет. Но преподаватель курса, который, к счастью, не только читал нам лекции, но и вел у нашей группы семинары, Кирилл Иванович Никонов, с первых мгновений предстал тем, кем он навсегда и остался – тем, кем мне всегда хотелось быть. Сногшибательная эрудиция, искренний черный юмор, черный же костюм, включавший в себя также черные рубашку и галстук, контрастировавший с пепельными волосами, манеры игры беса, жизненная мощь кваркового синтеза и сердце воина – я встретил живое воплощение своего представления об идеальном себе. Вот только он всей душой ненавидел опоздания, а я, быть может лишь несколько считанных раз, а может и ни разу, не пришел ни на лекцию, ни на семинар вовремя. Знания о религиозных сообществах и организациях, а также их учениях надолго в моей памяти не задерживались. На первую пересдачу я себя отправил сам, на вторую, видя всю бессмысленность этого предприятия, Кирилл Иванович отправлять меня отказался. В дипломе, на вкладыше со списком пройденных курсов, напротив словосочетания «Философия религии» стоит длинное слово – «удовлетворительно». Однако разве это что-то меняет?

Такова последняя зарисовка. На том довольно. Вот – аттракторы, что притяжением своим сформировали траекторию мою и тех людей, что были со мной. И теперь мы перейдем к ним.

Страх и ненависть на философском факультете

*Развлекайся!
Развлекайся, как можешь!*

*Развлеки себя сам
Тебе никто не поможет.
NRKTK «Развлекайся»*

Прежде чем начать разговор об однокурсниках, вспомним модель, что была описана в предыдущих главах – модель RPG. Дело не в том, что будто бы мы функционировали по ней, а другие поколения нет. Понятное дело, что философия всегда была расчерчена на школы, группы, направления, каждая из которых обладала своим набором навыков, концептов и методологий. Если и есть прогресс в философии, то он состоит в широте экспликации априорных механизмов. Что значит – зная о модели RPG, мы осознанно пользовались ей, а она давала нам оптику для выбора пути. Если раньше этот процесс, судя по всему, происходил бессознательно и люди просто оказывались в какой-то среде, с какими-то навыками, и оставались им верны, то теперь первое, что делали мы – это всеми силами старались узнать, какие ветки прокачки существуют, что они дают, какие пути открывают и какова цена их получения.

Это можно перепредставить с помощью коллекционной карточной игры Magic: the Gathering (сокращенно MTG): у каждого из нас есть колода карт. Карты надо искать, покупать, меняться. Некоторые легкодоступны, но слабы. Другие же редки и дороги, но дают гораздо больше возможностей и преимуществ. Все карты положить в колоду не удастся, ведь она ограничена размером. Впрочем, их можно просто иметь в коллекции, чтобы в случае необходимости добавлять в колоду. То же верно и для философии: у нас есть тело и ум, которые, возможно, ограничены в плане хранения информации (неиспользуемое забывается). Есть разные концепты, знания и методологии. Выбирай с умом: герменевтика или деконструкция? сетевой анализ или системный? психоанализ или НЛП? ритм-секция или соло-гитара? Часть знаний можно хранить в виде книг в домашней библиотеке – так, в случае необходимости, легко будет просто достать книгу и прочитать, закачав тем самым знания в мозг.

Но это – начальный уровень. *Ad usum Delphini*, так сказать. Ведь, во-первых, продвинутые современные философы создают методологии с большей потенциальной мощностью, совмещающие в себе лучшее из нескольких подходов: фрейд-марксизм, стоико-эпикуризм, трансцендентальный эмпиризм и т. п. Прогресс здесь состоит в увеличении возможностей при уменьшении деталей. Структурализм – постструктурализм – теория систем, где каждый следующий шаг позволяет охватить все большую область, включающую области предыдущих методов. Но даже этого мало – ведь настоящий философ делает свой метод сам. Объединить Берроуза с эволюционной эпистемологией, де Сада с Мазохом, реализм с идеализмом. Технологический дендизм мышления.

Следующим шагом идет выбор соответствий – ведь различные методологии используются в различных ситуациях. Какие-то для работы с текстом, какие-то для работы с публикой, какие-то для работы с мыслями. И они могут как перекрывать друг друга, могут сбиться, а могут функционировать сообща, давая результат, в разы превышающий сумму частей. «Некоторые навыки явно пересекаются – в том смысле, что, развивая один из них в реальной жизни, мы неизбежно развиваем также и второй»¹³. Идеал – не случайная сборка (которая, конечно, всегда будет первым шагом, куда жизнь полна случайностей), а динамическая система, в которой одновременно всё работает друг с другом, взаимоповышая потенциалы, и при этом всё заменимо и модифицируемо в любой момент. Ведь в конечном итоге концепт системы тоже имеет свою эволюцию. Более того – концепт методологии, и сама методология, методология Щедровицкого – вот величайший прогресс в мышлении. Думается, если говорить о прогнозах, скоро образование должно будет обратиться именно к этому – к четкому

¹³ Мишура А. Система развития навыков в RPG как поле философской рефлексии.

обучению методологиям как plug-in'ам и add-on'ам для мышления. И будущие студенты смогут точно выбирать навыки и умения, имея перед собой каталоги концептов, где указаны открываемые ими точки зрения и возможности.

В поиске этих карт и методов и состояло наше обучение. Прийти на курс по Витгенштейну к Зинаиде Сокулер, чтобы быть уверенными, что «Логико-философский трактат» и «Философские исследования» не только будут прочтены, но и поняты под присмотром профессионала. Чтобы разобраться в том, где, кто и что подают, отправиться на курс к Вячеславу Данилову, чтобы получить карту академического сообщества. Но также и – пойти учиться играть на барабанах, чтобы начать мыслить ритмически. Научиться НЛП, чтобы уметь воздействовать на публику. Изучить логику, чтобы выигрывать в спорах. Разные школы, кафедры – клондайки тайных знаний.

А после – битвы и соревнования – между студентами и группами, между бандами и старыми. Онтологи, чей трюк состоял в том, чтобы хором смеяться, смущая и сбивая оппонента, чтобы потом нанести удар. Антропологи, чей трюк был в том, что каждый, будучи автономным мыслителем, атакует со своей стороны, делая атаку нелинейной и множественной, превращая оппонента в мяч, перебрасываемый между бойцами. Атака диалектикой, эрудицией или игрой слов. Вывод противника за границы здравого смысла, где он будет чувствовать себя неуютно. Психоанализ оппонента, позволяющий увидеть слабые места его психики. Именно в этом пространстве разыгрываются теперь все события.

Думается, смена вопроса с «в какой области ты специалист?» на «что ты можешь?» – одна из важнейших черт, присущих поколению в целом. И, как и во всем, разница между представителями заключается в том, насколько эксплицитно это понимание и насколько оно разработано.

Обратим теперь взор на тех студентов, что собрались в небольшом помещении кафедры антропологии. К сожалению, не могу перечислять их поименно – они не давали на это согласия.

Как позже замечали некоторые преподаватели, это была действительно довольно сильная группа. Думается, мы понимали, что если хочешь идти своим путем, то придется биться за каждый свой шаг, а следовательно, нужно быть к этому готовым. Несомненно, существовала и внутренняя конкуренция. Впрочем, это означало не только «читать много книжек», но, даже в первую очередь, тренировать свои интеллектуальные способности. Так, среди нас был бывший математик, который поставил себе задачу закончить факультет, не прочитав ни одной книги. Решил сделать ставку на скорость понимания и умение быстро ориентироваться и действовать. Стоит сказать: закончил.

Можно также сказать, что основной линией был XX век – начиная с Ницше и Кожева и заканчивая Делёзом. И пускай этот круг интересов будет выделен как одна из черт уже не поколения, но более узкой группы. Да, мы не чурались русской философии, читали как современных авторов, так и древних. Но читали мы их во имя будущего, дабы учиться на чужих ошибках или, наоборот, новым для нас ходам мысли.

Другими двумя основными чертами были практическая и антиакадемическая направленности.

Первое – практическая направленность. Отдельной колонкой идут эксперименты над собой: сидеть часами в полной темноте, зная, что всё, что в ней покажется – это жители твоего собственного сознания, с которыми здесь, в темноте, возможна вполне реальная встреча; сидеть часами перед зеркалом, чтобы сломать идентификацию «я», увидеть себя как Другого; ходить весь день с заклеенным ртом или с завязанными глазами; научиться выключать внутренний монолог; провести сталкинг – окунуться в память, с тем чтобы реконструировать всю свою историю с детства до сего момента... список огромен. Но это так же важное от-

личие – быть не просто буддологом, но буддистом. Хочешь разбираться в музыке – научись играть. Изучать кино? Тогда снимите хоть один фильм. Шизофреников? Сойди с ума. Эксперименты, иногда крайне рискованные, но необходимые для того, чтобы не пересказывать прочитанное, а рассказывать о пережитом. Опыт, ХР.

Вторая черта следует из первой и раскрывается за счет нескольких цитат: «Неужто на нашу долю выпало лишь составление сборников да выпуск тематических номеров журнала?» [Делёз 2011: 206]¹⁴, «И что я, по-вашему, буду в пятьдесят лет кричать “мамочка, смотри, я написал пять страниц!”» (один из моих одноклассников), «только старые преподаватели философии еще верят, что есть такая профессия – преподаватель философии» (а это уже он сам). Если ты умеешь читать, зачем тебе пересказ? Если есть интернет, с помощью которого ты можешь найти и узнать всё что было, зачем это повторять? Делай новое, старым и так забиты все библиотеки. Нет смысла делать ставку на эрудицию в эпоху, когда любое знание может быть получено здесь и сейчас, стоит лишь правильно сформулировать запрос в Google. Именно поэтому данный текст и начинался с описания субъекта, который его пишет. «Кто говорит?» – вот в чем вопрос. Всё зависит от точки зрения. Кто станет учиться бизнесу у человека, который не может себе позволить новую рубашку? А витгенштианинцу, который не ощущает мистичности мира? Закомплексованному психоаналитику? Неорганизованному теоретику систем? Какой смысл слушать мнение о наркотиках человека, который никогда их не пробовал? Какой смысл доверять суждениям о переводах Делёза, если сама его философия предполагает отказ от того, чтобы судить?

Остается лишь добавить – да, автор данного текста Делёза любит. И быть может, покуда Делёз действительно моден сегодня, то его философия – это также особенность времени. Разница лишь в том, насколько для каждого данного индивида это мировоззрение эксплицировано и осознанно. Ризома, Тело без Органов, машины, потоки, сборки, линии ускользания, шизофрения и паранойя, перверсия и путешествие на месте – разве концептуальный набор Делёза не представляет собой наиболее подходящий словарь для описания поколения Y и того, что происходит в современном ему мире? Поскольку философский «концепт – это форма крика», постольку философия ждала всё время тех, кто знает толк в жанре scream.

Думается, таков вывод: «Вопль» поколения? «Вой»? Смешно. Поэзия и музыка моего поколения соткана не из букв, фонем и нот, но из криков и рычаний. Из scream'a and growl'a.

Бесконечность не для слабаков

*Попробуй найти мой след в исчезающем поколении
Я умело заметал следы, и это – мое преступление.
[AMATORY] «Преступление Против Времени»*

2012 год. Пишу статью «Постмодернизм, пост2 модернизм и далее» [Белоногов 2014: 325–346], где пророчу обращение философии на будущее и приход поколения, лишённого заданных правил. Выбираю себе тему «знания-вируса», поскольку считаю, что современность «вирусологична». А после – в 2013 году – мы создаем «le Shizo» – экспериментальное философское интернет-сообщество. Принимая во внимание вышеописанные тренды, была мысль – философия должна найти свое место в сетевом мире, необходимо понять, как делать философию в интернете. Не скучные картинки с цитатами, не подборки книг и статей, не однообразные пережевывания старых мыслей. Что-то, что еще только грядет.

¹⁴ Стоит добавить продолжение цитаты «Или же нам следует кратчайшим путем познать самих себя: быть немножко алкоголиком, немножко сумасшедшим, немножко самоубийцей, немножко партизаном-террористом».

В том числе это был обходной маневр – дать пространство всем тем, кому тесно в рамках академических журналов. А также понять, чего хочет публика.

Словосочетание «философское интернет-сообщество» казалось тогда всем каким-то оксюмороном. Энтузиастов тоже оказалось настолько мало, что надежды делать посты каждую неделю растаяли как утренняя греза. И всё же были люди – участники сообщества часто менялись, но были. Были люди, готовые делать что-то свое, не боявшиеся «диванных критиков», готовые экспериментировать с форматом, выдвигать рискованные идеи и при этом не ждать всеобщего одобрения.

Несомненно, необходимо сказать, что кроме «le Shizo» был также и «Финиковый Компот», ребята из которого почему-то решили противопоставить себя нам. Но если и вижу между нами какое-то противопоставление, то вовсе не в темах (аналитики / континенталы), ведь и их темы нам иногда оказываются близки, а им наши; не в подходе – ведь они также, как и мы, решились на эксперимент; скорее разница оказалась в том, что «ФК» – это сообщество людей, в то время как «le Shizo» – это динамическая сборка одиночек. Мало кто из наших авторов задерживался надолго, иногда уходя в закат, а иногда – создавая свои проекты.

Тогда, в последний год обучения, казалось, что будущее уже за порогом – технологии позволят интровертам выйти на агору, философия станет модной, а мы устроим революцию...

2014 год. Все происходит наоборот. Никому нет дела до философии, недалекие экстраверты правят балом, а нам остается лишь бороться за выживание.

Про эти годы говорить не хочется – он ушел во внутреннюю эмиграцию, ищет вакцину от ressentiment – в первую очередь, от своего. Из всего коллектива «le Shizo» остался лишь Сергей Мерзляков – друг, товарищ и аналитический философ. Один из тех немногих, кто также решил выбрать путь «академии». Остальные участники разошлись, каждый в своем направлении. Что, в общем-то, неудивительно, принимая во внимания «антиакадемичность».

Лишь стоит добавить, что если бы не Владимир Григорьевич Буданов, который пришел на помощь в один из худших периодов моей жизни, то меня бы здесь не было.

2019 год. Засыпаю с успокоительной мыслью – доделать все свои дела и к концу недели наконец-то покончить с собой. На тот момент, казалось, у меня не осталось ничего кроме усталости.

2019 год. Несколько дней спустя. Мне пишет некто Алексей Кардаш и предлагает коллаборацию – он недавно создал довольно успешное и яркое философское интернет-сообщество «Insolarance Cult» и предлагает написать для них статью. А заодно и прорекламить «le Shizo». Конечно, я соглашаюсь.

Так переворачивается страница. И я оказываюсь в том самом мире, который и предсказывал: Сеть полнится философскими сообществами всех вкусов и расцветок, которые создают новое поколение – поколение Z, – начисто лишённое всех тех рамок, что сдерживали нас, а сама философия, став модной среди школьников, занимается вопросами прогнозирования и творения будущего. Еще через год мир встретится лицом к лицу с Covid 19, и вирусы станут основной повесткой дня.

Сейчас, оглядываясь назад, понимаю – всё так и должно было случиться. Ведь перед тем, как талантливые интроверты всех мастей выйдут на ринг, кто-то должен был создать для них инфраструктуру. Должно было накопиться достаточно философов, которым тесно в имеющихся рамках, чтобы образовать волну, сметающую всё на своем пути.

Смотря по сторонам, вижу, сколь немногих, по прошествии времени, мог бы назвать Философами без всяких натяжек. Таких четверо – Сергей Мерзляков, Алексей Кардаш, Георгий Шулико и Евгений Логинов. Считаю излишним что-то к этому добавлять, как-то описы-

вать их или характеризовать. Ведь поскольку вижу их таковыми, постольку уверен, что они отлично выскажутся сами за себя, тогда, когда посчитают нужным.

Быть может, я уже сделал свой успешный прогноз на будущее, которое наступило. Но что-то, наверное, мой Даймон, подсказывает мне, что это только начало.

Во-первых, изменится способ преподавания философии. Классические курсы будут записаны и станут канонами. Определенную роль в этом сыграют те самые философские сообщества, в которых оформится представление о философах прошлого как о страницах, со своими проблемами и концептами, и персонажами. Так история философии станет каталогом. Различные философские методы выкристаллизуются, а все желающие смогут выбирать из них те, что им по вкусу.

Во-вторых, начнется борьба за сферы влияния между поколениями X и Y. Мы будем изо всех сил стараться не дать поколению X передать свои ценности подрастающему поколению. Ведь Иксы выросли во времена, когда герои уже не были возможны. Но им чего-то не хватило для того, чтобы понять – да, время Героев закончилось, но лишь потому, что пришло время Супергероев. Ушло время Истины, но пришло время Реальности. А значит, преимущество на нашей стороне. And We Will Win.

В-третьих, нас ожидает еще большая фрагментация, еще большее разнообразие. Но то, что будет после, видимо, уже будет зависеть от Искусственного Интеллекта. А еще – от развития «магических» практик. Да, приход «экономики нуминозного» – это мое старое предсказание, которое пока еще не оправдалось, но я уже вижу множество ее ростков во всех направлениях. Ведь это логично – быт будет становиться всё более простым, освобождая всё больше времени на размышление, а, следовательно, рамки повседневности станут не то что тесными – просто скучными.

И придет время Большой Игры. Возможно, в виде образа из фильма и книги, популярных во времена моей юности и ставших ныне популярным жанром видеоигр. Battle Royal. Королевская Битва.

Белоногов И. Н. 2014. *Место и роль философии в современном мире* // Аспекты: Сб. статей по филос. проблемам истории и современности: Вып. IX / Под ред. Н. В. Гоноцкой, А. С. Ветушинского. – М.: Издатель А. В. Воробьев. – С. 325–346.

Белоногов И. Н. О связи понятий «человек» и «идентичность» в современной философии. – Доступно: <http://philh.ru/index.php/arkhiv-materialov/video/197-belonogov-i-no-svyaziponyatij-chelovek-i-identichnost-v-sovremennoj-filosofii>. – Проверено: 09.12.2024.

Белоногов И. Н. 2022. *Кричащие машины. Пустынные хроники*. – Философские поколения. – Отв. ред. Ю. В. Синеокая. – М.: РАН. Институт философии. – 1147-1177 с.

Делёз Ж. 2011. *Логика смысла* / Пер. с франц. Я. И. Свирского. – М.: Академический Проект. – 472 с.

Делёз Ж. 2015. *Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87*. – М.: Ад Маргинем Пресс. – 376 с.

Аветисян С. Эпоха менеджеров закончилась! – Доступно: www.e-executive.ru/management/biznes-liderstvo/1851757-epoha-menedzherovzakonchilas. – Проверено: 09.12.2024.

Мишура А. Система развития навыков в RPG как поле философской рефлексии. – *Финиковый Компот*. – Вып. 7: Видеоигры. – Доступно: <http://philosophy.ru/fk/fk-7/sistemarazvitiya-navykov-v-rpg/>. – Проверено: 09.12.2024.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФИЛОСОФСКОМ ПОКОЛЕНИИ КАК ВИД ДУХОВНОЙ ПРАКТИКИ¹

Е.С. Марчукова
Институт философии РАН

Аннотация: В статье приводятся размышления о понятии «философское поколение». Значимость самой постановки вопроса об определении, границах и характерных чертах того или иного философского поколения связывается с возможностью переосмыслить личный академический и жизненный опыт. Автор анализирует ключевые события своего профессионального становления и работы в Институте философии, рассказывает о коммуникации в философской среде, о специфике ряда научных проектов, об общей атмосфере и наиболее существенных моментах жизни Института философии во второй декаде XXI столетия.

Ключевые слова: философское поколение, Институт философии, философское сообщество, «Философская мастерская».

Не возьму на себя смелость претендовать на масштабные обобщения, размышляя об особенностях и специфических чертах философского поколения второй декады XXI столетия. Для меня непросто рассуждать о своем поколении изнутри как о чем-то цельном и четко оформленном. Возможно, что конкретные характерные черты, определяющие поколение, которому я принадлежу, могут быть выявлены через несколько лет, во временном удалении, когда у будущих поколений появятся критерии принципиального отделения «старого» от «нового».

Тем не менее сам по себе разговор о философском поколении как об особом феномене, попытки дать определение этому понятию заслуживают, по моему мнению, специального внимания. Постановка вопроса о специфике того или иного философского поколения не только раскрывает новые горизонты для теоретического осмысления отдельного периода и конкретных событий в жизни научного сообщества, а имеет, в первую очередь, особую ценность практического характера.

Вопросы о характерных чертах какой-либо философской эпохи, о проблемном поле философии определенного периода, о людях и событиях, определяющих дух времени, – ключевые моменты любого историко-философского исследования. Историк философии читает тексты того или иного мыслителя, как правило учитывая контекст господствовавшей тогда традиции. Эволюция взглядов философа, его цели и задачи определяются во многом и тем, что

¹См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1178–1186.

делают его современники. Философ мыслит в контексте своего времени, обдумывая и переживая актуальные изменения в интеллектуальной и культурной среде. Полемики, дискуссии, диалоги, переписки, живые пересечения и обстоятельства встреч, факты биографии – подобные контекстуальные аспекты так или иначе должны быть приняты во внимание в историко-философских исследованиях. Так почему бы не воспользоваться таким подходом в отношении самих себя? Иначе говоря, почему бы нам не посмотреть на себя глазами будущих историков философии, обладая, однако, существенным преимуществом, поскольку мы сами являемся живыми соучастниками и свидетелями зарождающихся тенденций.

Полагаю, что к размышлениям об этапах собственного профессионального становления можно относиться и как к своеобразной духовной практике. Подобного рода рефлексии, подразумевающие и взгляд назад, и вместе с тем взгляд изнутри и извне, открывают новые, порой совершенно неожиданные, опорные точки для самоидентификации.

Не рискну в рамках данной статьи предлагать какие-либо теоретические обобщения в отношении философского поколения, которому я принадлежу. Но, воспользовавшись такой благоприятной возможностью заново переосмыслить свой опыт пребывания в философской среде, хочу поделиться собственными впечатлениями о жизни и особой атмосфере Института философии и рассказать о случайных встречах, оказавшихся судьбоносными, о своих учителях и коллегах, отношения с которыми для меня особенно дороги.

Мой путь в философии начался в 2010 году. Откровенно говоря, изначально я вовсе не планировала поступать на философский факультет, а намеревалась связать свою профессиональную деятельность с изучением иностранных языков. К этой цели я планомерно шла несколько лет, посвятив много времени и сил специальной подготовке. Выбор же именно философского факультета был обусловлен скорее внезапным, непонятно почему и как возникшим, импульсом. Это решение было принято мною в самый последний, определяющий момент. По сей день я не могу ответить на вопрос о причинах такой резкой смены планов и о мотивах, побудивших меня к выбору именно этой специальности. Ведь на тот момент мое представление о предмете философии и о специфике этой дисциплины было довольно расплывчатым. Я не знала, чем я буду заниматься по окончании университета, не представляла, что буду делать на философском факультете и зачем вообще туда иду. Однако я очень хорошо помню состояние, которое я испытала на первой вводной лекции – это смешанное чувство восторга, нетерпения и трепета в предвкушении новых предметов, тем и дискуссий, уверенности и радости от ощущения себя «на своем месте» – именно там, где мне нужно быть здесь и сейчас. Признаюсь, что не могу вспомнить ни одного случая, когда я пожалела бы о своем выборе. Стало быть, именно тот внезапный порыв явился ключевым моментом, определившим мой жизненный путь, по крайней мере на последующие 10 лет.

Итак, мой путь в философию начался с обучения в Российском университете дружбы народов. Мне не хотелось бы представлять развитие событий по иному сценарию – как если бы на первом этапе пути мне довелось бы учиться у других преподавателей. Поясню. Мне приходилось разговаривать с людьми, которым в свое время по тем или иным причинам не повезло с преподавателями философии (как правило, речь шла об общем курсе философии в рамках обучения на других специальностях). Эти люди не только не понимали и не разделяли моего восторга от погружения в философию, их воспоминания о курсе философии были пропитаны чувством отторжения и крайней неприязни ко всему, что так или иначе связано с самим словом «философия». Всякий раз мне было невероятно горько слушать их рассказы; я задавалась вопросом, как возможно за один-два семестра не просто не заинтересовать студентов этим особым миром (а многие из моих собеседников изначально даже были заинтригованы и с любопытством ждали начала курса философии), но и навсегда отвлечь от предмета философии?! Я упоминаю здесь об этом печальном обстоятельстве

стве только для того, чтобы показать, насколько мне повезло делать первые шаги в философии именно с теми преподавателями, которых я застала тогда в своей alma mater. Со многими из них я поддерживаю связь и по сей день.

На первом же курсе мне посчастливилось познакомиться со своим первым научным руководителем, вместе мы проработали 6 лет. Михаил Львович Хорьков читал в то время курсы лекций по греческой философии и философии Средневековья. Во многом благодаря именно этим лекциям, а также внеаудиторным занятиям, которые Михаил Львович проводил для узкого круга студентов, интересующихся какой-либо специальной темой (к сожалению, далеко не каждый преподаватель может найти время и силы для организации подобных мероприятий, а ведь именно такой формат работы дает возможность студентам выработать и совершенствовать специальный навык чтения философских текстов, в том числе оригинальных), у меня сформировалось не только понимание специфики предмета философии, но и представление о философии как об особом пространстве, в котором объединяются разные миры, каждый из которых обладает своим неповторимым ароматом и красками. Я помню, как абсолютно искренне верила Фалесу, а потом Анаксимандру, а затем Анаксагору, Эмпедоклу, Демокриту, Платону... Помню и свое изумление, когда я заметила, что эти учения, имеющие в своем основании совершенно разные подходы к проблеме, не являются, однако, взаимоисключающими, но наоборот – каждая теория становится только убедительнее и красивее оттого, что рассматривается именно наряду с другими.

Михаил Львович предложил мне в начале второго курса написать работу «Понятие красоты в философии Николая Кузанского». Эта тема настолько меня увлекла, что определила направление моих исследований на ближайшие 5 лет! И по сей день Николай Кузанский остается одним из моих любимых философов, труды которого я перечитываю с особым наслаждением.

О результатах тех исследований мне посчастливилось рассказать на российско-нидерландской встрече, которая состоялась в январе 2014 года в Институте философии РАН. Я впервые пришла в институт. Помню свое волнение во время доклада. Главная причина переживаний, охвативших меня тогда, заключалась не в том, что это сообщение было одним из моих первых публичных выступлений на немецком языке, уровень владения которым на тот момент был у меня далек от совершенства... Дело в том, что совсем рядом с трибуной докладчика сидела Нелли Васильевна Мотрошилова. На протяжении всего доклада я чувствовала ее внимательный взгляд (каково же было мое изумление, когда по прошествии стольких лет, сейчас работая над этой статьей, я обнаружила, что на сайте института сохранилась фотография, на которой запечатлен как раз тот момент)! В тот день мы не познакомились с Нелли Васильевной лично. Разумеется, тогда я не могла даже представить, что совсем скоро у меня появится возможность работать вместе с Нелли Васильевной, и уж тем более я не могла мечтать о том, чтобы когда-нибудь стать ее аспиранткой...

По окончании бакалавриата я приняла решение поступать в магистратуру ГАУГНа, чтобы иметь возможность продолжать работать под научным руководством М. Л. Хорькова, который к тому времени завершил преподавательскую деятельность в РУДН и уже работал (и работает по сей день) в секторе западной философии Института философии. Благодаря Михаилу Львовичу состоялось мое знакомство с руководителем сектора Юлией Вадимовной Синеокой. О нашей первой встрече хочу отдельно сказать несколько слов.

Меня приятно удивило, что эта встреча была меньше всего похожа на официальное собеседование – одно из тех формальных мероприятий, когда принято сидеть со строгими лицами и с чрезвычайно серьезным видом говорить о своих будущих творческих планах. Надо отметить, что подобный формат, как мне кажется, вообще является чем-то инородным, чуждым и совершенно не свойственным атмосфере Института философии и характеру

большинства сотрудников. Встреча проходила в уютном кафе. Помимо беседы о профессиональных интересах мы также говорили и об отвлеченных, житейских вещах. У меня остались очень теплые воспоминания о той встрече. Тогда я подумала (и это предположение много раз подтверждалось впоследствии), что для Юлии Вадимовны, безусловно, важен профессиональный уровень коллег, но не менее существенным моментом являются и их человеческие качества, открытое живое общение. Меня воодушевляет тот факт, что в Институте философии работает много людей, в которых также выдающиеся академические заслуги и высокий профессиональный уровень сочетаются с добрыми личностными качествами – внимательностью, сердечностью и чуткостью.

Полагаю, что отчасти этим и обусловлен успех ряда проектов, задуманных и осуществленных Ю. В. Синеокой как в Институте философии, так и за его пределами. Цикл лекций «Анатомия философии» в библиотеке им. Ф. М. Достоевского на Чистых прудах [URL: https://iphras.ru/anatomia_text.htm#], диалоги «Реплики» [URL: https://iphras.ru/anat_rep.htm], проект «Философская мастерская» [URL: https://iphras.ru/phil_master.htm] и др., сам формат этих мероприятий предполагает, помимо всего прочего, личную заинтересованность участников в живом общении как с коллегами, так и со слушателями. Все эти проекты позволяют разрушить незримую стену между учеными и людьми, далекими в профессиональном отношении от философии, но интересующимися ею; такие проекты дарят возможность живого взаимодействия и диалога, что, к сожалению, в современных реалиях научной жизни довольно редкое явление.

Процесс организации этих мероприятий заслуживает особого внимания. Один из упомянутых проектов, носящий в большей мере академический, чем просветительский характер – «Философская мастерская», – начатый в 2018 году и существующий по сей день, сплотил и подружил молодых сотрудников сектора истории западной философии, превратил нас в сообщество единомышленников. Уникальный формат этого проекта был бы невозможен в отсутствие особых товарищеских отношений между участниками команды – Ольгой Игоревной Кусенко, Наталией Анатольевной Татаренко, Алексеем Геннадьевичем Жаворонковым, Артемом Тимуровичем Юнусовым, Даниилом Олеговичем Аронсоном. В эту группу вхожу и я.

Ценность такого особого формата общения с коллегами состоит, по моему мнению, как раз в неповторимой атмосфере, установившейся внутри этого узкого пространства. Хотя участники данной группы являются людьми совершенно разных темпераментов, склада, образа мысли и у каждого своя сфера научных интересов, все они открыты для обсуждения новых идей. Отношения в кругу участников этой группы (а именно этих людей я причисляю к своему поколению – не по возрастному критерию, а ориентируясь исключительно на внутренние ощущения) – это атмосфера интеллектуального доверия, взаимоуважения, внимания к другому, готовности слушать и свободно выражать собственную позицию. Такого рода отношения с коллегами сами по себе радостны и уютны, но они также чрезвычайно важны именно (и особенно) для философского сообщества. Потому для меня так ценно, что примеры такого общения и особых связей с коллегами имеются в Институте философии, и, к счастью, их немало.

Интеллектуальная свобода – состояние, отличающее и определяющее общий климат в Институте философии. По крайней мере, такое впечатление сложилось у меня за, пока непродолжительное, время работы здесь. Мне сложно представить положение сотрудников института, например, в советское время (об этом уже имеется некоторое количество мемуаров, предполагаю, что и в данном сборнике можно будет обнаружить немало интересных свидетельств). Во все времена были препятствия и трудности определенного рода, которые сотрудникам института приходилось преодолевать. Сложности есть и сейчас. Я говорю о не-

которых, привнесенных извне, требования формального характера, которые порой бывают просто несовместимы с самим творческим процессом, но с которыми так или иначе приходится считаться. Важно и существенно, что и в этих условиях внутренняя жизнь института организована таким образом, что можно свободно выбрать темы научных исследований, что в стенах института возможно реализовать свои творческие замыслы, поделиться идеями новых проектов и получить отклик и поддержку коллег. (Нахожу само слово «коллеги» неудачным и совершенно не подходящим в контексте моего повествования, ибо такое определение предполагает, на мой взгляд, отношение холодной отстраненности и некое дистанцирование, не говоря уже о том, что от него веет формализмом. Мне не нравится это слово. Я не воспринимаю людей, о которых писала выше, «коллегами». Но, к сожалению, пока мне не удастся найти наиболее точное понятие, и я вынуждена пользоваться этим определением.)

Мне радостно оттого, что я могу в любой момент обратиться к своим коллегам с интересующим меня вопросом, и я уверена, что мне не просто не откажут в консультации, но, как это уже не раз бывало, разговор может перерасти в увлекательную, продолжительную беседу-дискуссию, в которой рождаются новые идеи и которая дарит обеим сторонам вдохновение и новые силы для работы. Я особенно ценю эти моменты и связи, поэтому хочу еще раз подчеркнуть, что Институт философии для меня – это, прежде всего, особое пространство, которое порождает именно такие отношения. Эти отношения органично встраиваются в тело института, они естественны и необходимы для жизни института.

Стоит отдельно упомянуть, что в Институте философии также создаются регулярные научные семинары, в рамках которых у заинтересованных сотрудников есть возможность медленно и обстоятельно читать и обсуждать тот или иной оригинальный философский текст или же повысить свой уровень владения иностранным языком. Существенно, что подобные мероприятия вообще иницируются в Институте философии и функционируют годами, ведь эти семинары живут лишь благодаря увлеченности и энтузиазму участников. Я бы сказала, что такие формы сотрудничества и общения жизненно необходимы для успешной работы исследователя. Отрадно, что подобные семинары создаются не только в стенах института. Например, такие живые формы научной работы организует Петр Владиславович Резвых, с которым мне посчастливилось познакомиться еще в РУДН и повезло в свое время слушать его блестящие лекции по немецкой классической философии. И хотя мне удается присоединиться к совместному чтению и обсуждению Гегеля, Хайдеггера или Шеллинга в рамках семинаров Петра Владиславовича, к сожалению, не так часто, как хотелось бы, эти встречи – важная часть моей профессиональной жизни.

Я уже упоминала имена некоторых коллег, которых можно было бы причислить к философскому поколению второй декады XXI столетия. Скажу о них немного подробнее и назову еще несколько имен. Конечно, чаще всего мне удается общаться с коллегами, с которыми работаю в одном секторе и вместе с которыми принимаю участие в организации проекта «Философская мастерская». И хотя нас объединяет любовь к истории философии, темы наших исследований и области научных интересов различны. Например, О. И. Кусенко занимается философией итальянского гуманизма и итальянской философией XIX–XX веков и, нужно отметить, является одним из немногих специалистов в этой области в России сегодня. Н. А. Татаренко, чья сфера научных интересов немецкий идеализм, является редким, если не единственным, в нашей стране специалистом по эстетике Гегеля. По словам Н. В. Мотрошиловой, а Наталия Анатольевна была ее аспиранткой, поиски оппонента для защиты диссертации по теме «Тезис Гегеля о конце искусства и его трактовка в современной философии» вызвали в свое время большие трудности. А. Т. Юнусов связал свою профессиональную деятельность с наследием Аристотеля; будучи прекрасным специалистом по истории античной философии, он пишет также работы по логике, эпистемологии и аналитической фи-

лософии. Д. О. Аронсон – яркий специалист по немецкой классической философии, в частности по философии Канта, также пишет работы по политической философии и, кроме того, живо интересуется проблемами экологии и принимает активное участие в мероприятиях, направленных на улучшение экологической ситуации.

В других секторах института также работают молодые коллеги, с которыми я чувствую единение в контексте разговора о принадлежности одному поколению. И хотя в силу существенных различий наших специальных интересов нам нечасто удается общаться на профессиональные темы, я все же стараюсь следить за их творчеством. Полагаю, что эти люди составляют и во многом определяют философское поколение второго десятилетия XXI века в России. Признаюсь, что боюсь сейчас перечислять по именам всех коллег, которых можно было бы отнести к числу таких людей, ведь кого-то я могу не упомянуть в силу забывчивости (человеческий фактор работает везде и всюду), а с кем-то я и вовсе пока не знакома. Поэтому прошу не искать в моих словах претензии на исчерпывающие сведения о составе поколения, которому я принадлежу. Назову лишь несколько имен – Б. В. Подорога, А. С. Цыганков, А. В. Катунин, А. Ю. Бердникова и др. Кроме того, стоит назвать также имена коллег не из Института философии, а получивших образование и работающих в НИУ ВШЭ, без которых я не мыслю свое философское поколение как таковое. Я говорю об Анне Михайловне Винкельман, которая в настоящее время работает над диссертацией на тему «Метафизика любви Шеллинга» и Антоне Сергеевиче Цыгурове, исследование которого посвящено философии Канта. С ними я нередко пересекалась и на научных конференциях, и в рамках семинаров, организованных П. В. Резвых, и на «Философских мастерских». У меня нет никаких сомнений в том, что вскоре после успешного окончания аспирантуры они заявят о себе как серьезные самостоятельные исследователи.

В продолжение разговора об особых связях с коллегами и вместе с тем возвращаясь к повествованию о важных этапах своего профессионального становления, считаю особенно важным рассказать о работе с Нелли Васильевной Мотрошиловой. Как я уже говорила, впервые Нелли Васильевну я увидела на конференции в начале 2014 года в Институте философии, но познакомилась и начала работать с ней уже будучи студенткой магистратуры ГАУГ-На. Работа заключалась в наборе рукописных текстов Нелли Васильевны и их электронном оформлении. Сама по себе такая деятельность не являлась чем-то особенным, но ценность этой работы для меня состояла в том, что это были рукописи Мотрошиловой, и мне таким образом удавалось одной из первых читать ее тексты. Я также особо ценила возможность каждую неделю находиться рядом с Нелли Васильевной и слушать ее и других коллег, труды которых еще совсем недавно изучала в рамках учебы на бакалавриате. В то время это было для меня без преувеличения подарком судьбы!

А уже в 2017 году я поступила в аспирантуру Института философии под научным руководством Нелли Васильевны. Первые шаги в работе над диссертацией давались мне чрезвычайно трудно. Помню, как страшно мне было поначалу показывать очередной результат своих научных изысканий. Помню, как я сидела в ожидании, пока Нелли Васильевна внимательно изучала мой текст, и по ее лицу пыталась понять, есть ли надежда, что хотя бы одно предложение вышло удачным. Затем были долгие часы обсуждения, когда Нелли Васильевна с бесконечным терпением, скрупулезно, предложение за предложением, разбирала мою работу, тщательно обсуждая со мной каждую деталь, мы вместе искали и находили более удачные формулировки... Это была настоящая работа над текстом, тренировка навыка научного письма – бесценный опыт, который невозможно получить, слушая лекции или читая книги. Конечно, собственный стиль и слог тренируются и совершенствуются годами и даже десятилетиями. В то время Нелли Васильевна подарила мне средства и методы для работы, которыми я буду пользоваться всю жизнь.

Раскрою еще один момент совместной работы с Нелли Васильевной, который, полагаю, можно расценить как особый педагогический прием с ее стороны. Возможно, что именно эта деталь явилась самым существенным фактором моего становления в качестве самостоятельного исследователя. А именно – за все эти годы Нелли Васильевна ни разу не отклонила и не забраковала ни одной моей идеи, какой бы спорной и сомнительной она ни казалась на первый взгляд. Всякий раз я получала предложение развить и раскрыть свою мысль. Порой мои соображения оказывались тупиковыми, а иногда из этих зерен проросло что-то содержательное и существенное. Но важно другое. В какой-то момент я просто перестала бояться показывать свои наработки, будучи уверенной, что в любом случае получу поддержку своего учителя, ведь мы на одной стороне и делаем одно дело. В моменты внутренних сомнений, которые, думаю, случаются у каждого молодого исследователя, вдохновение и мужество для дальнейшей работы мне давала и дает именно вера Нелли Васильевны в мои силы. Возможно, что это и есть самый главный аспект в отношениях учителя и ученика. По крайней мере, когда и если мне представится возможность оказаться на месте учителя, я буду стараться продолжить эту нить, удерживая в памяти именно это чувство взаимного доверия.

Подводя итоги, могу совершенно откровенно сказать, что я счастлива работать в Институте философии. Я рада, что занимаюсь любимым делом среди людей, с которыми приятно и интересно общаться. Я благодарна Ю. В. Синеокой за приглашение к участию в этой книге и возможность еще раз задуматься об этапах собственного профессионального становления и заново переосмыслить свой путь в контексте разговора о понятии «философское поколение». Еще раз отмечу, что подобная практика, на мой взгляд, чрезвычайно полезна и даже необходима для каждого, кто занят в сфере гуманитарных исследований, особенно для философов. Такая постановка вопроса позволяет обнаружить что-то важное и существенное в самом себе, отыскать и обнажить особые связи, которыми пронизана наша жизнь. Эти, на первый взгляд очевидные и банальные, прозрения, однако, зачастую так и остаются сокрытыми от нас самих – мы либо слишком погружены в научные исследования, либо нас затягивают и отвлекают какие-то неизбежные, но, по большому счету, совершенно пустые житейские мелочи. Думаю, что важно также периодически возвращаться к вопросу о поколениях, всякий раз заново переосмысливая свой путь. С одной стороны, к подобным размышлениям можно относиться как к особым интеллектуальным упражнениям или расценивать такую деятельность как некий вид духовной практики. С другой – результаты этих самонаблюдений могут стать и основой для новых теоретических построений.

ПОКОЛЕНИЕ – ЭТО ГЛАГОЛ¹

А.М. Винкельман

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

Аннотация: Кажется, что о разнице поколений принято говорить с позиций экстремумов – старшие говорят, что не понимают младших, а младшие старших. Сейчас я нахожусь где-то посередине и поэтому хотела бы рассказать про свой опыт осмысления темы поколений. С одной стороны, этот текст почти философский, ведь поколение – ключевая историческая категория. С другой стороны, всю фундаментальность этой категории я попробовала показать через личную историю, в которой все поколения – от Фалеса, до моих первых учеников – неразрывно связаны. Поколение – это не застывшее понятие, не данность, а действие и усилие, поколение – это глагол.

Ключевые слова: поколения, НИУ ВШЭ, немецкая философия, XXI век.

Чему бы ни научалось одно поколение от другого, истинно человеческому ни одно поколение не может научиться от предыдущего. В этом отношении каждое поколение начинает сначала, у него нет никакой другой задачи, отличной от задачи предшествующего поколения, и оно также не идет дальше, коль скоро предшествующее поколение не уклонилось от этой задачи и не обмануло само себя. Это истинно человеческое есть страсть, в которой одно поколение также совершенно понимает другое и понимает само себя. Любить – ни одно поколение не научается этому от другого, ни одно поколение не может начать с какой-то другой точки, кроме начала, ни одно позднейшее поколение не имеет более простой задачи, чем предыдущее, и если человек не желает останавливаться здесь, как это сделали предшествующие поколения, останавливаться на том, что он любит, но желает идти дальше, тогда это всё превращается всего лишь в бесцельную и глупую болтовню.

С. Кьеркегор. Страх и трепет

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 1187–1198.

Очень может быть, что мое поколение философов окажется одним из последних. Звучит апокалиптически, но я думаю, что тут всё обстоит примерно так же, как и с историческим процессом в целом. Его же я мыслю с тех позиций, с которых работаю в философии – с позиций современного прочтения философии немецкого идеализма. История мира проходит один большой цикл – далее (тут уже зависит от конкретного философского подхода) можно спорить о том, един ли этот цикл для всей планеты, культуры, страны, университета, даже может быть и кафедры. Конец цикла при этом не обязательно обозначает конец всего, напротив – подобно фениксу, исторический процесс всё время перерождается, а свое прошлое имеет в снятом виде (любимый немцами глагол *aufheben*). Поэтому если я сейчас скажу, что XXI век – конец прекрасной эпохи поколений, то буду иметь этим в виду не тьму и гром апокалипсиса, но лишь момент развития истории, в котором мы сейчас живем.

О конце истории говорили много, но сегодня говорят заметно больше, чем обычно. Даже по сравнению с началом моего академического пути в 2013 году. Многие стараются как-то замедлить этот конец, но ключевые симптомы налицо – мы видим размывание всяческих границ (пола, статуса, стиля), радикальные климатические изменения. Приходится переосмыслить даже важнейшую категорию философии – пространство, в кантовском, протяженном смысле. Всё оно сжалось в одну нематериальную точку, попасть в которую можно введя логин и пароль от учетной записи в Zoom.

Говорить о поколении, о философской эпохе можно теперь буквально везде. Интересно, что именно небывалое расширение пространственных границ и попадание в виртуальное пространство всего, что поможет изучить философию и даже получить философское образование или работу (онлайн), тоже заставляет нас иначе говорить о поколении, главным образом о том, как оно формируется. От старших коллег я знаю, как сложно было установить контакт с другими странами, получить архивные документы – теперь это минутное дело. Твой философский учитель может быть в другой точке мира, не говорить на твоём языке, принадлежать к совершенно другой культуре. Это удивительно и при этом немного жутко.

В этом смысле мой путь в философию начался совсем иначе – с реального пространства, где были запахи, текстуры, вкусы, где было холодно и жарко, громко и тихо, где у студентов нельзя было выключить микрофон, чтобы они не шумели, где всё было объемное и живое, где всё звало вернуться и провести как можно больше времени там. Когда я начинала учиться, у нас было место, которое мы считали своим, место, куда была дорога и откуда открывались дороги.

Меня зовут Анна Винкельман, с 2013 года я начала учиться на факультете философии Высшей школы экономики в чудесном городе Москва. Я смело могу сказать, что к нынешнему моменту мою карьеру можно назвать успешной почти во всех аспектах, думаю, даже почти невероятно успешной. У меня не было почти никаких «стартовых позиций». Я родилась в Уфе, в прекрасной, но, как принято говорить, «простой» семье, где меня всегда любили и поддерживали. Я приехала в Москву, чтобы поступить во ВГИК на «Режиссуру игрового кино». Не то что бы я очень любила кино, но в школе мне здорово удавались сценарии и короткие ролики на разные абстрактные темы. На третьем туре вступительных экзаменов я не прошла во ВГИК и оказалась на философском. Слово «случайно» тут не подойдет – когда я листаю свои детские стихи, заметки, рисунки, то вижу, что, кажется, это самое неслучайное, что со мной вообще было. На уфимском вокзале у меня было две большие холщовые сумки, рюкзак, наверное, тысяч двадцать рублей (в 2013-м должно было хватить на 1,5 месяца) и много энергии и надежд.

Почти все из них оправдались. В 2020 году мне двадцать пять лет, я преподаватель философии в Высшей школе экономики, заместитель руководителя Школы философии

и культурологии, у меня магистерский диплом Кельнского университета, дипломы, пожалуй, почти всех возможных российских стипендиальных фондов и несколько зарубежных, немного ужасающий даже меня опыт популяризаторской работы с самыми разными людьми, я пишу диссертацию по философии немецкого идеализма, и, наверное, это идеальное время, чтобы рассказать, как это так вышло. При этом ко всему, что у меня есть, у меня сложное отношение.

Для меня академический мир и философия – совсем не синонимы. Пока что речь шла об академическом мире, успехи в котором я могу описать, порадовать ими ближних; а вот какие успехи у меня в собственно философии — это уже другой разговор. Наверное, про это скажет следующее поколение, точнее, если оно что-то скажет, значит они есть. Свои ученики у меня появились недавно; пока что я суеверно буду о них молчать.

В любом случае, тому, что у меня есть сейчас и как у академика, и как у философа, я обязана своим учителям. Именно они приняли меня в то место, которое стало мне домом, вырастили меня, сначала заразили меня философией, а потом научили ей. Моя история про поколения будет, наверное, несколько обрывочной; но на самом деле мне бы даже и хотелось, чтобы она не была строгим нарративом, а скорее зарисовкой, наброском момента, в котором я сейчас. Это бы, как я надеюсь, показало бы и прошлое, и настоящее, и будущее – три эпохи, опосредующие друг друга в том бесконечно развивающемся и становящемся процессе, который мы называем философией.

* * *

Тема мой диссертации – «Философия любви Ф. В. Й. Шеллинга». Речь в ней не только о натурфилософии, романтической традиции, но и, конечно, о том, что вообще такое любовь. Если бы автореферат можно было бы написать одним предложением, я бы написала, что «любовь – это глагол». Я убеждена, что именно так оно и есть. Любовь – это движение, действие, любовь всегда активна, тем она и отличается от либо оцепляющей, либо охватывающей тебя страсти.

Философия – тоже движение, но по направлению к мудрости. Философское движение, думаю, ничем не отличается от движения физического. Хоть двигаться и придется самому, но импульс движения тебе кто-то или что-то должен сообщить. Я не верю, что философии можно научиться или войти в нее через книгу; она, конечно, может быть катализатором, но сам импульс передается от человека или от события мира. Я тут имею в виду импульс к занятиям философией; сама философия должна уже в скрытом виде быть в потенциальном философе, подобно тому, как телу вообще можно сообщить движение только тогда, когда он имеет хоть какую-то массу.

Для меня это всегда было безоговорочно так. Философии я учусь у людей, стараюсь учиться и у мира (в том смысле, в каком Декарт говорит о том, что не следует искать никакой другой науки, кроме той, что можно найти в себе или в великой книге мира). У мира, между прочим, намного сложнее. Предположу пока что, что это какой-то следующий уровень, только-только приоткрывшийся мне, но пока еще не вполне ясный.

Мое первое яркое философское впечатление связано с лекцией Владимира Натановича Поруса. К моменту нашей с ним встречи первокурсники уже прослушали несколько дисциплин, так или иначе прикоснулись к философии; но я все никак не могла понять – что же это. Однажды моя подруга на вопрос о том, как понять «любовь ли это?», остроумно ответила – «это как чайник кипит, перепутать тут нельзя». Именно такое ощущение у меня было от лекции Владимира Натановича. Вот это – философия. Перепутать тут было совсем нельзя.

Владимир Натанович из тех учителей, кто является не ментором, а путеводной звездой; он не учит философии как ремеслу, он учит философски видеть и думать. Как преподаватель

он впечатлил, заразил меня, показал мне смысл и суть дела. Как руководитель он понял своего ученика и предложил мне те пути, которые действительно могли мне подойти и подошли. Как, смею надеяться, друг – он всегда для меня верная поддержка и опора. Я бы сказала, что он не лицо философии, а больше – философ с человеческим лицом.

Второе яркое впечатление – Татьяна Михайловна Рябушкина. Я безусловно считаю себя ее учеником, а ее – своим первым педагогом в философии. Именно на долю Татьяны Михайловны пришлось самое сложное и ответственное дело – помочь мне сделать самый первый академический шаг. Я не имею сейчас ни малейшего понятия, почему я выбрала ее как научного руководителя на первом курсе. Едва ли кафедра онтологии, логики и теории познания могла бы привлечь только что не поступившего на режиссерский первокурсника, тут явно было что-то еще. Помню только, что, когда на семинар приходила прекрасная, источающая какой-то *свет науки* Татьяна Михайловна – мое разбитое ВГИКом сердце исцелялось и в какой-то момент исцелилось.

Мне сложно представить более требовательного и хладнокровного руководителя. Все мои сентиментальные пассажи вычеркивались с пометками «бессмысленный текст», а корявые абзацы рецензировались резко и почти жестоко. В качестве заданий я получала тексты, в которых поначалу не могла понять по 8 слов из 10. Все их я выписывала, разбирала, параллельно в ночи решая бесконечные задачи по курсу логики (я чувствовала, что это что-то очень важное и нужно для меня, если я останусь в академии). Почему-то все это не вызывало усталости, все было как на одном дыхании, думаю, потому что моя руководительница действительно вдохновляла меня. Татьяна Михайловна показала мне, что даже самую яркую и смелую мысль нужно подготовить для читателя и слушателя, что философия – еще и нелегкий труд. Поразительно, как в ней самой подлинная философская самобытность сочетается с академической твердостью и точностью.

Тогда, во время работы с Татьяной Михайловной, в декабре 2014 года, я приняла важное духовное решение – я свяжу свою жизнь с философией.

На втором курсе случилось еще два важных знакомства – с Дианой Эдуардовной Гаспарян и Софьей Владимировной Данько. Я думаю, что это именно те имена, которые сейчас следует называть, говоря о том, кто из женщин занимается философией в России. В Диане Гаспарян меня поразило то, как ловко и точно она усматривает философию прямо вокруг себя. Нет такого процесса или события, в котором Диана Гаспарян не увидела бы философии. Это было восхитительно. Я, подражая ей, пыталась так же посмотреть на то, о чем я раньше не думала. И, честно сказать, никогда это мне не удавалось. У Дианы Гаспарян удивительный подлинно философский талант. Она видит в мире что-то такое, что видит только она, но понятно и увлекательно рассказать об этом она может всякому.

Софья Владимировна Данько была и остается для меня *самой* философией. Я, пожалуй, не встречала в своей жизни человека, кто бы настолько ответственно подходил к мысли и к идее. Это касается и ее оригинальных текстов, и преподавательского дара – на момент объяснения она сама становится этим самым философом, наверное, так и проявляется премудрость! Уверена, что великий Платон посвятил бы ей диалог о подлинно философском духе. Если сделать шаг в сторону от лирики, то я бы сказала, что Софья Данько научила меня философской честности, даже, лучше сказать, воспитала ее во мне. Кстати, вот это «воспитательное» для меня – обязательное качество философа. Философ должен быть учителем. Ученый (и я тут вижу разницу) может позволить себе отстраниться – философ нет.

Полгода спустя случилось еще одно очень важное знакомство – с Петром Владиславовичем Резвых. Совершенно удивительно, что немецкая философская традиция, которой занимается Петр Резвых и которой он научил меня, всегда стремилась к системе и к правилу. Для меня же Петр Резвых всегда был исключением из правил. Он очень необычный ученый; он

одновременно и в системе, и над ней. У него есть какой-то редчайший дар погружаться даже не в тексты, а в саму философию Канта, Шеллинга, Гегеля, да и всех прочих. Он словно получил все, чем щедро делится со своими учениками и коллегами, из первых рук. Не знаю, как это возможно, но это впечатляет.

Еще много имен пришли мне в голову – особенно коллег из других городов, университетов. Или можно было бы сказать и о тех, кого я помню по принципу «не можешь быть хорошим примером, будь ужасающим предупреждением». Это тоже всегда для меня был важный опыт. Но там, где все, там ничего.

* * *

Первые мои три года в философии прошли в трудах над проблемой субъекта. Ее я считаю самой важной, не в том смысле, что нужно решать только ее, а в том, что, чем бы ты ни занимался, следует в этом вопросе занять определенную позицию. Когда пылкая страсть к Витгенштейну немного остыла и сменилась вечной и глубокой любовью, мой руководитель на третьем курсе Владимир Натанович Порус дал мне прочесть трилогию Макса Фриша («Номо faber», «Назову себя Гантенбайн», «Штиллер»).

Макс Фриш поразил меня до глубины души – так открылся новый, до сих пор важнейший для меня философский путь, по которому рука об руку идут философия и литература. Под руководством Владимира Натановича я защитила дипломную работу, в которой, с одной стороны, были представлены итоги моих четырехлетних занятий темой субъекта, а с другой – в ней было видно, сколь впечатлила меня возможность и необходимость контакта философии и литературы. Сейчас мне кажется, что это была дерзкая и очень юношеская работа, в которой я ни много ни мало предлагала «свое решение проблемы субъекта». От коллег знаю, что такая работа есть у нас всех – получается, что это что-то вроде входного билетика в какое-то философское поколение вообще.

Отсюда – тема самостановления. Так сложилось, что круг моих друзей был очень разновозрастный. Они всегда были либо сильно старше, либо сильно младше меня. Наблюдая за ними и за собой, я вижу, какими причудливыми – но для всех закономерными — дорогами происходит самостановление человека в академии. Тем, кто принял решение связать свою жизнь с наукой, суждено пережить некоторые важные сюжеты, переходящие из поколения в поколение и как бы прочерчивающие их связь. Проще всего показать это на примере – пусть это будет *презрение к незнанию*.

Разница между эрудицией и умом хотя и интуитивно ясна, но труднообъяснима. По младшим и старшим друзьям, по себе я вижу, как переосмысление этого сюжета говорит о некоей принадлежности к поколению (или, может быть, о прохождении важного этапа в рамках одного поколения – этого я пока точно не знаю). В юные бакалаврские годы мы склонны, вооружившись эрудицией, презирать незнание, отчетливо связывая его с умом, успехом, перспективами, наконец – с самой наукой. Тот, кто посмел спутать Канта с Контом, должен быть если и не лишен студенческого билета сразу, то по меньшей мере отправлен на исправительные работы в «Ленинку». Более того, все собственно человеческие качества мы тоже – по юности – мыслим в неразрывной связи с эрудицией и противопоставляем незнанию. Не читавший «Критик» человек хорошим и интересным быть не может. Мы не говорим это вслух, но ведь думаем так. Почему? Мне кажется, что это похоже на естественную защитную реакцию ребенка, которому придется выживать в заведомо сложном и конкурентном мире. Особенно это заметно на примере академической философии, где критерии качества работы определить порой сложнее, чем в других дисциплинах; потому эта особенность психики проявляет себя очень резко.

В какой-то момент (в среднем – третий курс бакалавриата / первый курс магистратуры) эта связь должна быть разорвана. Тогда вооруженному Кантами и Контами студенту наконец открывается мир. Профессорско-преподавательский состав меняет свое лицо – случаются новые разочарования или очарования. Обостряется дистанция между теми, для кого эта связь разорвалась, и между теми, с кем этого еще не случилось. Однако самое главное тут – увидеть, что это не конечная точка. Это здорово можно показать через диалектическую триаду И. Г. Фихте. «Я» полагает «не-Я», что делает возможным «абсолютное Я», и круг начинается заново.

С этим связан еще один сюжет – парадоксальность необходимости Другого в философии. Есть много вариаций на тему шутки – что если всех философов закрыть в одной комнате, то они либо убьют друг друга, либо будут молчать. Я думаю, что философия в этом смысле действительно особая дисциплина. Философствовать можно только в одиночестве, но только зная, что другие, кто тоже философствует, – есть. Это особым образом определяет нашу поколенческую связь. Мы редко перенимаем концепцию или метод, мы заражаемся от учителя философией.

Сегодня философам всё чаще приходится выходить на публику. Так как мои творческие амбиции изначально преобладали над академическими, для меня это было очень кстати. Безусловно, одним из самых важных событий своей философской жизни я считаю участие в потрясающем и блестяще организованном вышкинском проекте «Научные бои». Мне тогда довелось выступить в Парке Горького перед огромным количеством людей, чтобы за десять минут представить им результаты своей работы над проблемой субъекта. Это очень крутой проект, но я вспоминаю сейчас об этом еще и потому, что само возникновение формата многое говорит о нашем поколении – мы часто уступаем обстоятельности изложения в пользу яркой и броской демонстрации идеи. Не знаю, насколько это хорошо или плохо, но это отличительная черта. От гуманитария сейчас ждут, что он будет «зажигать» – говорить мало, но ясно, весело и увлекательно. Судя по моим беседам со старшими коллегами, так было не всегда.

Со своей стороны – я всегда стремлюсь совмещать эти вещи. Те, кто относится к «моему» поколению, как я вижу, тоже. В этой связи мы часто слышим упреки в консерваторстве, в том, что мы противимся эпохе, не очень-то хотим продавать и не понимаем, что наука – это бизнес. Наверное – и тут могла бы быть перекрестная ссылка с самым началом моего рассказа, – это один из законов развития истории. Консерватизм оказывается своего рода сцеплением, на дающем необузданному локомотиву науки свернуть с рельс.

Может быть, философия где-то и превратится в бизнес, но не для меня. Мой творческий импульс всегда звал меня выступать и рассказывать о философии тем, кто еще не имел с ней дело. Я чувствую ее внутри и хочу делиться, заразить ей тех, кто еще не знает о ней – но тут тоже есть предел. Например, объясняя Канта, я люблю приводить художественные примеры, но слежу за тем, чтобы они не загораживали его философии. Отчасти эта манера обусловлена и тем, что мне часто случается работать в медийном пространстве.

Там есть мегапроекты типа «Синхронизации» – это масштабное и фундаментальное предприятие, сделанное профессионалами, но с ними сработаться у меня не получилось. В этом смысле самая важная для меня площадка, где я работаю вне академии – InLiberty. На мой взгляд, там очень здорово выстроен баланс между теорией и практикой, между простым и сложным, это потрясающий образовательный проект с крутой командой. Работа с ними для меня – настоящий праздник. Там действительно есть свобода, которой я вдохновляюсь. Однако если сравнивать это с классической академией, то я бы сказала, что это просто другая история. Академия ни в какую эпоху не могла существовать по таким законам, но это и не нужно. Здесь, мне кажется, у всего свои плюсы. Более того, я едва ли смогла бы

продуктивно работать на InLiberty без основательного интеллектуального багажа и знания канона, которые я получила именно в академии.

На самом деле мне кажется, что вне зависимости от важности «медийности» для эпохи философ должен выходить в мир, к людям, которые занимаются не философией, а чем-то другим. На этот счет наверняка есть или скоро появится отдельная работа; про себя могу сказать, что общение с представителями смежных дисциплин, а то и вовсе не философами для меня всегда было очень плодотворным и вдохновляющим. Впрочем, и тут, наверное, нужно быть очень аккуратным – выходить в мир философам можно и нужно, но вот выходить в мир в костюме академика неуместно. Философы нужны миру, а академики – академии.

Когда-нибудь нужно будет написать небольшую книжку с философскими историями из мира – про то, как словом, фразой или делом люди вокруг меня открывали сложнейшие философские законы, а мне удавалось это заметить. У меня, например, очень философская мама. Когда я в детстве хотела котенка, которого мне никто покупать, конечно, не хотел, то я сочла перспективным поставить родителей перед фактом – не просить и не спрашивать разрешения, а просто принести котенка. Об этом я им и объявила, спросив, какого цвета котенка мне купить. «Прозрачного», – ответила мама. Я и сегодня привожу эту историю в пример, говоря о Канте или Витгенштейне.

В начале 2018 года я уехала учиться в Германию. Эта долгая и сложная история, которая со стороны кажется закономерной, учитывая мою тягу и любовь ко всему немецкому и, возможно, голос очень дальних предков; для меня, однако, это было удивительное и неожиданное событие. Я, конечно, думала об этом в Konjunktiv II еще с первой страницы «Критики чистого разума», но ни финансовых, ни прочих возможностей у меня тогда не было. Думаю, если бы не стипендия от DAAD, это бы так и не стало для меня возможным. Теперь в моем дипломе написано *Master of Arts*, и мне есть что рассказать о совершенно другом опыте жизни.

Еще в бакалавриате на спецкурсе по Гегелю американский профессор сказал нам, что нужно обязательно поучиться в другой стране, чтобы «потерять там себя, потом вернуться домой и заново найти», что так и проходит самостановление. У меня к тому моменту опыта заграничных поездок почти не было; самый европейский, продвинутый и философский в семье – дядя. Он меня тогда начал здорово поддерживать. А профессор был, конечно, по-своему прав – это точно необходимый опыт (и наше поколение может намного более свободно пользоваться этой возможностью), но для меня это скорее пример про путешествия. В Германии я почему-то не чувствую себя не дома, наоборот – чувствую какую-то очень важную с ней связь. Больше ни в какой стране такого не было. У меня множество смешных и показательных историй, все они – светлые и почти сказочные.

Меня удивляло, как немцы ведут курсы по немецкой философии – это очень отличается от того, как русскую философию преподают у нас. К сожалению, пока что в Германии это выглядит более убедительно; при этом я не думаю, что это потому, что у нас такая уж менее убедительная философия – нет. Меня удивило, как прилежно готовятся студенты к занятию. Они действительно читали тексты и, как следствие, активно обсуждали их на семинарах; конечно, с разным успехом, но я никогда не заставляла стыдливой семинарской тишины. Есть, правда, обратная сторона медали – общий кругозор по предмету почти всегда хуже, чем у русских студентов. Мучительная для обучающихся в России система ГОСов и «кандминимум» делают свое дело – мы знаем вперед, назад, вправо и влево намного больше, чем западные ровесники.

Да и преподаватели иначе готовятся к занятиям – ответственно продумывается каждый новый курс, а курсы очень редко повторяются. Впрочем, это сложная тема. У них другие

условия труда, это точно. Но и спрос с них весьма серьезный – по крайней мере у меня такой опыт. Они работают со студентом больше и регулярнее, причем не столько персонально, сколько в форме коллоквиума. На одном из них я услышала от профессора Й. Шульте совет – в академии и жизни нужно всегда быть *open-minded*. До сих пор считаю эту вовремя и к месту сказанную им фразу своим девизом.

Но больше всего меня поразило то, что на одной из летних школ по германистике, где был совершенно, как мы говорим, звездный состав, а участники были не старше магистратуры, профессора действительно слушали доклады друг друга и студентов. Есть прекрасное немецкое слово для глагола «воспринимать» – *wahrnehmen*, где «*wahr*» обозначает правду; так вот все слушали друг друга взаправду. Конечно, это сложная и скользкая тема – кто знает, что они думали, да и исключения найдутся. Но что я хочу, чтобы наше поколение начало делать в России – так это возродить культуру академического общения; это то, чего нам очень сильно не хватает.

Сейчас я стараюсь быть на связи со «своим поколением». Мне кажется, что даже если оно и одно из последних в «классическом» смысле слова, то всё равно – очень сильное и крутое. Софья Порфирьева, например, работает с архисложными латинскими классическими текстами, умудряясь при этом делать очень качественные и современные вещи по квир-теологии; Мария Федорова – один из самых ярких умов «до тридцати» – великий организатор, систематизатор, при этом оригинальный и смелый автор, связывающий аналитическую и континентальную традиции. Антон Цыгуров – настоящее и совершенно точно блестящее будущее лицо немецкой классики в России. Или Ася Копылова – не знаю школьника или студента, кто не уходил бы с ее занятий в восторге и не ждал бы следующего, и это при том, что она работает с материалом, который точно нельзя назвать веселым, – со средневековой логикой.

Почти у всех нас уже есть свои ученики. Сейчас я много сил вкладываю в преподавательский процесс, стараюсь, чтобы мы собирались на коллоквиумы, вычитываю каждую строчку текста так, как когда-то (и иногда еще сейчас) вычитываю мои. Тексты моих студентов уже заметно отличаются от тех, что на первом курсе писало «мое поколение». С одной стороны, они легче, живее, смелее, поражает разнообразие тем и готовность к исследованию того, о чем еще не написано ни строчки. С другой стороны, они словно более фрагментарны и сбивчивы, иногда небрежны и всё же более претензионные. Не думаю, что дело в одной только цифровой эпохе – многие нынешние бакалавры и без Google знают явно больше, чем мы. Думаю, тут важно не пытаться сделать их «консервативнее» или пытаться подавить эту легкость, смелость, предложив взамен академические штудии 24/7.

Пока что мне бы наивно хотелось тех, кого теперь учу я, просто любить и помогать им, делать что-то для них. У меня сейчас интересная пора – я и учусь, и учу; хотя, если честно, мне бы всегда хотелось находиться именно в таком движении, а не в какой-то определенной позиции. Ведь философия – это глагол. Это знает каждый, кто занимался ей, а не чем-то другим. Поколение – тоже глагол. Нельзя, выражаясь языком Канта «подпасть под понятие» поколения; можно только актом, движением, быть соавтором философского процесса, который, как и вся мировая история, проходит разные этапы, и сейчас мы – один из них.

У меня еще миллион историй, из которых сплетается сейчас мое поколение. Но пока что нужно где-то остановиться. Пусть это будет нехитрое, но важное для меня соображение, к которому я пришла, пока размышляла о поколениях. За эту возможность я благодарю Юлию Вадимовну Синеокою.

Философ живет в каком-то поколении, но в философе живут сразу все поколения — на то он и философ.

НАШИ АВТОРЫ

Белоногов Иван Николаевич – кандидат философских наук, младший научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (г. Москва, Россия) (ligneoofflyight@gmail.com)

Берлявский Леонид Гарриевич – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета «РИНХ» (г. Ростов-на-Дону, Россия) (berlg@yandex.ru)

Винкельман Анна Михайловна – преподаватель, аспирант, заместитель руководителя Школы философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия) (vpmakar1985@gmail.com)

Гуров Олег Николаевич – кандидат философских наук, доцент экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия) (gurov-on@ranepra.ru)

Капустин Борис Гурьевич – доктор философских наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия) (boriskapustin1951@gmail.com)

Макаренко Виктор Павлович – доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия) (vpmakar1985@gmail.com)

Марчукова Екатерина Сергеевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН (г. Москва, Россия) (marchukova.es@iph.ras.ru)

Оболонский Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор, профессор-исследователь факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия) (aobolonsky@hse.ru)

Паламарчук Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Ростов-на-Дону, Россия) (epalamar@mail.ru)

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (г. Москва, Россия) (rozinvm@mail.ru)

Семина Елизавета Алексеевна – студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (г. Москва, Россия) (elizaveta_s03@mail.ru)

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Государственного института искусствознания МК РФ (г. Москва, Россия) (nihrenov@mail.ru)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. Religious Prerequisites for State Interest

Summary: 150 years ago, M.A. Bakunin noticed the similarity between the classes of priests and statesmen (bureaucrats, military men, diplomats). In his opinion, both are worthy of a thousand-fold hard labor and the gallows, "... for there is no horror, cruelty, sacrilege, perjury, deception, low deal, cynical theft, shameless robbery and dirty treason that would not be committed ... by representatives of states, without any other excuse than the elastic, so convenient and at the same time so terrible word: state interest". Let us note that the state interest (hereinafter SI) not only connects the classes of priests and bureaucracy (since their activities are criminal), but also masks its criminal content.

Was Mikhail Alexandrovich original in such a definition of SI or did he rely on similar opinions of his contemporaries? Let me remind you that by the time Bakunin made his statement, A.I. Herzen's "The Bell" had already been published in Europe, and the notes of Prince P.V. Dolgorukov and the books of Father D.I. Rostislavov had been published. All of them recorded the aforementioned human qualities among representatives of the Russian aristocracy and clergy from the time of the formation of the Moscow Principality, with a special emphasis on the situation in the mid-19th century. The book of the Marquis de Custine and his assessment of Russia had acquired European fame by the time of Bakunin's activity.

Experts in the field of knowledge and assessment of Custine's book note that its content is applicable to the Russia of Stalin and Brezhnev. The book goes beyond the time depicted in it, and is a real historical document, by which one can study time intervals from one hundred to two hundred years. It is such a document, by which one can study time intervals from one hundred to two hundred years, it can be perceived as an introduction to the study of the problem of the prerequisites for the GI of today's Russia³. Does it follow that Bakunin repeated the well-known opinions and assessments of his Russian and European contemporaries who disagreed with the political structure of Nicholas's Russia? Or is his opinion confirmed by modern research?

Keywords: M.A. Bakunin, state interest, religious prerequisites.

Rozin V.M. Social Research and Science: Composition and Foundations (Methodological Analysis)

Summary: The article discusses the nature and specifics of social science. At the same time, the author, on the one hand, reflects on existing social research, therefore analyzes several cases, on the other hand, discusses the foundations of social science, which were highlighted by famous social scientists and philosophers, Z. Bauman, B. Latour, N. Luhmann, V. Fedotova. The author, following Fedotova, comes to the conclusion that two methodologies and approaches are implemented in the social sciences – natural science and humanitarian; An analysis of their structure and opera-

tion is proposed. In addition to this pattern, the populational and cultural-historical nature of sociality is pointed out. The boundaries of research into the foundations of social science are discussed.

Keywords: research, science, methodology, regularity, singularity, sociality, sociology, thinking, reflection, ideal object.

Gurov O.N. Embodied Power: Cyborgization as a Mechanism of Biopolitical Control

Summary: The article examines the connections between cyborgization and biopolitics, and considers the influence of technologies on the mechanisms of power and control in society. The author analyzes how the integration of digital technologies into the human body and consciousness transforms traditional forms of biopolitical control. The work uses the concepts of Michel Foucault and Gilles Deleuze to analyze the transformation of power and its forms in the context of blurring the boundaries between man and machine. At the same time, the author analyzes existing and promising forms of resistance to total technological control, such as hacktivism and various social movements, in particular, for digital rights. The work also proves the need for further interdisciplinary research on the social and psychological consequences of the integration of technological solutions into human nature.

Keywords: cyborgization, biopolitics, digital technologies, power, control, ethics, hacktivism, digital rights, Foucault, Deleuze, technological singularity.

Obolonsky A.V. Moral Dramas and Paradoxes of Public Consciousness in Troubled Times (on the Fate of Russian Liberalism)

Summary: The sections of article are historical crossroads and “special paths”; ethics of liberalism in the latest soviet consciousness; bureaucratic mentality and liberalism; social roles are new, but actors the same; romantical period; moral price of economic transformation; negative psychological consequences; intuitive liberalism against of authoritarian pressure. The social ethical aspect of events during perestroika and several following years is a subject of the article. It had been the heydays of liberal ethical values, of romantic hopes and expectations and public demand for justice and honesty of authorities. Unfortunately, substantial underestimation of moral factors' meaning in the reforming process engendered resulting moral crisis, general disappointment in liberalism and other long-term negative consequences. Acquirement of intellectual and political liberties coincided of time with catastrophic economic situation and urgent necessity of hard measures conduct. It had been made and saved the country from economic collapse but for high political price The paradox of double, contradictory treatment of liberalism both in Soviet intellectual and bureaucratic circles is described. Exorbitant continuity of former soviet administrative personnel engendered moral anomy, identity crisis and alienation among them because inherited officials proved to be unprepared both morally and professionally for work in principally other situation of transit. It promoted development of systemic corruption. The phenomenon of deceived trust is mentioned. In concluding part of the article author turns to contemporary situation and founds in it a certain ground for optimism. It based on revival of demand for social justice and unwillingness to tolerate absence of it more. Public protest considers in this context as a normal element of social activity and political participation, as precondition for civil society existence. Such form of liberal values revival, intuitive sometimes, as forming of horizontal connections and parallel nonpolitical structures in different areas of social life, what makes them maximally independent from state bureaucracy, is marked.

Keywords: ethics, liberalism, bureaucracy, political liberties, identity crisis, trust, protest, disappointment.

Palamarchuk E.A. Eugenic Aspect of the Policy of “Healing” the Nation in Hitler's Germany: Theory and Practice

Summary: The article attempts a comprehensive analysis of the essential aspects of the eugenic project, the implementation of which was undertaken by the Hitler regime. Back in the pre-Nazi period, a theoretical basis was laid in Germany, based on which the leaders of the Third Reich began to put into practice the ideas of negative eugenics.

The main directions of racial policy, which had a clearly marked eugenic character, were the “solution” and then the “final solution” of the “Jewish question”, the extermination of the “non-Aryan” population of the territories occupied during World War II and Soviet prisoners of war, forced sterilization and “euthanasia” of the German population considered as a “social ballast”, the activities of the union “Lebensborn” for the breeding of the “perfect” race.

With Germany's defeat in the war, the regime's eugenic policy, which bore clear signs of genocide, designed to integrate Germans into a racially homogeneous “people's community” and, at the same time, play the role of a perversely interpreted existential factor, failed without bringing the expected results.

Keywords: eugenics, racial hygiene, sterilization, “euthanasia”, “the final solution to the Jewish question”, genocide.

Semina E.A. Problems and Prospects of Implementation of the 4-P Concept in the Healthcare System of the Russian Federation

Summary: The article examines the role of the 4-P concept in the modern healthcare system of the Russian Federation. The main problems and prospects of the implementation of this concept in the Russian healthcare system are identified and analyzed. The regulatory and legal aspects of the integration of the 4-P concept into the Russian public health system are analyzed. The role of the state as the main beneficiary in this process is indicated. The highlighted problems and prospects for the implementation of the concept were comprehended within the framework of the empirical research conducted by the author.

Keywords: state policy, public health, 4-P concept, national project.

Berlyavsky L.G. Electoral Systems in Foreign Countries: a Comparative Analysis

Summary: The electoral system is the most important institution of constitutional law in any state. At the same time, the electoral system in a broad sense is understood as a set of public relations (both regulated and unregulated by the norms of law) that arise in the process of forming state authorities and local self-government through elections. The electoral system in the narrow sense is a way of distributing mandates among candidates (lists of candidates). Depending on which electoral system is used, the results of elections with the same voting results may be completely different. Therefore, political forces in foreign countries, having really weighed their capabilities within each type of electoral system, defend the most advantageous option for them to form a state authority and local self-government.

Keywords: electoral systems, foreign countries, comparative analysis, state authorities.

Kapustin B.G. Kant on the Impossibility of Revolution

Summary: This paper reconstructs Kant's arguments regarding the moral “impossibility” of revolution, i.e., the conceivability of revolution only as a “rebellion against morality” and “devilish evil”. The paradoxical nature of this position is revealed when it is compared with Kant's recognition of the “empirical” benefit (of some) revolutions and even their necessity (in certain cases) for the implementation of the “secret plan of nature” in relation to humanity. The paradoxical nature of Kant's approach to revolution has both theoretical reasons, rooted in his doctrine of the “pure” morality of duty, and “ideological” reasons, which are examined in this paper through the prism of Nietzschean explanation of the “benefits and harms of history for life”. However, this Kantian paradoxicality is unusually theoretically productive. It encourages an understanding of the connection between freedom and evil, in which freedom begins with evil, is evil (in relation to the form of existence it denies) and only thanks to this does it acquire the only real modality of its existence – freedom-as-liberation.

Keywords: Kant, moral philosophy, freedom, evil, revolution, moral law and political law, people and sovereign, power, general will, historicism.

Khrenov N.A. On the Blank Spots in the History of Aesthetic Teachings: Did the Tradition of Epicureanism Influence Kant's “Critique of Taste”?

Summary: The article is dedicated to the outstanding German philosopher of the 18th century Immanuel Kant and is dedicated to the 300th anniversary of his birth. It is based on a report read at the Round Table “Reception of I. Kant's cultural and philosophical ideas in humanitarian discourse”, organized within the framework of the jubilee International Congress “The World Concept of Philosophy” in 2024 in Kaliningrad. The assessment of the philosophy of Kant, who is one of the most famous leaders of world philosophy, depends on how the subject of philosophy is understood today. In other words, is philosophy a science? Kant is known as a reformer of philosophy, for which he was called a “Copernicus” in philosophy. The meaning of his reform is that philosophy assimilates the achievements that took place in the natural sciences in the 17th century, i.e. in the era of the greatest rise in these sciences. Actually, achieving this goal turned philosophy into one of the sciences that also uses a strict methodology. Thus, Kant's reform of philosophy could be read as a manifesto of positivism. This is how one can read the first of his famous “Critiques”, namely, the “Critique of Pure Reason”. However, if you look at it this way, it becomes not entirely clear why the same Kant makes a significant contribution to the emergence in the 18th century and the formation of a new humanitarian science, namely aesthetics. He outlined his ideas of this kind in the last, i.e., in the third “Criticism”, known as the “Criticism of the faculty of judgment”. But this work is already completely far from the positivist spirit and is focused on understanding the phenomena that the humanities deal with. This circumstance dictates to look at the subject of philosophy in a different way, namely, to consider philosophy as the basis of a worldview. Philosophers such as Schopenhauer, Schelling, Bergson, Berdyaev and others who do not adhere to the point of view that philosophy is a science stand on an alternative position to Kant in relation to philosophy. But the philosophy of antiquity, starting with Socrates and Plato, is also far from positivist attitudes. An alternative understanding of philosophy in the twentieth century is also expressed by M. Heidegger, who, returning to Kant, emphasizes that the subject of philosophy is man and his existence in the world. To prove this idea, the author of the article turns to ancient philosophy, trying to find ideas among ancient philosophers that are close to such a worldview understanding of philosophy. The article convincingly and, perhaps, for the first time in Russian science shows that the tradition of hedonism, which is fundamental in Kant's understanding of aesthetics, is a tradition that originated in ancient philosophy, namely, in the philosophy of Epicurus. However, Epicurus was unlucky. Practi-

cally little of his numerous writings has been preserved, meanwhile, the philosophical school he created in antiquity was one of the most popular. Epicurus was forgotten and, moreover, cursed. Epicurus will be rediscovered only during the Renaissance. But the real new birth of Epicurus is still the XIth century, i.e. the age of Kant, when epicureanism becomes the spirit of this era. This could not but affect Kant, who returns the hedonistic motifs of Epicurus' aesthetics in the forms of aesthetics. The author of the article argues that Epicurus can be considered the “ideologue” of all the “thaws” that took place in history. He taught how to achieve happiness, how to value life, cultivate the natural, natural principle in it, and avoid religious asceticism and political fanaticism, as well as artificial needs.

Keywords: epicureanism, Stoicism, Christianity, hedonism, European decadence, Roman decadence, rejected knowledge, natural sciences, humanities, subject of philosophy, aesthetics, hermeneutics, “Criticism of pure reason”, “Criticism of the faculty of judgment”, Plato, I. Kant, Epicurus, Lucretius, Seneca, Marcus Aurelius, M. Heidegger, E. Cassirer, A. Riehl, J.M. Guyot, D. Merezhkovsky, A. Losev.

Belonogov I.N. Screaming Machines. Desert Chronicles

Summary: This text is an experimental attempt to make an “objective” generational statement. For this purpose, the locality and non-standard nature of the subject-author used as an example are postulated and the requirement for the explication of his point of view for its objectification is introduced. The concept of generations and their specifications is introduced. The author's point of view is objectified by describing the basic principles, passions and environmental factors that were decisive for the formation of his subjectivity. After this, a statement is made about the generation in the broad sense of the word. Further, the main teachers-attractors who influenced the formation of the philosophical aspects of the author's subjectivity are indicated, after which a statement is made about the philosophical generation. In conclusion, a forecast is made regarding the future.

Keywords: philosophical generation, generation Y, 2007, RPG, Gilles Deleuze, Friedrich Nietzsche, Frikazoid, Belonogov Ivan, “le Shizo”.

Marchukova E.S. Reflections on the Philosophical Generation as a Type of Spiritual Practice

Summary: The article presents reflections on the concept of “philosophical generation”. The significance of the very formulation of the question of the definition, boundaries and characteristic features of a particular philosophical generation is associated with the opportunity to rethink personal academic and life experience. The author analyzes the key events of her professional development and work at the Institute of Philosophy, talks about communication in the philosophical environment, the specifics of a number of scientific projects, the general atmosphere and the most significant moments of the life of the Institute of Philosophy in the second decade of the 21st century.

Keywords: philosophical generation, Institute of Philosophy, philosophical community, “Philosophical Workshop”.

Winkelman A.M. Generation is a Verb

Summary: It seems that the difference between generations is usually discussed from the positions of extremes: the elders say that they do not understand the younger, and the younger ones say that they do not understand the elders. Now I am somewhere in the middle and therefore I would

like to tell about my experience of understanding the topic of generations. On the one hand, this text is almost philosophical, because generation is a key historical category. On the other hand, I tried to show the fundamental nature of this category through a personal story in which all generations – from Thales to my first students – are inextricably linked. Generation is not a frozen concept, not a given, but an action and an effort, generation is a verb.

Keywords: generations, HSE, German philosophy, 21st century.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.

Religious Prerequisites for State Interest..... 6

GENERAL PROBLEMS OF POLITICAL CONCEPTOLOGY

Rozin V.M.

Social Research and Science: Composition and Foundations (Methodological Analysis)..... 15

Gurov O.N.

Embodied Power: Cyborgization as a Mechanism of Biopolitical Control..... 23

Obolonsky A.V.

Moral Dramas and Paradoxes of Public Consciousness in Troubled Times
(on the Fate of Russian Liberalism)..... 34

TOPIC OF THE DAY: YESTERDAY, TODAY AND TOMORROW

Palamarchuk E.A.

Eugenic Aspect of the Policy of “Healing” the Nation in Hitler's Germany:
Theory and Practice..... 50

Semina E.A.

Problems and Prospects of Implementation of the 4-P Concept
in the Healthcare System of the Russian Federation..... 62

Berlyavsky L.G.

Electoral Systems in Foreign Countries: a Comparative Analysis..... 72

300TH ANNIVERSARY OF IMMANUEL KANT

Kapustin B.G.

Kant on the Impossibility of Revolution..... 89

Khrenov N.A.

On the Blank Spots in the History of Aesthetic Teachings:
Did the Tradition of Epicureanism Influence Kant's “Critique of Taste”?..... 115

INTELLECTUAL EVENT

From the Editor..... 133

Belonogov I.N.

Screaming Machines. Desert Chronicles..... 133

Marchukova E.S.

Reflections on the Philosophical Generation as a Type of Spiritual Practice..... 157

Winkelman A.M.

Generation is a Verb..... 164

Authors..... 172

Summaries and keywords..... 174

Contents..... 180

Notes for contributors..... 182

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и её условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объёмом не более 1,5 а. л. — 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, учёные степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу — 2 см, справа и слева — 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски даются в тексте, в квадратных скобках: [Фамилия год: страница].

6. Библиографический список оформляется следующим образом:

Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.

Фамилия И.О. Год. Название статьи. – *Название журнала*. – Номер. – С.

Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: <http://URListochnika/>. – Проверено: Дата.